

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1981 (III) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 15

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1981 (III) ВЫХОДИТ ЕЖЕКВАРТАЛЬНО № 15

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A.
New York, N.Y.

Редакция: проф. В.И. Алексеев (США), проф. А.Е. Климов (США), проф. Р.В. Плетнев (Канада), Г.А. Хомяков (Г. Андреев, главный редактор, США).

Члены редакционного совещания: прот. А. Трубников (Франция), свящ. А. Лебедев (США), дьякон Н. Семенов (Франция), Е.А. Вагин (Италия), проф. Ю.Л. Джапаридзе (США), К.И. Киселева (США). А.И. Михайловский (ФРГ), проф. Н.П. Полторацкий (США), свящ. В. Потапов (США), Г.А. Рар (ФРГ), Т.А. Родзянко (США), Н.Г. Семенова (Франция), А.Н. Федоров (Франция).

Писать по делам журнала по адресу издательства. Рукописи посылать по адресу:

**G. Homjakow, 39 Drake Drive
Bayville, New Jersey 08721, USA**

Рукописи просьба присылать напечатанные на машинке на одной стороне листа и через два интервала. Непринятые рукописи не возвращаются. Статьи, помещенные в журнале, не обязательно выражают мнения и взгляды редакции, считающей, что тема Возрождения России должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Комиссия по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Адрес издательства:

**Rev. A. KISELEV
1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street,
New York, N.Y. 10025, USA. tel.: (212) 663-9093**

Copyright by the Preparatory Committee for the One Thousandth Anniversary of the Baptism of Russia, 322 West 108 St., New York, N.Y. 10025, USA.

« РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их исторической неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, — литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмысливать в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США — Американско-русское просветительное Общество «Родина» — Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей — Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека — Гарнизон 297 им. ген. Турчинова — Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия — Кадетское Объединение — Комитет защиты гонимых православных христиан — Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе — Конгресс русских американцев — Национальная Организация Витязей — Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) — Организация Российских юных разведчиков — Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС — Общество «Отрада» — Обще-Монархическое Объединение в Монреале — Общество «Икона» в Париже — Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской — «Православное дело» — Русско-американское просветительное общество в Детройте — Российский Имперский Союз-Орден — Русский центр в Сан-Франциско — Св. Серафимовский Фонд — Св. Троицкий Монастырь — Северо-американский отдел Русского Общевоинского Союза — Ставропигильный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвиль) — Союз русских инженеров — Союз офицеров Русского Экспедиционного Корпуса — Союз ревнителей памяти Императора Николая II — Российское национальное объединение в Германии — Братство Святого Креста в Австралии — Общество Галлиполийцев в Лос-Анжелесе — Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция — Православный русский очаг в Аргентине — Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США — Фонд Царя-Мученика — Православное братство всех Святых, США — Восточно-Американская и Ньюйоркская Епархия — Владимирское братство, США — «Русский очаг», Аргентина — Союз дворян в Париже.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

А. Солженицын

ИЗ УЗЛА III "МАРТ СЕМНАДЦАТОГО"

(Двадцать седьмое февраля)

8*

Назначили генерала Иванова, приняли решение о посылке войск — теперь всё будет хорошо, и петроградский вопрос мог перестать и существовать, уж по крайней мере на сегодня. Сегодня — мог бы уже длиться и покойный вечер — отдохнуть, поиграть с Граббе и с Ниловым в домино, почитать в постели историческую книжку, да и спать. Тихим поздним вечером все оберегательные силы организма так ошетиняются: чтоб ничто не ворвалось и не нарушило!

Но — опять притащился хмурый Алексеев — и принес телеграмму Рузского. Всё-таки, вот, Рузский — неискренний: сутки переждав, оглядываясь, как неблагоприятно развиваются события в Петрограде (он получил копию панической телеграммы Беляева) — тоже присоединялся к Родзянке, тоже передавал его взбалмошную телеграмму — и, тоже заклиная победой, продовольственными и транспортными трудностями, дерзал всеподданнейше доложить о срочной необходимости успокоить население, но что меры репрессий скорее бы обострили положение, чем умиротворили его.

Не писал он прямо о поддержке ответственного министерства, но получалось, что поддерживал его.

Да и сам Алексеев, с хмуро-недовольным видом, будто Государь нанёс ему личную обиду, тоже был того же направления.

© Copyright 1981 by A. Solzhenitsyn.

* Номера глав поставлены условно.

Да подозревал Государь, что и свита вся уже мыслит так.

Но — невозможно было им всем объяснять или отвечать.

Однако — денёк! Прошёл час — и Алексеев снова появился в царском доме, ещё согнутой, кислей и озабоченней. Оказывается, у него только что был прямой аппаратный разговор с великим князем Михаилом из Петрограда, тот и сейчас остаётся у провода. Он просит доложить Государю, что волнения приняли крупные размеры и единственный путь успокоения — *по его глубокому убеждению* — уволить весь состав совета министров. Он считает, что выход только: избрать лицо, уважаемое в широких слоях... — но ответственное единственно перед его императорским величеством. И даже советовал, кого: князя Львова.

Ах, Миша-Миша, скрутили голову и тебе, думаешь ты — головой Родзянки. Да когда же и какие у тебя были *глубокие убеждения*, особенно в государственных делах! Милый тихий человек, хороший средний офицер, больше всего захваченный своей любовью к своей разведёнке, — уж он-то зачем вмешивается?

Как сговорились, все в одном кольце осады против Государя. Да, и вот ещё: Миша имел суждение не советовать Государю ехать в Царское в эти дни!..

Очень опечалился Николай этим вмешательством брата. Именно близость советчика задевала за душу — напоминала, растрогивала... Но не давая увидеть Алексею ничего этого семейного, — Николай ответил сразу, поспешил ответить — с неудовольствием, для передачи брату. Что благодарит его императорское высочество за совет. Но ввиду чрезвычайных обстоятельств не только не отложит своего отъезда в Царское Село, но выедет завтра же. Приехав, он на месте всё и

решит касательно состава правительства.

Ну, пожалуй, и сообщить ему о посылаемых войсках и об Иванове. От великого князя это не секрет.

Алексеев ушёл, — а Николай, освобождённый от необходимости держаться невозмутимо, — стал расхаживать по кабинету, поскрипывая сапогами и разглаживая усы. Это известие от Миши задело его. Зачем, зачем он вмешивался не в своё? Зачем он дал себя закружить? Какая сила речей у этих говорунов, они затмят кого угодно. До чего же дошло — Миша, всю жизнь занятый своей любовью и кавалерией, бесприязательный Миша даёт ему государственные советы, да какие — сдать позиции! Да разве у него есть государственный смысл? Он сам-то прощён и возвращён в армию и в Россию — ещё нет трёх лет.

А ведь именно он когда-то и был наследником престола. Именно ему и надлежало вести Россию — как же бы он её повёл?

Николай перед собой и перед Богом знал свои недостатки. Он не только считал себя царём неудачливым, но — и недостойным. Однако, с годами всё больше, а от войны и полностью он отдавал себя всего этому званию, этому бременю — и уж теперь-то знал его вес и давление.

И тут — брат Георгий выдвинулся ему из голубой абастуманской дали, где умер он и никогда не посещена его могила, — безвременно умер, бессмысленно, от запущенной простуды.

Да не бессмысленней, чем гигант-здоровяк Отец. Как-то внезапно хватывало и уносило из жизни их ветвь.

Выдвинулся Георгий — не весёлым юным спутником дальневосточного путешествия, но уже с предпоследними своими печальными чахоточными глазами,

— и так вдруг больно потянуло Николая к несостоявшемуся брату. Кто бы был он сейчас, и какой, может быть, сподвижник? И какая, может быть, опора в династическом раздоре?

Подходила полночь, кончался день. Удивительно, что за весь такой тревожный день не было ни единой весточки от Аликс.

Это могло только значить, что волнения не столь опасны, и она не хотела тревожить мужа зря. Но тогда отчего не успокоила?

За 22 года привык, прижился, прирос Николай к ежедневным беседам с нею о делах или к её ежедневным многостраничным письмам, наполненным государственными тревогами и разъяснениями о людях, кандидатурах, ситуациях. Как к ежедневному делу он привык и приутоился медленно читать и перечитывать, и обдумывать эти письма, и делать выводы. Он привык думать и решать только вместе с Аликс. За всю жизнь не было у него друга и советчика более честного, более преданного, более умного, энергичного и проницательного, чем жена.

Кончался день, но не кончались, а только раскручивались тревоги. Опять, тяжело стуча сапогами, уже даже по-солдатски, а не по-офицерски, бедняга Алексеев, ещё больше озабоченный, пригорбленный и горящий температурой, принёс теперь телеграмму Голицына, составленную вполне растерянно.

Сперва: совет министров дерзает представить его величеству о безотложной необходимости объявить столицу на осадном положении — впрочем, тут же оговариваясь, что это уже выполнено властью военного министра.

Но Государь уже несколько часов, как знал об этом! Он глянул теперь на пометки времени и изу-

мился: принесенная телеграмма Голицына находилась в пути — пять часов! Что делалось с телеграфом, чьи злодейские руки могли так задержать телеграмму председателя совета министров — своему императору?

Но уже и доискиваться был недосуг. А — читать дальше.

Совет министров всеподданнейше ходатайствует о поставлении во главе оставшихся верных войск — одного из военачальников Действующей Армии с популярным для населения именем.

К счастью, именно это и сделано. Хорошо придумали с Ивановым.

И наконец, уже как о подробности: совет министров предлагает себя распустить, а председателем назначить лицо, пользующееся общим доверием, — и было бы составлено ответственное министерство!

Редко-прередко Николай выходил из себя, — но, кажется, начинал выходить. Это изумительно! — государевы министры, государевы слуги, поставленные самодержавной Верховной Властью, они не только потеряли голову и всякую волю, но брались ходатайствовать за уничтожение собственного существования, чего до сих пор добивались только их враги! В минуту опасности — хотели дезертировать всей своей кучкой.

И голос энергичного, всегда бодрого, уверенного Протопопова — не выделился среди них. Ничего отдельного не шло от него весь день.

Неумелый, слабый старый князь Голицын! — неужели именно сейчас было время для перестановок?.. Который уже раз, с какой стороны слышал Государь, — но ещё ни разу от самого совета министров — это нудно-однообразное и головокружительно безумное по смыслу требование ответственного министерства!

И не в Алексееве тут было найти сочувствие, даже

напротив. Привыкнув к простоте отношений, Алексеев сейчас, не ожидая спроса, глухо-бурчливым голосом присоединился уговаривать: уж если правительство само о том просит? Решить раз навсегда этот проклятый тыловой вопрос — и вести войну к победе.

Со стариком Алексеевым, кроме того несчастного случая с гучковским письмом, Николай всегда говорил уважительно: как было не полюбить его за неусыпное кропотливое пристальное бдение в штабе! Но сейчас — даже говорить не захотелось.

Холодно отклонил, что на телеграмму ответит сам.

И ушел больной старик, хмурый, пригорбясь.

Николай курил — и ходил. Он ощущал себя как в глухой круговой осаде. Со всех сторон все добивались одного и того же, не понимая, о чём просят. Это была бы — совсем не малая проходная уступка: если министры будут сменяться не Государем, а парламентом — это разрушение монархического принципа. Это — почти упразднение Государя. Республика.

Над Николаем парило сегодня воспоминание октября 1905-го. Тогда тоже казалось — так неизбежно уступить, все вокруг за уступку, никто не поддержал! — и Николай соскользнул. И сколько горя от того! И как же потом жалел! Но соскользнутого — потом назад не возьмёшь.

Так сегодня он не допускал себя испугаться, не допускал повторить той уступчивости: опять у всех обман чувств.

Какое же отвратительное состояние: быть так далеко от событий и получать сведения столь опоздавшие, столь отрывочные и столь грозные.

А непереносимей всего — без Аликс. Получать все эти ужасные телеграммы — и без неё. Ощущение сирости, непокрытости, одинокости. Боже, как дожить

до завтрашнего дня, чтобы ехать к ней?

(Вдруг мелькнула мысль: а что бы — не дожидаться завтрашнего дня? Взять — да поехать раньше, скорей. Что тут держало в Ставке? — один утренний доклад Алексеева да этикет завтрака?)

Кто был вокруг него? (Вот, они сидели ещё за одним, последним вечерним чаем.) Свита. Как будто необходимые, при своих обязанностях, и милые, — а совсем не действенные люди, не советчики, не помощники. Министр двора Фредерикс — уже совсем в рамо-литете, порой слабоумен, содержимый по жалости, из традиции. Маленький адмирал Нилов — хорошее сердце, горяч, да всегда нетрезв. Сонливый Нарышкин, услужливый Мордвинов. Один Воейков энергичен и голова работает практически, но больше всего практически — на собственное устройство. А досмотревшая до него Аликс предупреждала не раз, что при всей его внешней уверенности, самонадеянности и властолюбии — он внутренне трус и всегда может изменить.

Никем не подкрепляемый, Государь собственной рукой написал ответную телеграмму Голицыну: и новый воинский начальник, и войска придут в Петроград немедленно. Но перемены в личном составе гражданского управления при данных обстоятельствах считаю недопустимыми.

И — сам понес телеграмму в штаб, чтобы своим появлением ещё раз внушить Алексееву, что никаких уступок по ответственному министерству не будет.

Оказалось, Алексеев настолько худо себя чувствует, что прилёт. Государь не велел его поднимать. Но передать ему, что *решение неизменно*.

Однако, не успел Николай вернуться к себе, готовясь уже и почивать, — как снова, тяжёлой походкой, уже даже не военной, к нему прибрёл Алексеев. И —

стал отговаривать от посылки такой телеграммы.

Какая-то часть мозга у всех у них была поражена! — и они не понимали, о чём просили.

Трудно было Алексееву подняться из постели и прийти.

Ещё труднее — Государю устоять на своём.

Но, собрав всю волю, устоял перед умолениями.

Он сам не узнавал своей твёрдости! Аликс гордилась бы им!

Но вся эта последняя твёрдость, которую он в себе съёжил и додерживал, всё черезсильное стояние этого дня — могли вот-вот и рассыпаться. Тянуло прикоснуться скорей к спасительной силе жены и почерпнуть новой твёрдости.

Правда: что если б не откладывать на середину дня, а поехать в Царское раньше. Например, утром?..

Уже уходил спать в свою с наследником маленькую спальню, уходил в нерешительности, уже как бы не веря, что день может просто так кончиться, — и тут доложил через камердинера и вошёл крупным решительным шагом Воейков. (По виду не бывало более уверенного и решительного человека, чем он.)

Вот с чем: только что из Царского Села поступил телефонный запрос обергофмейстера графа Бенкендорфа: *не желает ли его величество, чтобы её величество с детьми выехали ему навстречу?*

Загадка!..

Николай изумился: при тяжёлой кори детей, по морозу — выехать навстречу? Как это понять? Только что, в последнем письме, отговорилась от поездки в Ливадию — весной и по выздоровлении детей, — а теперь готова в мороз ехать с больными?

Но телефонная линия с Царским всегда работала перерывисто, неразборчиво. Да не выносил её Николай.

О, Боже! Как всё понятно: императрица — в отчаянном положении, она боится за детей, боится этого бунта больше, чем кори? Так каково положение там?

Практик Воейков быстро соображал: именно так и надо делать, немедленно выхватить семью из Царского, хотя бы на автомобилях, на аэропланах! А потом — в поезд, и в Крым. Именно так, ваше величество.

Но Государь представить такого не мог: дети, наследник пригвождены к постелям — и как же можно рисковать везти их по холоду? Не такой же бунт, преувеличение. Сама же императрица ни одной грозной телеграммы не дала за день. Ни Протопопов.

Но, Боже! Как же ей одиноко, и смутно, и тяжело. Как же он мог ещё раздумывать, ускорять ли свой отъезд?

Ответить: ни под каким видом не ехать! Государь немедленно выезжает в Царское сам.

Решил — и как сразу облегчилось сердце! Вся тяжесть этого дня, этих дней — как будто уже и спала, пережита! Скоро — вместе! Скорей соединиться! Всё изболелось! Как она одна там, бедняжка, как?!

И — послал Воейкова распорядиться подать царские поезда немедленно! Уже не ложимся спать в Ставке, а — сразу же едем!

Да мятежники может и правда угрожают Царскому? Но там — Сводный полк, Конвой, гвардейский экипаж, четыре запасных гвардейских батальона императорских стрелков! Там — силища! И ещё едет георгиевский батальон. И начнут подъезжать полки с фронта!

Привычно, быстро уже собирал мелкие путевые вещи.

Но Воейков воротился с досадной задержкой:

поезда технически не готовы к движению, можно приготовить только к концу ночи. А садиться в вагоны — можно около часа ночи.

Через час? Ну, хотя бы так. Собираемся.

Но — опять Алексеев! Прослышал о царском распоряжении — и снова поднялся и, пошатываясь, со сдвинутыми очками, пришёл уговаривать Государя снова, на этот раз: не ехать ни за что!

Так просил и Миша: только не ехать в Царское.

Так просил теперь и Алексеев: опасная минута, в Петрограде неопределенность, правильное место Государя — в Ставке. Вся Россия в покое, кроме Петрограда нигде беспорядков нет, вся Действующая Армия — в порядке, строго подчинена державному вождю — как же может Государь всё это покинуть и ехать сам на опасность?

Но — уже было радостно решено! И Государь просто не понимал бесцеремонного вмешательства начальника штаба в свои личные дела. Какой зов над человеком властнее, чем зов семьи?

А Ставка? — оставалась в руках Алексеева. Государь уезжал спокойно.

.....

9

Николай не мог жить без Аликс настолько, насколько человек не может жить с выеденной грудью или отсеченной половиной головы. Сам с большими военными пристрастиями, попадая в атмосферу Ставки, он как будто должен был бы расцветать мужскою военной жизнью, — нет! Уже в первый день он испытывал рассеянность, недостаток, тоску, — и пуст и печален был тот редкий день, когда не приходило от неё письмо. (Зато

уж на завтра — всегда два.) А приходило — Николай ещё распечатывал его всякий раз с усиленным биением сердца, и окунался, вдыхал аромат надушенных листков (а иногда к ним прилагались и цветки) — эти запахи возбуждали такие чудные воспоминания и так тянуло к жене тотчас, сейчас! А затем он впивал, перелагал в себя, так и этак перечувствовал каждое слово письма и прижимался губами к бумаге, которой касались её обожаемые руки (и особенно целовал те обведенные места, которые поцеловала она). Читал неторопясь и даже с уютом, как бы ни было длинно письмо (а почти всегда длинные), — и ещё перечитывал потом непременно. Как всегда повторяла она, так убедился и он: разлука делает любовь ещё сильнее. И сам он не писал ей письма только в тот день, когда уж было слишком много бумаг или приёмов, — но и над бумагами и во время приёмов он помнил её постоянно, как тем более в часы досуга или прогулок. Только когда он проходил смотром перед выстроенными полками — ему удавалось забыть её на короткие минуты. Даже новая иностранная книга, прочтённая им про себя, отдельно, как бы не являлась ему полностью, пока он её не перечитывал ещё раз вслух, с женой. Даже присутствие наследника с отцом в Ставке лишь немного развеивало и смягчало эту вечную недохватку разумницы-жены в существовании. Но наследник по здоровью часто не мог ехать с отцом — и тогда тоскливое одиночество обступало стеною, и даже одна неделя в Ставке казалась годом, а три недели — вечностью, да три недели он почти никогда не выживал тут, либо уж сама государыня приезжала в Могилёв.

И ещё насколько мучительней были четыре дня, в этот раз проведенные в Ставке: из-за болезни семьи и тревожных сведений из Петрограда. Всё хмурей, напря-

женней становилось с каждым часом, за последний день Государь перетратился нервами и упорством воли — отказывать в уступках нарастающему сводному хору — Родзянке, Алексееву, собственному брату, а, за всеми ними стояли же ещё другие просящие. Он — перетратился, и он нуждался скорее соединиться с женой, с которой за 22 года был сращён как два дерева, разветвлённых из одного ствола.

От момента за поздним чаем, когда Воейков и Фредерикс представили ему тревоги из Царского Села и Николай решил ехать, — ему сразу стало легче. Когда вошёл в свой вагон близ двух часов ночи — ещё легче. (Но поезд не был технически подготовлен и ещё до пяти или шести утра вынужден был стоять.)

Оставалось время. Успокоился. А спать ещё не хотелось. И что Государь почувствовал себя обязанным сделать — это поговорить с Николаем Иудовичем о деталях его экспедиции и намерений. Вагоны стояли недалеко, и он вызвал генерала.

Разговором остался очень доволен, ещё более облегчилась душа. Какая была в этом старике народная основательность, мудрость и какая преданность своему Государю! На этого человека можно было положиться, смелый боевой генерал. (Теперь пожалел, что в Пятнадцатом году не согласился с женой, и не назначил его военным министром, считая слишком упрямым, — может быть, и не было бы нынешних беспорядков.)

Да всё настроение было совсем не тревожное, когда и сам уже ехал туда.

Тут дослали в поезд вечернюю телеграмму Хабалова, что-то очень паническую: что не может восстановить в столице порядка, уже большинство частей изменили своему долгу, братаются с мятежниками и даже

обратили оружие против верных войск. И вот, большая часть столицы — уже в руках мятежников.

Да может ли такое быть?? Да это вздор невысказанный.

И Николай Иудович тоже так думал, несколько не обескуражился:

— Выгоню всех и вычищу! Ваше императорское величество, вы можете быть во мне уверены, как в самом себе. Сделаю всё возможное и невозможное!

И борода его лопатная, народная, верная, как бы подтверждала.

Из деликатности Государь, однако, постеснялся спросить у генерала точный час его выезда из Могилёва с георгиевским батальоном, — но, очевидно, что уже не в эти ночные часы (а хорошо бы!), а рано поутру.

Но если Иванов начнёт движение своего отряда только утром и из первых целей имеет оборонить Царское Село, — то не терялся ли смысл экстренного выезда императорских поездов? Нет, потому что последнее время они ходили другим, более кружным, но и более удобным путём, через Николаевскую дорогу. Пока они совершат этот обход, — а Иванов уже и будет в Царском. Да уже было обещано Аликс, что он выедет этой ночью. И перед свитою неудобно менять: команда дана, погрузились.

В виде шутки намекнул старику, что может быть ещё успеет в Царское раньше него.

Прощаясь, перекрестил его. И трижды поцеловались.

А самое главное: движение поезда уже есть облегчение. Николай нуждался теперь восполниться покоем, душевным отдохновением. И оторваться от этих непрерывных телеграмм и донесений, которые в Ставку просто лились. Меньше известий — меньше

решений. Покой — это прежде всего вокруг себя и на ближайшие часы. Около суток провести без этих волнений — насколько легче! А там — достичь Царского, убедиться, что свои — целы, не захвачены, — и уже в твёрдом состоянии и слитно с Аликс всё решать. Николай не знал, что именно решит и сделает, когда приедет в Царское, но во всяком случае там он за несколько часов осмотрится.

После пяти утра мерная укачка вагона давала это чудесное совмещение: иллюзии действия и одновременно покоя. В начавшемся движении поезда умерялись все неприятные петроградские новости.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.
Основан Братством преп. Иова Почаевского в 1928
году

Подписная плата на год 20.

Отдельный номер 1. -

Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361

Г. Ехлаков

КОЗЕЛЬЩАНСКОЕ ЧУДО

Посвящается 1000-летию Крещения Руси.

Страшны и таинственны явления чудес Божиих, отвергающих вдруг прикровенные дотоле за внешностью материи бездны промыслительного попечения, океаны милосердия, неисчетную милость Господню, уготованные Его людям. Никогда не иссякали чудеса и в избранной для искупления человечества стране Российской, а в трудные времена, какими без сомнения почитается последнее наше столетие, число их и сила, вопреки материалистическим предрассудкам, возрастают. Более того, тем, кто привык к явлениям многовековой давности относиться скорее как ко благочестивому преданию, нежели чем как к живой реальности откровения, новейшие чудеса необходимо просветляют затемненное привычными сомнениями внутреннее, духовное око.

”Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день”, — говорит св. апостол Петр во втором соборном послании¹, вспоминая слова Псалма 89-го²; и вот скоро исполняется тысячелетие того, как

Этот очерк прислан нам из России (Ред.).

1. 2 Петр. 3, 8.

2. Псал. 89, 5.

длится в Отечестве нашем этот чудный Господний день, начавшийся светлым утром Крещения в днепровских водах, откуда обновленные праотцы наши вышли уже не племенем, но единым русским народом, где родился и доселе не иссякающий дух национального строительства и творчества. С тех пор глубоко верующий православный человек никогда не имел недостатка в подтверждениях небесного державного водительства его Церкви, цельного духа его народа Самим Господом Иисусом Христом, Пречистой Его Матерью и всеми святыми, в земле Российской и всем мире просиявшими.

”Не умолчим никогда, Богородице, силы Твоя глаголати недостойнии: аще бо Ты не бы предстояла молящи, кто бы нас избавил от толиких бед, кто же бы сохранил до ныне свободны; не отступим, Владычице, от Тебе, Твоя бо рабы спасавши присно от всяких лютых”, — поет и ныне Русская Церковь старинный греческий, по праву ставший родным тропарь Божией Матери, благодаря Небесную Заступницу родины за вся блага, явленная Отечеству в тысячелетнюю его историю после Крещения через тысячи путей, связавших нас с Нею: предстательство пред божественным Ее Сыном, святой Покров, благодать, молитву, а также и через столь почитаемые у нас богородичные иконы, явление которых никогда не прекращалось на Святой Руси. Одно из позднейших подтверждений тому представляет собой чудотворная Козельщанская икона, 100-летие прославления которой исполнилось 21 февраля (16 марта) 1981 года.

Время явления нового образа совсем не случайно совпало со страшной трагедией в истории России: мученической гибелью Царя-Освободителя Александра II (что ставит ее также в ряд со знаменательным откры-

тием другой чудотворной иконы Богородицы — Державной — обретенной в древнем великокняжеском селе Коломенском под Москвой в самый день отречения Государя Императора Николая II: 2 марта 1917 г.). Ведь тогда, в конце 19 века, решалась судьба наступающего столетия и закладывались его основы. Это были переломные для родины годы: решался коренной вопрос о том, удастся ли силам разрушения переломить хребет нации — или же она, переболев самой опасной за все ее существование хворостью, выработает в себе самой, в лучших из своих людей противодействие Злу и найдет силы для выздоровления. Современник этих событий писал:

”Враги предержавшей власти и церкви употребляют все усилия, чтобы ослабить основы нашей религии и общественной жизни. Толпы каких-то новых, непризванных учителей идут в народ поведать ему слово какой-то новой проповеди, еще не слыханной в избе нашего крестьянина, с целью перевернуть его верования и убеждения по своей безумной программе. Встречая в нашей православной церкви и ее святом учении одно из главнейших нравственных препятствий для успеха своей проповеди, а в государственном устройстве — фактическую силу, стесняющую их замыслы, они стремятся всеми мерами унизить значение церкви, подорвать в народе доверие к богоустановленной власти, чтобы таким образом без всяких тормозов и преткновений делать свое темное дело. События 1-го марта³, так недавно свершившиеся пред глазами нашими; появление среди нашего единоверующего православного народа штундизма, шалопутства и пашковщины, — есть непреложное доказательство того, что мы имеем дело с какой-то кромешной силой, фактически заявившей и свое существование, и свой характер. Само собой разумеется, что для того, чтобы успешно бороться со злом, которое силится ратоборствовать пред глазами нашими, нужна сила, противящаяся распространению зла, то есть та сила, которая могущественно поддержала бы в народе авторитет нашей православной церкви и власти, покорной этой церкви, авторитет ее святости и высокого водитель-

3. 1 марта 1881 г. был злодейски убит Император Александр II.

Чудотворный список козельщанского образа Божией Матери, находящийся в Красногорском Покровском Женском Монастыре г. Золотоноша (Киевской епархии). 1980 год.

ства. Кто же лишит нас искренней уверенности в том, что события, совершающиеся в настоящее время пред новоявленным образом Божией Матери, суть именно одно из могущественнейших средств, ниспосланных от Бога, с одной стороны с целью укрепить в вере слабых, а с другой — показать народу, что его вера и его убеждения, как не зараженные еще той безумной проповедью, которая силится растлить народ, истинны и святы? И едва ли со стороны нашей будет тяжкой, если мы решимся утверждать, что современное брожение мысли и современная шаткость убеждений, коснувшиеся и самого народа нашего, побуждают последний искать для себя опоры именно там, где виднее знамение Божие, Божий перст, указующий путь к успокоению его ума и его мятушегося сердца...

С этим же самым чувством надежды на помощь Божию смотрит наш народ на новоявленный образ Божией Матери, пред которым совершаются великие знамения благодати Божией, и укрепляемый в своей вере и преданности церкви православной знамениями этими, назидательную повесть обо всем виденном и слышанном разносит по всему краю нашему..."⁴

Слава о чудесах от Козельщанской иконы распространилась исключительно быстро, что несомненно свидетельствует о неутолимой молитвенной жажде и уповании православного человека.

"В то самое время, когда темная вражья сила всячески старается посеять в земле Русской мрак неверия и ересей, свыше ниспосылаются благодатные явления, всенародно свидетельствующие о святости нашей веры и Церкви, о том, что благодать Божия неизменно пребывает в них и не оставляет земли Русской. К числу таких знаменательных событий принадлежит и возникновение "Божьего уголка" в Козельщине, и чудеса, совершившиеся и совершающиеся здесь, у лика новоявленной иконы Богоматери. Ни один поезд не проходит теперь без остановки мимо этого места, у которого три года назад устроена станция; ни один пассажир не проезжает без крестного знамения и молитвы, для чего велят себя даже будить ночью. Каждый состав привозит сюда и увозит домой десятки, а в иное время и сотни пассажиров... Пусть же шире и шире прославляется этот

4. С. Гаврилков, прот. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава, 1885 г., стр. 65-67.

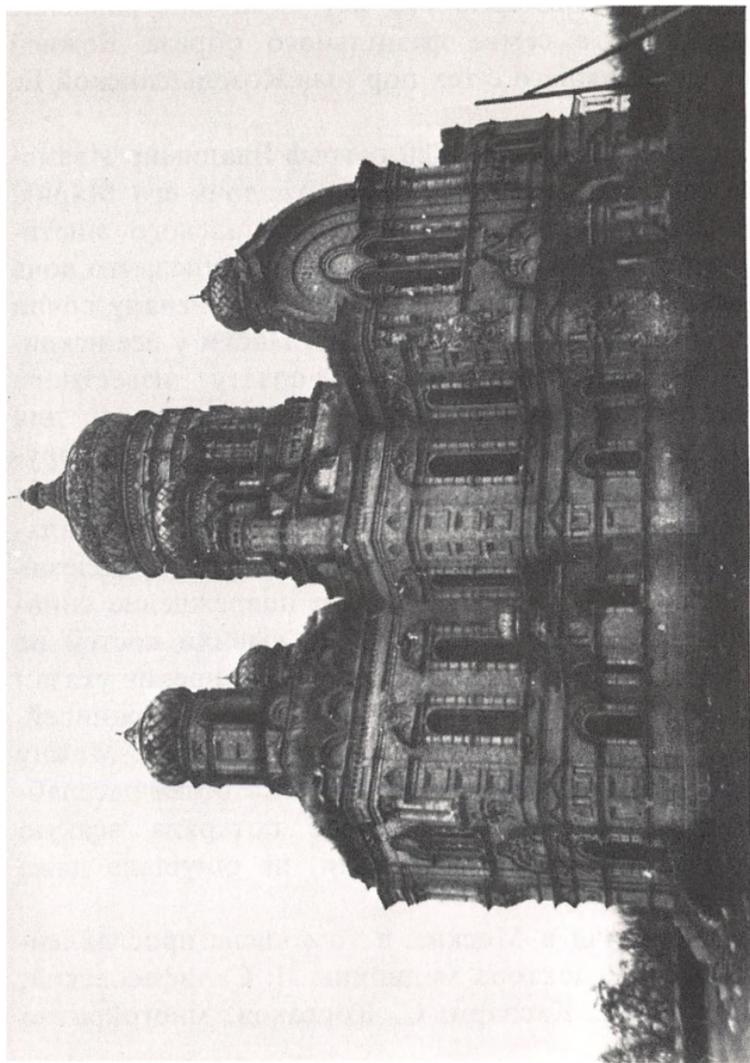
“Божий уголок” по всей земле нашей, пусть знают “алчущие и жаждущие правды” русские люди, где им иметь удовлетворение своей благостной жажды”⁵;

— Рассказывали уже в начале нашего века про обитель новой православной святыни, всего двадцать два года по открывшем ее чуде, произошедшем в скромном до того имении графов Капнистов — деревне Козельщина Полтавской губернии, основанной во второй половине 18 века и едва насчитывавшей к тому времени тысячу жителей.

Род Капнистов вел свое происхождение от грека Петра Каписси с итальянского острова Занте: в 17 веке он был полковником венецианской службы. Сын его Стомателло в 1702 г. получил графский титул, а другой сын в 1711 г. выехал в Россию, где стал зваться Василием Петровичем, вступил в русскую армию под именем Капниста, был в ней бригадиром и погиб в 1757 г. в знаменитой битве — “деле” под Гросс-Егерсдорфом. Один из детей Василия Петровича — Василий Васильевич — известный российский поэт времен Екатерины II и Александра I; он приходился свояком Г.Р. Державину, а его сын Степан Васильевич был литературным секретарем “росского Пиндара” в последние годы его жизни⁶. Другой сын Василия Васильевича, Иван Васильевич (+1860) был смоленским и московским губернатором, сенатором; а внук Владимир Иванович владел Козельщиной, которая в 19 веке перешла по дарственной записи Павла Ивановича

5. А. Волынец (псевдоним Алекс. П. Липранди). “Божий уголок” — “Московские ведомости”, № 166 от 19 июня 1903 г.

6. Сочинения Державина, изд. Я. Гротом, т. 6, Переписка и “Записки”. СПб, 1876 г., Алфавитный указатель, с. 818 и passim.

**Собор Рождества Богородицы Козельщанского Рождество-Богородичного
Монастыря, построенный в 1900-1905 годах. Памятник архитектуры начала 20
века. Фотография 1980 г.**

Козельского (1793-1878) жене графа Владимира Ивановича — Софье Михайловне⁷. При этих последних владельцах и произошло сто лет назад прославление находившегося в семье фамильного образа Божией Матери, получившего с тех пор имя Козельщанской Ее иконы...

На масляной неделе 1880 г. граф Владимир Иванович получил уведомление о том, что дочь его Мария, пятнадцатилетняя воспитанница Полтавского института, больна. По приезде в Полтаву он нашел, что дочь получила вывих в ступне ноги. Врачи поначалу сочли болезнь неважной, но в первый день Пасхи у нее искривилась и другая нога. По совету известного харьковского хирурга Груббе, который сделал для больной перевязку и особые стальные башмаки с пружинами, охватывавшими ногу выше колена, семья отправилась на Кавказ для лечения дочери минеральными водами. Здесь доктор Иванов нашел болезнь весьма серьезной, именно признал повреждение спинного мозга, а также и природные вывихи костей не только в ногах, но и в плечах и в левом бедре; он указал на лучших врачей в Москве, Петербурге и за границей, к которым советовал обратиться за помощью. Между тем больная возвратилась с Кавказа еще более расслабленною, силы ее упали, девочка потеряла всякую чувствительность в руках и ногах, не ощущала даже уколов.

Лучшие врачи в Москве, в том числе прославленные профессора, доктора медицины П. Склифасовский, К. Павлинов, А. Каспари, С. Корсаков, многократно

7. Гербовник, XIII, 13; Родословная книга Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний, часть V; "Энциклопед. словарь" изд. Брокгауз — Эфрон, т. XIV. СПб, 1895, с. 387.

осмотрев её, объявили родителям по взаимном совещании, что медицина пред болезнью их дочери чувствует свое бессилие, но посоветовали всё же попытаться лечить больную за границей у Гютера, указывая при этом и на европейски знаменитого профессора Шарко в Париже.

Вскоре представился случай обратиться к помощи Шарко, не прибегая к утомительному далекому путешествию: выдающийся московский промышленный деятель и благотворитель Иван Артемьевич Лямин (на его средства в Москве и в Подмоскowie было построено много богоугодных заведений, приютов, открыты храмы) вознамерился вызвать французского специалиста к больной дочери своей, г. Остроумовой. Но так как до его приезда оставалось продолжительное время, уставшую от долгих осмотров и безуспешного лечения девочку отправили с матерью домой в Козельщину, а Владимир Иванович оставался в Москве ожидая прибытия профессора.

21 февраля, когда в имении собрались по какому-то случаю гости, была наконец получена телеграмма от отца из Москвы, вызывавшая к нему. Шарко был уже на пути в город. Известие это встревожило больную: не окажется ли и заграничный профессор, как и другие, бессильным?.. Мать девочки, решив ехать на следующий день, сказала ей: "Маша, мы завтра едем в Москву, возьми образ Божией Матери, почисть его ризу и покрепче помолись перед нашей Заступницей. Проси, пусть поможет нам благополучно совершить путь и излечить твою болезнь". И больная девочка, потерявшан надежду на земных врачей, все упование возложила на Бога и вверила свою судьбу Небесной его помощи. Взяв родовой образ Царицы Небесной, Маша стала молиться Заступнице скорбящих, Взыскатель-

нице погибающих...

Семейная икона Божьей Матери издавна пользовалась в окрестности славой и имела замечательную историю, фамильное предание о которой было записано в книжке-дневнике В. И. Капниста⁸. Павел Иванович Козельский, давший имя Козельшине и позже подаривший это имение и свою икону Капнистам, происходил по местным сведениям из рода запорожца Сиромахи⁹. Старик Козельский не раз передавал Владимиру Иванивичу, что его предок Сиромаха был в свое время войсковым писарем (начальником штаба) у гетмана Полуботка. По окончании присоединения Запорожья к России, в царствование Императрицы Елизаветы Петровны (1741-1761), гетман Полуботок находился в Петербурге, где ему было предложено подписать отречение от гетманства с обещанием значительного имущественного вознаграждения. Когда гетман отказался, соответствующее предложение было сделано и войсковому писарю Сиромахе. Он его принял, — ему было предоставлено выбрать любые пустые земли в Запорожье. Сиромаха указал участок между реками Ингулом и Вербовой, который и был ему подарен (впоследствии именно этот участок с возникшими на нем к тому времени поселениями Николаевкой и Михайловкой перешел по наследству к П. И. Козельскому). Отличенный и обласканный Императрицей, Сиромаха по ее желанию был обвенчан в Петербурге с одной из фрейлин из какого-то итальянского рода, фамилия которого не сохранилась. Однако, судя по

8. Приводится в книге прот. С. Гаврилкова "Козельшанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава, 1885 г., стр. 75-77.

9. "Сиромаха" — "у кого нет отца либо матери, или нет обоих — сирота" (Толковый словарь Вл. Даля).

портрету жены Сиромахи, хранившемуся у Капнистов, женщина эта была несомненно южного происхождения.

Вскоре по приезде на полтавскую землю с мужем, молодая итальянка умерла. В семье Козельского существовало предание, что чтимый образ Божией Матери принадлежал жене Сиромахи. К этому убеждению приводило еще и то обстоятельство, что письмо образа напоминало итальянскую живопись современной описываемым событиям школы. Когда и кем была сделана серебряная массивная риза, тоже не было известно в точности, но предполагалось, что она была выполнена около 1780-х годов по заказу матери Павла Ивановича — Параскевы Дмитриевны Козельской.

Божия Мать изображена на иконе сидящей, в пояском виде; на коленях Ее полулежа покоится предвечный Младенец, держащий в правой руке крест. В левом углу видна часть стола, на котором стоит чаша и лежит лжица. Эта особенность отличает ее от других образов Божией Матери, ибо подобной иконы еще не было между чудотворными. Можно предположить, что художник имел в виду указать на младенца Христа как на будущего установителя таинства святого Причащения. По другому толкованию считается, что они написаны на стих акафиста Богородице: "Радуйся, Чаше, черплющая радость".

Акафист Козельщанской Божией Матери, составленный позднее, так поэтически говорит об этой особенности новоявленного образа:

"Имуща Пресвятая Владычица на руках Своих Младенца Иисуса радостно крест держаща, при Нем лжицу и чашу близ стоящую". (Икос 3-й).

Икона вышиною 8,75 вершка и шириною 6,75 вершка без рамки (вместе с позолоченной и эмали-

рованной рамкой, сделанной впоследствии, в 1881 г., известным мастером серебряного ряда с Никольской улицы Москвы Постниковым, — она имела 10 вершков вышины и 8 ширины)¹⁰.

Исстари в семье сложилось поверье, что, кроме помощи в болезнях душевных и телесных, чудотворная икона в особенности помогала прибегавшим к ней молодым девушкам, желавшим устройства своего семейного счастья. При этом установился обычай, чтобы молящийся чистил ризу на св. иконе, вытирая ее осторожно ватой или чистым полотенцем. Не удивительно, что риза на образе Богоматери всегда была свежа и горела как солнце.

...И вот, прижав к груди святую икону, больная девочка протерла ее с помощью матери и, оставшись наедине, всю скорбь и отчаяние души излила в молитве пред ликом Божией Матери. И усердная, пламенная молитва была услышана. Страдавшая вдруг почувствовала восстановление сил и возвращение здоровья, чудесно возобновилось ощущение омертвелою было тела. В радости Маша закричала: "Мама, мама! Я чувствую ноги. Мама! Я чувствую руки..." — и стала срывать с ног стальные восьмифунтовые бинты и упоры, сделанные врачами. На крик больной и радостные вопли матери сбежались все, бывшие в доме, и глазам их представилась необычайная картина. Расслабленная до того времени пятнадцатилетняя девочка явилась пред ними совершенно здоровой, крепкой на ногах, расхаживающей по комнате с целью уверить всех, что она здорова и вновь имеет руки и ноги послушными себе, что она стала таким же здоровым человеком, как и все, с недоумением на нее смотревшие. Маша при-

10. Вершок равен 4,45 сантиметра.

нялась свободно ходить по комнате, продолжая благоговейно держать в руках образ Божией Матери. Немедленно приглашен был приходской священник, и перед образом был совершен благодарственный молебен. Радостное событие скоро сделалось известным в окрестных селах. Не смея скрыть своего счастья, которому будто еще не до конца поверили и оттого желали еще решительнее в нем убедиться вместе с другими людьми. мать и выздоровевшая чудесно девочка отправились в Москву, взяв с собою и святую икону.

Лечивший прежде больную сонм врачей признал ее теперь здоровой и недоумевал о выздоровлении. При этом проф. Склифасовский выразился, что он смущен виденным и не может с научной точки зрения объяснить случай выздоровления. Сам прибывший в столицу Шарко, эта знаменитость по части лечения нервных болезней, назвал недуг дочери Капниста истерией, но отказался объяснить вывихи, бывшие в ее руках и ногах, а также мгновенное от них исцеление. При этом он сказал, что ничего подобного никогда не встречал в своей практике. "Если бы, — прибавил он, — отец, мать, дочь и доктора, лечившие больную, не были сами свидетелями-очевидцами её болезни и сами не рассказали мне о ней, я всё слышанное счел бы за мистификацию"¹¹.

Слух об исцелении быстро распространился по городу, и в Лоскутную гостиницу где остановилось семейство графа с облагодатствованной больной и новоявленным образом, стал стекаться православный народ, желая поклониться святыне¹². Вот как расска-

11. Прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава, 1885 г., стр. 19.

12. Здание гостиницы ныне снесено, она находилась на месте современной площади 50-летия Октября.

зывал об этом сам В. И. Капнист в письме к своей сестре:

”Религиозная Москва, слышав о чуде от святой иконы, двинулась к нам в Лоскутную на поклонение образу. Тьма-тьмушая публики засыпала нас горами карточек, выражая горячее желание поклониться святыне и хотя на минуту привезть икону к их больным домашним. Распространилась молва об исцелениях в Москве: два-три случая поразительные я сам знаю. Многие предлагали содействовать украшению иконы или устройству церкви, и предложениям не было конца. Не буду описывать, до какой степени это все поразило и потрясло меня. Но когда, с дозволения преосв. Алексия, я дал нашу дорогую икону для всенародного поклонения в церковь, когда я увидел тысячи молящихся, когда я услышал от священника, и от старосты, что они не запомнят такой толпы молитвенников, — я был поражен величием благоговения православного народа к религиозной святыне, а вместе и величием совершившегося события. Всё это происходило как раз в роковое время, в первых числах марта, возбуждая в скорбной душе покаяние в грехах и молитвенное упование на благодатное покровительство и заступление Божией Матери... Теперь много более я стал религиозен, чем каковым был. Молюсь и нахожу удовлетворение в молитве. Да сохранит и не оставит Вас своими молитвами Царица Небесная”¹³.

Семейство Капнистов ночью выехало из Москвы с иконой и возвратилось в свое имение в последних числах марта. Как только св. икона была привезена в Козельщину, в дом графа явилась слепая девица, живущая по соседству, и объяснила графине, что ей во сне было приказано идти в их дом и помолиться чудотворной иконе Богоматери. Софья Михайловна вынесла икону, пред которой та долго и усердно молилась. Через несколько дней та же девица пришла опять и заявила, что после молитвы своей пред чудотворною иконою она стала видеть и теперь видит обоими глазами¹⁴. Вскоре после того уже толпы богомольцев стали

13. ”Таврические епарияльные ведомости”, 1881 г., №№ 13 и 14.

14. Архиеп. Сергий, Владимирский и Суздальский, докт. богосл. Православное учение о почитании святых икон. Изд. 4. СПб, 1913 г., стр. 150.

спешить в Козельщину.

Хранить далее икону в доме не было возможности, и, с разрешения Высокопреосвященного Иоанна, архиепископа Полтавского, 23 апреля 1881 года она была перенесена в нарочно для того устроенную часовню в саду, в которой и находилась около года, пока не была выстроена церковь. Каждый день с раннего утра не умолкало пред образом молебное пение и чтение акафистов. Об этом времени очевидец вспоминал:

”В небольшой часовне образ стоял среди сотни свечных огоньков, зажженных набожным усердием богомольцев... Только среди этих молящихся, видя их лица, их глубокое религиозное чувство, отпечатлевающееся во взоре, в глубоких земных поклонах, в том благоговении, с которым каждый опускает в выставленную кружку малую и крупную лепту своих посильных пожертвований или вешает тут же перед иконою аршин холста близ висящего уже там грошового платочка, — понимаешь вполне все могущество того религиозного чувства, которым руководствуется наш народ, сплачиваясь этим чувством во что-то одно великое, во что-то такое, перед чем невольно сознаешь все свое бессилие, слабость своей личной веры и своего личного религиозного чувства...”¹⁵.

В праздник Рождества Богородицы, 8 сентября того же 1881 года невдалеке от часовни, на вершине высокого холма, царящего над окрестностью, была заложена деревянная Богородицерождественская церковь, освященная уже год спустя, 9 сентября 1882 г. В ней был освящен также придел Марии Магдалины, а 16 февраля 1898 г. — и придел Николая чудотворца. Участник закладки храма рассказывает:

”Нужно было быть в это время самому свидетелем торжества, видеть эти десятки и тысячи народу, сопутствующему св. образу,

15. Прот. С. Гаврилков. ”Козельщанский образ Божией Матери”. Изд. 3. Полтава, 1885 г. стр. 25.

чтобы вполне оценить всю ту силу веры, которая движет русскими людьми, которая так сильно объединяет их мысли и желания, которая в известные моменты их жизни делает эти тысячи одной семьей, проникнутой одним и тем же дорогим для них священным чувством!.. Смотри на эту громадную толпу, благоговейно склонившую головы пред образом Богоматери, мне невольно приходило на мысль: какая великая сила заключается в той вере, которою живет наш народ, и чего не можно сделать с этой силой, умея только уважать в русском человеке его религиозные убеждения, как его святыню и драгоценность..."¹⁶.

Тому же паломнику посчастливилось участвовать и в освящении храма на следующий год, совершенном Высокопреосвященнейшим Владыкой Иоанном, архиепископом Полтавским и Переяславским:

"Западное церковное крыльцо, поднятое на несколько ступеней, открывало взору наблюдателя все обширное пространство раскинутого перед ним холма, который в день освящения буквально был усеян народом. Начиная от стен церковного здания народ густой толпой занимал весь погост, толпился на склоне горы, покрывая всю площадь, расстилался у подошвы холма. на всем этом обширном пространстве видны были одни только человеческие головы, которые, то возвышаясь в одном месте, то понижаясь в другом, обозначали неровности занимаемой ими долины. Представьте же себе среди этой обстановки святителя православной Церкви, с крыльца храма, как бы с некоей кофедры, благославляющего эти тысячи народа, склонившегося под его святительское благословение"¹⁷.

Молва о новоявленной чудотворной иконе прошла по всей православной стране. В Козельщину потянулись паломники, ища утоления духовной жажды, исцеления недугов души и тела. Горячее, исполненное веры и любви обращение к Заступнице Небесной находило ответ, и многие искренние молитвенники получали у св. образа помощь и избавление от страданий. Время для

16. Прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава, 1885 г. стр. 70.

17. Там же, стр. 73.

России, не устанем повторять, было исключительно трудное, переломное, решающее; особенно нуждались в духовной поддержке крестьяне и другие жители сельских мест и небольших городов, составлявшие основу народа¹⁷. Чудесные случаи выздоровления у св. иконы, о которых всенародно рассказывали сами исцеленные, руководствуясь словами Писания: "Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально" (Тов. 12,7), записывались в особую книгу с обязательным подтверждением достоверными свидетелями и печатями. Два раза приезжала из Полтавы для исследования верности сведений об исцелениях нарочная комиссия из духовных и гражданских лиц, называвшаяся в духе того рационалистического времени "Комиссией по расследованию чудес"¹⁹. Во время второго посещения Козельщины духовными следователями, в их присутствии был исцелен больной мальчик. Всего же было обследовано 21 чудотворение, произошедшее в 1881-1882 годах; впоследствии они были описаны в книжке "Козельщанский образ Божией Матери", изданной впервые в Полтаве в 1884 г. замечательным патриотом протоиереем Саввой Гаврил-

18. См., например, интересное исследование духовных недугов русской деревни конца 19 — начала 20 вв. в книге М. Ю. Лахтина "Бесоодержимость в современной деревне". М., 1917 г. Примеры выздоровления от душевных болезней у св. икон, приводимые в этой работе, особенно убедительно звучат в контексте того, что сам автор — психоаналитик, один из первых отечественных последователей учения Фрейда, по всей видимости, не принадлежит к православному вероисповеданию. Вывод, к которому он приходит, таков: "Разрастание эпидемий безоодержимости в современной русской деревне является ответом, в особенности женской ее части, на революционное брожение последних десятилетий".

19. Прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава. 1885 г., р. 58.

ковым. В девятом издании той же книги, вышедшем в следующем, 1885 году, зафиксированы уже 27 чудотворений, а в 12-м издании в 1887 г. — 37. Знаменательным представляется, что большинство получивших духовную и телесную поддержку у св. Козельщанского образа составляли дети и молодежь, — надежда и будущее страны, а среди болезней, одержание которыми чудесно избавлялось благодатью Божией, пребывавшей при иконе Его Матери, преобладали болезни душевные и нервные. Составленный позже Акафист Козельщанской Божией Матери так словами духовной поэзии отражает это, воздавая благодарность Пресвятой Деве: "Воссия солнца светлейша дивная икона Твоя, Владычице, толикое множество чудес являеши Ты, Пречистая: отрок недвижим, прикосновением мгновенно исцелился; жена некая, имуща дух недужен, расслабленна на одре лежаща, с верою прикоснуса святой иконе Твоей, спасена бысть от недуга своего... Ты бо, Пречистая, бесные исцеляеши, хромым даруеши хождение, и слепым прозрение, и всяк недуг врачуеши". (Икосы 6-й и 7-й).

Замечательный символ действия чуда Божьего на духовное прозрение человека являет бесхитростный рассказ совершившего троекратно паломничество в Козельщину слепого крестьянина. Когда он в третий раз как будто бы тщетно возвращался оттуда с поводом домой, всё так же незрячий телесно, как слеп был духом и свирепый гонитель христиан Савл по пути в Дамаск, с ним вдруг, как с ветхим Павлом некогда, по его словам:

"Совершилось что-то необычайное. В глазах появился свет, так что я поневоле заслонил их ладонью. Когда же опустил руку, то ясно начал различать окружающие меня предметы. Сначала, не веря себе, долго молчал, страшась, что чудо исчезнет. Потом пошел сам, без

поводыря, и тогда понял, что Господь по молитве Царицы Небесной сотворил со мной чудо, и с глубокою благодарностью к Заступнице всех скорбящих и обремененных я пал на землю и начал молиться..."²⁰.

Не могут не тронуть благочестивую душу и истории о таких исцелениях, когда окованные нервным параличем руки молящихся обретали вновь силу с первым крестным знамением, совершенным со страшным усилием перед Козельщанской иконой; когда онемелый был язык обретал снова способность говорить, а падучая болезнь прекращалась у образа с последним припадком, после чего облагодатствованный православный человек, благодаря Бога, рассказывал о том народу по всей России. А исцеленной от одержания нечистым духом маленькой девочке из украинского села вскоре после того трижды являлась сама Матерь Божия и ласково, заботливо спрашивала ее: "Ну, что ты, Поля, здорова?" — "Здорова, но только глаза болят", — отвечала та. — "Это пройдет, — говорила ей Божия Матерь, — не бойся и молись!"

Теплая молитва помогала и тогда, когда скорбящие люди, не имея возможности совершить путешествие в Козельщину, обращались с молитвой к распространившимся спискам с иконы и даже к сделанным с нее фотографиям. Примечателен рассказ отца больной дифтеритом девочки о том, как возложенный на нее образок вдруг оказался страшно тяжел, когда его стали убирать из опасения, что он может помяться; однако, употребив усилие, его все-таки сняли с тела больной, и тут Богоматерь, взяв на себя всю тяготу боли, исцелила ребенка... Молва о благодатной по-

20. Прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава, 1885 г., стр. 31-32.

моши от новоявленного образа достигала самых отдаленных уголков Отечества, так что страждущим телам и скорбным душой людям, оставленным докторами, иногда достаточно было (как в одном замечательном случае) дать книжку со списком иконы и описаниями ее чудес, сказав: "Вот вам доктор!" — и человек, до того столь остро пораженный страхом одиночества и истерией, что не мог и строчки прочесть печатной, вдруг выздоравливал, прочтя эту дивную книжку в один присест²¹.

Сила Божия, пребывающая пред св. образом Божией Матери, именуемым Козельщанским, оказывала особое покровительство священнослужителям и недугующим членам их семей; некоторые иереи нарочно приезжали в Козельщину совершить молебен или отслужить обедню в Богородицерождественском храме, где находилась икона. Известны случаи исцеления священников прямо во время совершения ими литургии²². Замечательные чудотворения продолжались и в дальнейшем, множество их было записано и опубликовано²³.

Русская Православная Церковь с благоговением приняла новое свидетельство благоволения Божия к

21. Прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 12. Полтава, 1887 г., стр. 65-68.

22. Прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери", Изд. 12. Полтава, 1887 г., стр. 61-70.

23. См.: А. Ф. Ковалевский. "Путешествие богомольца в Козельщину и в Киев". — журнал "Душеполезное чтение", 1883 г., ноябрь-декабрь; "Поучение на Успение Божией Матери" — "Душеполезное чтение", 1883 г., август; "Душеполезное чтение", 1886 г., август, стр. 436-441; "Астраханские епархиальные ведомости", 1886 г., № 13; о. Серапион Брояковский. Чудотворный образ Козельщанской Божией Матери. Киев, 1901 г., стр. 1-57; Козельщанская икона Божией Матери. М., 1909 гг, стр. 1-15, — и др.

ней. Воздавая Ему благодарность "за всех и за вся", прот. С. Гаврилков, обращаясь к истории Отечества, приходил к таким заключениям:

"Мы хорошо знаем, что как история нашей Церкви, так и история нашего государства ясно свидетельствуют о том, что в эпохи умственных колебаний и оскудения веры, во времена упадка общественного единодушия, в то время, когда бедствия принижали народ, отнимая у него бодрость и гражданское мужество, на помощь русским людям нередко являлась сила Божия. В малозаметных по виду событиях, совершавшихся в скромных уголках нашей родины и имевших будто бы местное значение, Господь уготовлял для России ту действительную силу, которая впоследствии имела неотразимое влияние на судьбы всего народа, руководя его на пути нравственного и гражданского преуспеяния. Можно ли было предполагать современному поколению, что на месте двух пещер, устроенных на Киевских горах двумя убогими иноками, с течением веков воздвигнется та русская святыня, которая станет крепким оплотом нашего православия и первым источником просвещения в отчизне нашей?.. Могли ли предугадать поселяне, молившиеся вместе с преп. Сергием прилучине в маленькой деревянной церквушке, срубленной руками десятка монахов, что тут вырастет та родная Лавра, которая силой своего нравственного влияния спасет Россию в тяжелую годину самозванцев и привлечет на защиту родины Минина, Пожарского и весь народ русский, крепко сплотившийся вокруг своих вождей?.. Кто мог сказать наверное, что святая икона Богоматери, обретенная в 1579 г. в Казани маленькой девочкой, будет когда-то тем многозначительным центром, около которого сплотится Русь в решительные лета 1611-е и 1812-е?..

Если же действительно верно то — а это для нас несомненно — что Господь, хранящий нашу страну в трудное для нее время, посылал Свою невидимую помощь то в прославлении наших обителей, то в явлениях св. чудотворных икон, — то кто заставит нас не верить, что и в настоящих событиях, совершающихся у святого образа, пред которым тысячи верующих преклоняют свои колена в молитве, не заключается та таинственная сила Божия, что готовит защиту для нашей православной Церкви и для нашего православного народа?.."²⁴

24. прот. С. Гаврилков. "Козельщанский образ Божией Матери". Изд. 9. Полтава, 1885 г. стр. 63-67.

Определением Святейшего Синода от 1 марта 1885 г. при козельщанской Рождество-Богородичной церкви была учреждена женская община, открытая 4 июня 1886 г. Первыми насельницами ее стали 20 сестер, прибывших из Золотоношского Богословского монастыря (Киевской епархии) во главе с будущей игуменией Олимпиадой (Дмитриевой). С тех пор судьба далекого монастыря крепко связалась с чудотворным Козельщанским образом Божией Матери. Община была открыта епископом Илларионом, викарием Полтавской епархии, который сказал в слове, произнесенном по сему случаю на литургии: "Вера подвинула в бедность, и богатство к посильным жертвам для созидания и благоукрашения сего святого храма, дома пренепорочной Царицы Небесной. Приидите и видите, — взываю к вам словами Пророка, — "Приидите и видите дела Божии, яко положи чудеса на земли" (Псал. 45,9)"²⁵.

Радостное торжество происходило при столь значительном для небольшого села стечении богомольцев, в несколько раз превысившем всё население его, что для счета паломников (или, как их здесь ласково зовут — "поклонников"), которым была дана бесплатная трапеза после праздничной службы, — использован был прямо-таки евангельский по духу способ: "По числу белых хлебов, разложенных по столам отдельно для каждого обедавшего, оказалось, что участвовавших в братском обеде было три тысячи душ"²⁶.

25. Четвертое июня 1886 г. или день открытия при козельщанской Рождество-Богородичной церкви женской общины, и слово, на литургии по сему случаю в той же церкви произнесенное. Сост. прот. С. Гаврилков. Полтава, 1888 г., стр. 29.

26. Там же, стр. 17.

Рассказывающий об этом участник церковного праздника заключает:

”Наш русский православный народ остался тем же самым народом, каковым был в продолжение всего своего исторического существования, со всею крепостию той веры, которой не перестает сопутствовать сила, способная творить чудеса — передвигать горы с их крепких оснований... Храни, православный русский народ, свою веру в Бога и свое глубокое упование на Его всеблагий Промысел, как неоценимое сокровище, дарованное тебе от Самого Господа. Полный любви и милосердия к Тебе, Господь, не хотяй смерти грешника, но еже спастися ему и в разум истины прийти, своими знамениями и чудесами среди твоей Церкви православной, у этого святого образа Царицы Небесной указывает тебе со всею ясностию. где и в ком ты должен искать своего спасения”²⁷

В Уставе общины были знаменательные слова о том, что:

”Долг каждой сестры — жить в страхе Божиим, благочестии и послушании, обращаться всегда с молитвою ко Пресвятой Деве Богородице, обитающей среди них в Своей чудотворной иконе, и привлекать Ее благоволение чистотою мысли и сердца, кротостию, смирением и терпением. Сестры должны принимать с любовью поклонников Богоматери и памятовать, что добросердечное слово их далеко с ними пойдет и скажется другим в назидание...” (§§ 3. 4. 13 и 36)²⁸

17 февраля 1891 г. община была преобразована в Козельщанский Рождество-Богородичный нештатный женский монастырь. Благодаря усердным молитвам насельниц и прихожан, и приносимым, конечно, не от избытка, а чаще от лишения своего непрестающим народным лептам, монастырь быстро достиг преуспевания и сделался всероссийски известным святым

27. ”Четвертое июня 1886 г. или день открытия...”, стр. 18-19.

28. Цит. по книге ”Козельщанский Рождество-Богородичный монастырь Полтавской епархии”. М. 1895 г., стр. 42-44.

местом, новой любимой обителью русского православия, снискавшей славу по всей стране. В дополнение к летней деревянной пятиглавой Рождество-Богородичной церкви, в 1887-1891 гг. была выстроена и каменная зимняя теплая церковь во имя Преображения Господня с приделами св. Николая чудотворца и св. муч. Елисаветы (последний создан на средства жертвовательницы и благотворительницы Елисаветы Ивановны Котельниковой). В 1887 г. рядом был построен двухэтажный кирпичный странноприимный бесплатный дом и гостиница для богомольцев, в 1888 г. — школа иконописания для способных сестер обители, в том же 1888 г. появилось двухэтажное кирпичное здание, в котором были основаны двухклассная бесплатная женская церковно-приходская школа с общежитием и одноклассная мужская. Для духовного просвещения народа, кроме постоянных бесед в трапезной собора, был также выстроен павильон для публичных чтений. К началу XX века при игумении Агнии в монастыре было 14 монахинь и 63 послушницы, и число их постоянно росло²⁹.

Наконец, в 1900-1905 гг. на месте деревянного соборного храма был воздвигнут грандиозный 6-главый каменный собор Рождества Богородицы, вместимостью в 1700 человек. Автором проекта его, составленного в духе национального русского зодчества 17 века, был епархиальный архитектор С. В. Носов, расписывал знаменитый московский ученый-археолог и иконописец Василий Павлович Гурьянов. На освящении собора присутствовала ставшая уже

29. Православные монастыри Российской Империи. Сост. Л. И. Денисов, М., 1908 г., стр. 682; В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. Вып. 1. СПб, 1890 г., № 53, стр. 90.

взрослой 30-летней женщиной М. В. Капнист — "виновница" торжества³⁰.

20 июня 1904 г. была освящена и первая Козельщанская церковь в Москве, построенная известным архитектором академиком Сергеем Иустиновичем Соловьевым при Медведниковской больнице на Большой Калужской улице. Нарядное церковное здание, созданное по мотивам новгородско-псковской архитектуры, выходит фасадом на улицу, оно увенчано одним куполом и трехглавой звонницей в стиле ростовских церквей 16 века. Вместе с соседней, стоящей торцом к проезжей части Тихвинской церковью, Козельщанский храм входил в замечательный комплекс Медведниковских благотворительных учреждений (больницы и богадельни имени И. Л. и А. К. Медведниковых). С самого построения и по сию пору комплекс (ныне владение № 27 по Ленинскому проспекту) почитается значительным памятником архитектуры начала XX века³¹.

Козельщанской иконе Божией Матери была составлена Служба на 21 февраля и Акафист³².

.....

Козельщанское чудо прошло через все бедствия века, разделив их с Отечеством — подобно Божией

30. См.: "Церковные ведомости", СПб, 1903 г., № 12 и 1905 г. № 3.

31. "Московские церковные ведомости", 1904 г., № 1, 26, 46; Путеводитель по Москве, изд. Моск. Архитектурным обществом для членов V Съезда зодчих в Москве. Под ред. И. П. Машкова. М., 1913, стр. 288 и илл. №№ 75 и 76 Альбом зданий, принадлежащих московскому городскому общественному управлению. М. 6. г. (1910-е гг.) — фото Медведниковских учреждений; Москва. Памятники архитектуры 1830-1910-х гг. М., 1977 г., стр. 92 и илл. № 108.

32. Настольная книга священнослужителя. Изд. Моск. Патриархии. Т. 2. М., 1978, стр. 647

Матери на иконе ее "Умягчение злых сердец", принимающей в свое сердце семь направленных отовсюду стрел-мечей бесовской злобы и людской неблагодарности...

В начале 1923 г. была закрыта московская Козельщанская церковь. В газете "Известия" от 24 мая того года читаем выразительное свидетельство:

"Ликвидация больничных церквей. Виду того, что учреждения религиозного культа не могут состоять при государственных учреждениях, отдел управления Моссовета в настоящее время проводит работу по ликвидации всех домовых церквей при больницах. Уже ликвидированы домовые церкви при Медведниковской, 1 и 2 Градских больницах и при школе сестер милосердия на Собачьей площадке. В ближайшее время будет ликвидировано еще свыше 20 подобных церквей".

Ныне в доме № 27 по Ленинскому проспекту (как переименовали Большую Калужскую улицу) находится 5-я городская клиническая больница; в той его части, где был храм в честь Козельщанской иконы, расположились ее терапевтические отделения. Вместо крестов на главке и звоннице торчат шпеньки и, хотя внешне само здание недавно покрасили и подремонтировали, внутреннее церковное убранство и росписи, о богатстве которых можно судить по фотографии в знаменитом путеводителе Машкова (см. сноску 31), после "проведения работы" по ликвидации все погибли. Несмотря на то, что Медведниковские дома воспроизведены в современном альбоме "Москва. Памятники архитектуры 1830-1910-х гг.", изданном в 1977 г., они на государственной охране не состоят и, значит, в любое время могут стать площадкой для новых градостроительных безобразий главного архитектора Москвы М. Посохина и его присных.

В 1929 г. волна ликвидаций докатилась и до

Полтавщины: была закрыта одной из первых Рождество-Богородицкая обитель. В краеведческой экспозиции, размещенной в бывшей монастырской сторожке, можно увидеть любопытную фотографию "Актива по закрытию очага культа и изъятию ценностей": пятерка усачей, затянутых в блестящие куртки из чертовой кожи (название материала, кстати, вполне подходящее), а посреди них удобно угнездившийся местечковый врач Илья Моисеевич Дубинский, в коротком костюмчике и при галстуке: главный "активист" закрытия, погрома и сдѣра золота с куполов... После изъятия и принятия ценности безвозвратно пропали.

Некоторое время по затворении собор стоял ободранный, но запечатанный; позже его стали использовать — под склад, фабрику и тому подобное. Сами того не ведая, осквернители отеческого наследия в точности сотворили предсказанное еще св. Ипполитом папой Римским в его "Слове об Антихристе": "И в то время будут церкви Божии яко простые дома или овощное хранилище..."

Некоторое время действовала после того еще зимняя Преображенская церковь, закрытая к середине 1930-х годов. Игуменья монастыря Олимпиада 2-я и с нею большинство старших монахинь погибли в заключении.

Зимой 1942 г., во время немецкой оккупации, оставшиеся на свободе инокини стали снова собираться в разоренную обитель; вскоре был найден священник и в теплом храме, куда принесли список с чудотворной иконы, опять начала правиться служба. Монастырь продолжал существовать и некоторое время после войны, затесненный в нижнем этаже примыкавшего с Преображенской церкви здания бывшей церковно-приходской школы, хотя, как вспоминают старожилы, под-

стрекаемые безбожниками ученики расположившейся над кельями и храмом средней школы всячески старались помешать богослужению и молитвам беззащитных женщин: грохотали во время совершения их ногами, свистали, хулиганили, били окна, воровали иконы и тому подобное. А в 1949 г. монастырь и совсем закрыли; оставшихся монахинь перевели в Лебединский женский монастырь Черкасской епархии, куда они взяли с собою и список с Козельщанской иконы. В разгар хрущевских гонений, в 1962 г., в свою очередь был закрыт и Лебединский монастырь, откуда несколькими только инокиням удалось перенести список образа в Красногорский Покровский женский монастырь близ г. Золотоноши (Киевской епархии), действующий и поныне. Бог словно возвратил наследниц первооснователей Козельщанской киновии на круги своя: ведь когда-то именно из золотоношской обители пришли на Полтавщину первые двадцать сестер во главе с игуменьей Олимпиадой... Но сейчас у нас в почете совсем иные Олимпиады. Да и назывался золотоношский монастырь тогда иначе, Богословским — имя изменено по той причине, что соборный его храм после закрытия в 1930-е годы был совершенно razoren и ныне стоит заброшенный, являя горестную картину разрушения. Единственной крепкой частью на нем осталась чугунная охранная доска с надписью о том, что он сочтен "памятником архитектуры эпохи барокко"... Последние инокини Козельщанского монастыря рассеялись по стране, ныне в живых от них осталось всего несколько человек, а в золотоношской обители — только одна...

В самой Козельщине приезжий паломник может теперь найти только заколоченный, пустующий обескрещенный собор, до сих пор венчающий собою самый

высокий в окрестности холм и как бы царящий над степью. Местная архитектурная власть отчего-то полагает, что для зачисления его в разряд памятников и проведения необходимейших ремонтных работ непременно требуется, чтобы минуло сто лет со времени построения здания, — но это совершенная бессмыслица, а скорее просто отговорка, потому что в ходе проходящей сейчас новой переписи памятников архитектуры по всем областям страны на охрану ставятся уже произведения 1930-х годов... Кроме разрушенной ограды, все другие монастырские постройки также сохранились. В обезглавленной крестовокупольной Преображенской церкви и примыкающем к ней доме бывшей школы находятся мелкие местные учреждения, в остальных строениях расположены жилые помещения. А до ближайшего действующего храма — не один десяток километров...

Чудотворная Козельщанская икона, как рассказывают на Украине, перед самым закрытием монастыря была унесена монахинями его в народ. И донныне она, как говорят, пребывает в недрах его, сохраняемая бывшими "матушками" в глубине страны. "Настольная книга священнослужителя", изданная недавно Московской Патриархией, указывает, правда, что находящийся в Золотоноше список и есть сама подлинная чудотворная. Но точные обмеры и сравнение с дореволюционными фотографиями говорят о другом: находящийся в Красногорском монастыре образ представляет собой весьма близкое, но все же воспроизведение подлинной иконы. Это является твердым убеждением большинства православных людей, от мирянина до епископа; думается, что неизвестно об этом и самим авторам статьи об иконе во втором томе "Настольной книги", а искажение допущено ими из цензурных

соображений.

Примеры длительного пребывания святынь в народе в эпохи гонений издавна известны в святоотеческой и житийной литературе. Когда настают трагические для православия времена, именно Народ Божий принимает в свои любящие надежные руки чтимые символы духовных сокровищ. Из новейших примеров российской истории можно назвать любовное сокрытие верующими мощей любимейшего нашего святого — преподобного Серафима Саровского, спасенных перед изъятием в 1920-е годы и по сейчас пребывающих затаённо у них на руках; затем передающуюся среди православных из уст в уста тайну о месте перезахоронения преп. Пафнутия Боровского; сохранение во многих домах мощей святых, икон и даже просто множества священных предметов из затворенных и поруганных по всему лицу родины церквей — антиминсов, Евангелий, духовных книг. В назначенное время всё это снова появится на свет Божий перед людьми и займет свое место во вновь открываемых храмах...

Для подтверждения сего упования расскажем здесь такую, мало знакомую, как кажется, современную историю. Перед самым кощунственным оголением мощей преп. Сергия Радонежского чудотворца, проведенным 11 апреля 1919 г. в соответствии с указом Наркомата юстиции, небольшой общине верных во главе с соборным старостой удалось, подкупив выставленную на ночь охрану, подменить истинные останки святого, положив на их место закутанный скелет неведомого мертвеца. А вскоре после того состоялось и публичное осквернительное вскрытие мощей, о чем был даже нарочно снят пропагандный фильм, который потом усиленно показывали по всей стране — в "доказательство" и поругание почитания мощей угодников

Божиих. Но, как теперь очевидно, правой-то оказалась та юродивая, которая в присутствовавшей на разорении раки толпе, отгоняемой штыками, причитала в слезах: "Уехал от нас преподобный Сергей, далеко уехал!.." — а упоенные безнаказанностью погромщики и их печатные подпевалы, вроде "председателя атеистов" Ем. Ярославского, Д. Заславского, В. Блюма и прочих, пожали всего только временную победу...

Во время войны, после того как насмерть перепуганный Сталин попытался использовать для спасения патриотическую позицию, занятую Русской Православной Церковью и даже, как рассказывают, отправил вокруг Москвы облететь самолет с Тихвинской иконой Божией Матери на борту³³, среди прочих примирительных жестов разрешено было также вернуть в раку выставленные в антирелигиозном музее, находившемся на территории Лавры, "мощи" преп. Сергия и возобновить поклонение. Скелет из музея действительно возвратили, и один день даже продолжалось невозможное канонически, но наглядно знакомое всем нынешним россиянам паломничество к вовсе не святым останкам, — пока ночью выжившие спасители истинных мощей преподобного не вернули тайно в раку нетленное тело троицкого игумена. И ныне всякий "поклонник" в Троице-Сергиевой непременно приходит поклониться сохраненным народом в годы бедствий святым мощам небесного предстоятеля и молитвенника за Русское государство. Верим, придет день и черед и для других святынь...

33. Как известно, первое наступление Сов. Армии зимой 1941 г. началось под Тихвином и закончилось его освобождением 9 декабря 1941 г.

Список Козельщанской иконы, находящийся ныне на правом клиросе соборного храма Покровского золотоношского монастыря, за последние годы также прославился чудотворениями. В православном народе рассказывают о нескольких недавних случаях произошедших от него исцелений. Можно услышать среди паломников и современные повести о благодатной помощи, дарованной Пресвятой Богородицей и молившимся к ней перед списками и копиями св. Козельщанской иконы, о непрестающей силе благодати, исходящей от изображений чудотворного образа Богоматери, неизменно отвечающей на горячую молитву православного человека — от сего самого замечательного списка Покровской обители, списка полтавского Свято-Макарьевского собора и других до маленьких карточек, какие во множестве сохранились у благочестивых жителей родины от Украины до Сибири...

О чудесном предстательстве, даруемом нам Небесной Заступницей в неиссякаемом источнике слез и покаяния, державном покрове над Россией говорят слова Акафиста Козельщанскому образу Божией Матери:

”Спаси хотяще избранную Свою страну и прибегающия к Тебе, пресвятая Владычице, люди, дивно прославила еси икону Твою, именуемую КОЗЕЛЬЩАНСКАЯ, чудесными знаменами исцелений; аще бо Ты не бы предстояла, всемилосердная Исцелительница, молящи о нас, кто бы ны избавил от смертоносных и всегубительных болезней, поражающих отечество наше”. (Кондак 10-й).

Прот. А. Киселев

О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПРОСЛАВЛЕНИИ НОВОМУЧЕНИКОВ РОССИЙСКИХ

Прежде всего разрешите сделать два уточнения:
1-е: Вечная память.

Вот умер некто. Собрались родственники и друзья. Отслужили панихиду, которая закончилась просьбой: "и сотвори ему вечную память". Что тут имеется в виду: чтобы родственники вечно помнили? Но ведь часто внуки, а уж правнуки так обязательно, и не знают, да был ли у них вообще прадедушка. Где уж тут вечность?

Или это просьба к Богу? Но у всех нас в жизни, к сожалению, было не только доброе, но и злое. Так что же просим мы *вечно* помнить?

Просим мы помнить только доброе. Потому в старину о покойном было принято говорить только хорошее.

Хотя по смерти за человеком, как говорит Святое Писание, идут дела его, но мы просим Бога в Его Божественной вечной памяти изгладить все злое умершего. Мало того, мы в конце панихиды поем: "... и память его в род и род".

А что, если покойный был совсем одинок и нет у него никакого потомства? "... в род и род" значит не личное потомство, а потомство всего человеческого рода. Это просьба о том, чтобы добро покойного,

пускай даже только самые маленькие крупички добра, пошли на пользу: — как добрый пример, как сила добра, на пользу всему человеческому роду.

Пускай даже хотя бы самомалейшая частица добра, которая останется после меня в мире, вольется в общий океан человеческого добра, который содействует спасению рода человеческого. Нет слишком малого добра. Любая крохотинка добра — драгоценность. По справедливому слову Хомякова — мы грешим по отдельности, а спастись можем только все вместе. Один о другом имея попечение. Спасаться вот этими крохотинками добра неизвестных нам людей. О такой вечной памяти *и* у Бога, *и* у человечества просим мы в молитве, памятуя слова выдающегося серба, Архиеп. Николая Охридского, сказавшего: "Если чье-либо имя на земле поминается будет и до конца мира, то что такой человек получит от этого, если его память будет забыта на небе?"

2-е уточнение: Мученики.

Кто это мученики? Кажется, что само это слово передает его значение: это те, которых мучили. Однако такое понимание не передает еще всей глубины его значения. Словом мученик у нас некогда было переведено греческое слово "мартис", что в точном переводе означает "свидетель". Свидетель чего? Свидетель не на словах, а на деле — свидетель, идущий на мучения и на смерть. Он свидетельствует, что есть Бог, что есть вечная жизнь, что есть в этой земной жизни правда Божья, от которой нельзя отречься, есть Богом указанные пути в жизни, с которых нельзя сходить.

Что это действительно *так*, — *так*, а не иначе, это *знает* христианин-мученик. Он свидетельствует то, что знает, то что *видит*, потому он свидетель (мартис), который подтверждает свое свидетельство кровью,

мучениями, отдачей жизни.

У известного историка В.Болотова в его труде "История Церкви" читаем: "Мученики были проповедниками христианства, продолжителями апостольского служения, и эту миссию они исполняли именно как "мартис", т. е. являлись свидетелями" (стр. 7).

После этих двух предпосылок, уясняющих, как я надеюсь, что есть вечная память и что такое мученичество, думаю, мы можем подойти к теме российских новомучеников и их предстоящему прославлению или канонизации.

Но не будем торопиться и остановимся на понимании этого термина "канонизация". Это производное от слова "канон", что означает церковный закон, правило. Следовательно, канонизация есть церковное узаконение или подтверждение правильности того или другого действия или понимания, или действительности, подлинности чего-либо занесенного в особый список, реестр. (Проф. Е. Голубинский. История Канонизации святых в Русской церкви. Москва, 1903 г., стр. 11).

Однако, когда мы хотим говорить о предстоящей канонизации (или прославлении, что то же самое понятие) российских новомучеников, нам необходимо остановиться еще на одной важной для понимания этого вопроса детали.

Церковь различает разные виды, формы или образы святости. Одних святых Церковь называет преподобные, других — мученики. Есть еще и другие подразделения святости, но мы коснемся пока только этих двух.

Преподобные — это люди, долгие годы, а то и всю жизнь, с великим усердием стремившиеся жить святой жизнью и достигшие духовных высот и святости,

которая или при жизни, или по их смерти проявила себя через творение чудес. Часто их тела или части их тел, святые мощи, не поддаются тлению и от них люди получают помощь и целения.

Другая категория или образ святости — это мученики. Можно сказать, что образ святости мучеников протитвоположен святости преподобных. Если для доказательства святости преподобных требуется непорочная жизнь и наличие чудес, то для мучеников ничего этого не требуется — пролитие ими крови за Христа заменяет все другое. Конечно, бывают и так называемые преподобно-мученики, которые соединили в себе долгую непорочную жизнь с мученической кончиной.

Так вот, говоря о канонизации или прославлении мучеников (подчеркиваю: говорю сейчас только о прославлении мучеников, а не святых вообще), мы должны знать о церковных правилах, по которым нет никаких правил для их прославления. Что же это такое? Это анархия в Церкви? Нет, отнюдь не анархия, а правило, канон, то есть церковный закон, согласно которому *всякий* (без разбора — праведник он был или грешник), проливший кровь свою за Христа, без всяких решений соборов, архиереев или синодов становится святым угодным Божиим*.

Но как же так? Вот у нас осенью будет архиерейский собор, который, как мы знаем, вынесет официальное решение о канонизации новомучеников российских. Значит, такое решение церковной власти необходимо,

* Естественно, что Церковь должна предостерегать от суеверий и почитания так называемых "лжемучеников", о чем говорится в 94-м правиле Карфагенского Собора и 34-м правиле Леодикийского Собора.

без него нельзя. Нет, не значит. В практике древней православной христианской церкви таких решений не требовалось. Вот что пишет об этом архиепископ Лос-Анжелосский, Антоний: "Колебания некоторых в вопросе прославления новомучеников объясняются среди других причин тем, что Русскую Церковь отделяет от времен первых мучений много веков, ввиду чего учение Церкви о прославлении мучеников весьма многими из русских верующих утерялось; мы от него оторвались. Другими словами, это колебание объясняется незнанием, из-за чего от мучеников требуют того, что от них не требуется, но что необходимо при прославлении других святых, а именно: чудеса, святость жизни и всеобщее почитание. Для таких колеблющихся лучшим и быстрым способом утвердиться является ознакомление с учением и практикой Церкви при прославлении мучеников". ("Православная Русь", 1975 г., № 10).

Однако, все же почему у нас ожидается решение архиерейского Собора, если оно, для прославления мучеников, совсем не обязательно?

Для того, чтобы яснее ответить на этот вопрос, обратимся к церковным правилам о прославлении всех других святых за исключением мучеников, т. е. не мучеников, а преподобных. В этих случаях, как мы уже говорили, предъявляются особые требования: святость жизни, чудеса, почитание народом и т. д., на основании чего соответствующая церковная власть выносит свое решение о прославлении. В этих случаях, т. е. во всех случаях, за исключением мученичества, требуется определяющий голос Церкви.

Однако и тут в благодатной церковной жизни допускается чрезвычайная свобода, чем доказывается, что Церковь не есть канцелярия, что в ней не указом № такой-то совершаются угодные Богу деяния.

Вот что почерпаем мы из богатейших материалов, собранных по этому вопросу Архиерейским Синодом: "... изучение житий русских святых (Издание Синодальной типографии, Москва, 1908 и 1916 г.) за взятые восемь месяцев раскрывает, что из 194-х святых, жития которых там помещены, 68 являются местно чтимыми... это составляет почти 40% местно чтимых святых, т. е. немногим менее половины. Заслуживает особого внимания, что, несмотря на отсутствие постановления церковной власти об их почитании, все эти местно чтимые святые помещены в наиболее авторитетном перечне святых. (См. — "Полный Месяцеслов Востока", г. Владимир, 1901 г.). Большинство этих местно чтимых святых — преподобные, т. е. те, которых следует прославить через решение церковной власти, и только очень небольшая часть их мученики, т.е. святые того чина, который по принятому с глубокой древности Церковному порядку, начиная с убиения св. Иоанна Предтечи и св. первомученика Стефана, не требует решения церковной власти для почитания.

Что же из этого следует? Следует, что в древности не только мученики, но весьма часто и другие святые почитались и прославлялись без решения высшей церковной власти.

Тому много есть примеров как во вселенской, так и в русской православной церкви.

Однако чем мы дальше живем, тем ниже падают нравы и тем более разжижается у многих церковное сознание. Надо думать, что именно это обстоятельство побудило Православную Русскую Церковь Синодального периода почти без исключения прославлять всех новых святых чрез постановление высшей церковной власти. Вполне естественно, что и в наши дни Архиерейский Синод не мог не учитывать те же обстоятель-

ства. К тому же сейчас речь идет не о прославлении одного или нескольких мучеников, а о миллионах мучеников за веру, что суть совершенно нечто небывалое в истории человечества.

Понимаем ли мы, что это, как мы говорим, "множество", эти "миллионы" мучеников поднимаются чуть ли не до 20 миллионов? Понимаем ли мы, что значит 20 миллионов человек? Вот пример: если взять всех живущих в Филадельфии, Питтсбурге, Чикаго, Нью-Йорке, — это будет, примерно, 20 миллионов. Во всей Калифорнии едва ли будет около 20 миллионов. 20 миллионов — это 1/3 населения всей Франции.

За все 20-вековое существование Христианства во всем мире набралось 350 тысяч мучеников, а в России за 60 лет коммунизма их оказалось чуть ли не 20 миллионов. О непостижимый ужас! Это апокалипсис наших дней!

Вы помните предсказание преп. Серафима Саровского: "... время придет такое, что ангелы не будут успевать принимать души".

И все эти страдания, кровь, счет тел убиенных человекоубийца человеческих масс Ленин назвал "статистикой".

Но может возникнуть вопрос: подождите, подождите. Да откуда взята эта ужасная цифра — 20 миллионов?

Эта цифра заимствована из материалов Архиерейского Синода. Она, в свою очередь, вычислена на основании переписи населения, бывшей в Советском Союзе в 1970 году. Анализ переписи специалистами показал, что недостает, по сравнению с долженствующим естественным приростом населения — недостает 110 миллионов. Если откинуть 20 млн., которые поглотила Вторая мировая война, остается 90 милли-

онов. Если к ним прибавить 10 миллионов недохвата за период с 1970 года по 1980 год, исходя из *средней* цифры недороста от 1-2 млн. в год, то мы получим 100 миллионов. 100 миллионов недохвата народонаселения за советский период.

По свидетельству многочисленных бывших концлагерников, 1/5 часть заключенных в лагерях сидит за веру. От 100 миллионов 1/5 часть — это и составляет 20 миллионов.

Конечно, не все, сидевшие в концлагерях, погибли. Например, во время Хрущевской, так называемой, "оттепели" и реабилитации было выпущено от 1 до 2 миллионов. Но разве это значительное изменение там, где счет идет на десятки миллионов?

Нужно помнить и то, что к мученикам Церковь причисляет также и исповедников, т. е. тех, кто страдал за веру, но не был убит. Следовательно, говоря о 20 млн. мучеников — еще не говорится о 20 млн. убитых, замученных. Вот примеры исповедников, причисляемых к мученикам.

"Церковь прославила, читаем в докладе Прот. о. Романа Лукьянова, великомученицу Софию, которую не мучили физически, но страдавшую, видя мучения своих детей, девочек-подростков Веры, Надежды и Любви, которых она воспитала в вере Христовой и укрепляла в вере своих детей даже и во время их мучений (Память 17 сентября ст. стилия).

Церковь прославляет как мученицу и Св. Наталию, хотя ее не мучили, но она страдала, видя мучения своего мужа муч. Адриана, которого она во время мучений укрепляла в вере (Память 26 августа). А сколько у нас за эти страшные годы было таких великих женщин — матерей, жен, сестер. Кто это подсчитал?

У нас нет никакой надобности настаивать на приве-

денной цифре в 20 миллионов. Это не статистика, которой вообще, конечно, не существует, а *выводы* на основании тех скудных данных, которыми мы обладаем. Но, допустим, что эти наши данные даже на 50%, т. е. наполовину не верны, — все же у нас останется не менее кошмарная цифра: 10 миллионов.

Допустим, что и это окажется преувеличением. Пусть мучеников окажется "всего" 2-3 миллиона. Но и это кошмар, который хотелось бы преуменьшить.

Значит ли это, что предстоящей осенью будут прославлены миллионы новомучеников? Нет, это совершенно не значит. Составляются списки, вернее картотека новомучеников, о которых известны их имена и краткие или более пространные сведения. Картотека содержит многие тысячи имен.

Может быть, не всем известно, что Церковь нередко прославляет и тех мучеников, чьи имена не дошли до нас, но о мученичестве которых нам известно.

Например, 2/15 марта Церковь поминает 440 мучеников, имена которых неизвестны и сведения о которых кратки. А именно: "440 мучеников за сопротивление принять участие в языческом жертвоприношении убиенных мечами в конце IV века ("Месяцеслов").

Или (память 6/19 марта) 42-х мучеников, из коих имена только семи дошли до нас.

Или преподобномученика Никона и его 200 учеников (память 23 марта — 5 апреля). Ни одного имени из числа его учеников не дошло до нас. А, может быть, имена их и никогда не были известны? Но Церковью они прославлены и мы им, безымянным, возносим наши молитвы.

Содействуйте пополнению составляемых списков, как новыми именами, так и сведениями. Будьте

деятельными участниками, а не только современниками предстоящего этой осенью великого события, о котором веками будут писать историки.

Однако, мы хотим сосредоточить свое внимание не столько на внешней исчислимой стороне этих дней, сколько на их внутреннем значении.

"Одно из величайших препятствий, задерживающих духовный подъем, — читаем в книге философа князя Е. Трубецкого, — заключается в том призрачном наполнении жизни, которое дает житейское благополучие. Комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей смертной красоты, — вот те элементы, из которых слагается пленительный мираж, усыпляющий и парализующий силы духовные. Чем более человек удовлетворяется здешним, тем меньше он ощущает влечение к запредельному. Вот почему для пробуждения бывают нужны те страдания и бедствия, которые разрушают иллюзию достигнутого смысла". ("Смысл жизни", кн. Е. Трубецкой. Изд. "Слово", Берлин, 1922 г., стр. 80).

Вот в чем заключается "оправдание страданий". Есть как бы общий смысл страданий, которые нередко попускаются нам вопреки нашему желанию, и частный их смысл — мученичество, на которое идут люди добровольно, на принятие которого они в душе своей соглашаются. Их жизнь доказывает, что кажущаяся бессмыслица страданий, "только исчезающая тень смысла. Будем же, пишет тот же кн. Трубецкой, верить не в тень, а в смысл, о котором сказано: "И свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Иоан. 1.5).

Что значит для мира праведная кровь мучеников? Почему их надо прославить на земле, если они уже прославлены у Бога на небе?

Стремясь ответить на этот вопрос, мы спросим:

что, по слову Церкви, вносят в жизнь мира святые мученики? Они "...кровей своих теченьми, благочестия светлость в мире всем возжегше..." (Постная триодь. Стихиры мученикам). Святые мученики вносят свет в наш мир. Ни политические ухищрения, ни философские измышления, а жизни, отдаваемые за любовь к Богу (а подлинной любви к Богу нету без любви к человеку) — эти отдаваемые жизни озаряют мир.

Вопрос о значении мученической крови ставит нас перед вопросом тайны Крови Христовой. Искупительная тайна крестной жертвы Спасителя, столь сложная для человеческого постижения, только в одном может безбоязненно трактоваться нами: эта тайна мучениками разрешалась не умственно, не словесно, а деятельно — в подражании страждущему Христу.

Люди потому могли быть призываемы к "подражанию", к "соработе", названы "друзьями", "богами" (с маленькой буквы), потому что в потенции, в заложенной изначальной давности, человек носит в себе всё необходимое для такого "бывания".

Вышесказанное известно нам из седой древности, как "откровение". Его подтвердила теперь и наука, заявив, что мельчайшие частицы бытия, невидимые невороуженным глазом, как и человеческие гены, имеют не только разум, но и волю.

Вот почему обыкновенный человек *вдруг* может стать обладателем сверхъестественных, нечеловеческих сил. Оказывается в нем, как в глубинах вулкана, наличествует все необходимое, чтобы совершить нечто невозможное и стать "другом" Господу своему.

Люди святыми мучениками нередко делаются во мгновение ока, часто таковыми становятся совершенно неожиданные люди.

Время вещь относительная. Это для картошки

нужно три месяца, чтобы созреть, а для духовного созревания человека бывает достаточно и одно мгновение.

Для того чтобы вышеуказанное познать, мало одного головного знания — "вѣдения". Нужно это знание и правду его увидеть глазами сердца — приобрести "вѣдение".

Для того, чтобы видеть, необходим свет. Сказано в Евангелии: ходите пока имеете свет, "... доколе есть день". (Иоан. 9.4.).

"Ведь свет есть являемость реальности", — читаем мы у о. Павла Флоренского ("Столп и утверждение Истины", стр. 178), — тьма же, наоборот, — есть отъединенность, разрозненность реальности, невозможность явления друг другу, невидимость друг для друга... Ад — это то место, то состояние, в котором нет видимости, которое лишено "видимости", которое невидно и в котором не видно", — писал знаменитый о. П. Флоренский.

От этой-то непроглядной тьмы спасают нас своим "светолитием" мученики. Пролитием крови своей они прославлены у Бога. Прославлены — значит стали причастными славе и силе Господней. Будучи на земле, они содержали в себе память о Боге. Теперь они содержатся в Его Господней памяти неотступно.

Они отдали Ему все до последней капли крови. Теперь они обладают Его силами.

Будучи при жизни способными отдать себя, они теперь, став небожителями, этой же самоотдачи жаждут еще в большей мере, чем при жизни. Они ждут нашего к ним обращения — прославления, как знака нашей веры в дарованные им от Бога силы.

Наше земное прославление праведников есть выражение нашей веры в то, что они уже прославлены у Бога

на Небе.

Через их прославление, приближаясь к ним, мы в свете их святости яснее видим и сознаем свою греховность. Они возбуждают в нас подражание им, желая через покаяние строить наше обновление.

Подумайте! Миллионы мучеников — источников святой энергии, воли, добра.

Может быть, никогда перед нами — свободной частью Русской Православной Церкви — не открывалась такая великая миссия, какой является предстоящее прославление Новомучеников Российских. Никогда за всю историю эмиграции от нас не требовалось совершения такого величайшего исторического акта, как предстоящее прославление.

У нас об этом слишком мало думают и не понимают всей колоссальности этого шага.

Не так относятся к этому живущие в России православные христиане. В церковных кругах там трепетно ждут этого дня.

Понимаем ли мы, что это значит: нас из России просят открыть окно в небесную Церковь?

А мы, с высоты своего безразличия, спрашиваем: откуда просят?

Из России, с русской Голгофы просят!

Да так ли это? Что же, все в России сейчас чувствуют и сознают себя на Голгофе?

Конечно, не все. Но там есть такие люди, каких тут у нас, пожалуй, и совсем нет.

Там есть люди, которые действительно с Богом, в Боге, за Бога. Есть, конечно, и противоположные им — богоборцы. Есть и ни то и не се: ни рыба, ни мясо. Есть всякие. Но для России наших дней характерен существующий там водораздел, делящий на черное и белое, на добро и зло.

Самое страшное, что в мире исчезает понятие того, что добро есть сила Божия, а зло — сила дьявола. Мы вращаемся в некоей серой смеси и бредим, что якобы "зло есть минимум добра". О, если бы это было так легко и просто.

Совсем определенно в этом вопросе Слово Божие, где сказано: "О, если бы ты был холоден или горяч. Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих" (Откровение 3.15).

Мы не можем, не смеем не откликнуться на просьбу с русской Голгофы, мы не можем не прославить русских новомучеников, что и делает наша Церковь, наш епископат.

Мы должны быть с ними. Они должны знать и чувствовать наше сочувствие, наше стояние с ними рядом в этом святом и великом деле прославления мучеников, т.е. тех, о ком Церковь в службе мученику вещает: "...углие лести (лесть в русском переводе значит ложь) угасил еси, премудре, кровей твоих струями..." Мученик это тот, кто пробуждает в человеке человека, вскрывает в нем дремлющие энергии.

Тот, кто, пролив кровь за Христа, стал силён, способен не только дремлющего человека возбудить, но и "...небо же душею священною озарил еси треблаженные".

В России сейчас много набухших почек, т.е. людей, которые как ветки деревьев ждут теплого весеннего дождя — прославления новомучеников, чтобы духовно раскрыться, как древесные почки весной.

Святые — это вместилища Божией энергии, вечно готовые на содействие нам, но никогда не насилующие нашего хотения.

Наша культура, наша русская литература, как ни одна в мире, насыщены вещанием непреходящего.

Вслед за Гоголем, сказавшим, "... в мире нет бесследного исчезновения" и в России наших дней есть много современных писателей, говорящих о том же, собирающих эту негибнущую человеческую энергию на благо весеннего цветения нашей Родины. Скажем же от всей силы нашего хотения: "Ей, гряди Господи Иисусе".

Нам нужно коснуться еще одного, входящего в тему прославления новомучеников, вопроса. Вопрос этот о прославлении Царя-Мученика, Государя Николая II. Насколько мне приходилось слышать, в этом вопросе главные недоумения вызывают два момента. Первое: государь был грешный человек. Ему ставится в вину курение и блудодеяние. Второе: прославление Государя Николая II есть, говорят некоторые, политический акт, как и убийство Государя и Его Семьи происходило по причинам политическим, а не религиозным.

Первое замечание о том, что Государь курил, по моему, отдает немного сектантским морализмом. Конечно, курение поощрять не приходится. Если человек не может бросить курить, то, бесспорно, это недолжная и греховная привязанность. Но мы говорим о Монархе великой страны, занимающей 1/6 земного шара, у которого не могло не быть многих вольных, а тем паче невольных, грехов и соблазнов, в сравнении с которыми упоминание о папиросе, я бы сказал, просто мелочно.

Если говорить о моментах легкомысленного поведения Государя в молодости, до женитьбы и до помазания на царство, если доверять многочисленным мемуарам, то это действительно имело место в его жизни.

Однако, если мы вспомним учение Церкви о мучениках, о чем говорилось выше, то вспомним, что все грехи человека-мученика смываются его кровью.

Церковь признавала мучеников святыми за самую их мученическую кончину, пролитие крови за Христа и открывала им вход в царство праведных.

Как пример приведем св. мученика Ванифатия (память 19 декабря), который жил в прелюбодеянии с некой Аглаидой почти до самого своего мученичества. Св. Димитрий Ростовский пишет о нем: "Нечистые дела его были омыты пролитием крови его, и через это самое душа его сделалась как бы царскою багрянницей и увенчалась венцом мученическим".

Теперь второй вопрос. Прославление Государя и Его Семьи — это политический или церковный акт?

На этот вопрос можно поставить вопрос встречный: прославление греческих царей Константина и Елены было политическим или церковным актом? А равноапостольного Великого князя Владимира? А великого князя Александра Невского? А убиенного князя Андрея Боголюбского? А замученный князь Михаил Тверской? Их всех прославляли или за святую жизнь, или за пролитую кровь во славу Господа Иисуса Христа. То, что они были по своему положению государственные, а следовательно политические деятели, это вопрос другой, к прославлению их как мучеников прямого отношения не имеющий. Убиенный Государь был человеком глубокого православного сознания и был убит как православный царь. На стене Ипатьевского подвала, где была убита Царская Семья, осталась надпись: "Здесь царь принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы". Какой же там был убит царь? Не магометанский же, а православный. Для разрушения какого государства? Не иудейского же, а православного.

Могут сказать (и говорят), почему вы думаете, что Он умер за Христа, ведь о верности Христу Его никто

не спрашивал. А 14000 младенцев, убитых за Христа Иродом, кто-либо спрашивал? А они причислены Церковью к мученикам. Почему? Потому что они, грудные младенцы, еще ничего не знавшие и не понимавшие, стали на дороге Ирода, хотевшего воспрепятствовать Божью воцарению в мире. Они стали невинной жертвой.

Царь, Романовы, были носителями идеи, при которой нет места секуляризму — отделенности власти от морали. Пускай эта идея не всегда претворялась в жизнь, но она была как задача, как путеводная звезда. Убивая царя, надеялись убить тысячелетний путь русского народа, а затем... "Мы новый мир построим..." ("Интернационал"), где, как написал Достоевский, "все дозволено", где нет моральных устоев.

Царь и Его семья были убиты за христианское понимание жизни, за идею православного государства, от которой их отделить было невозможно.

Однако не раз приходилось слышать, что все же причисление Государя Николая II к святым — это натяжка. Остановимся на этом вопросе и обратимся к истории.

Игорь Олегович, по христианскому имени Гавриил, по монашескому имени Георгий, князь Черниговский, внук Святослава, правнук Ярослава, был убит киевлянами 19 сентября 1147 года *по подозрениям политическим*. — См. Ипатская летопись под 1147-м годом, 2-го издания, стр. 249, и Е. Голубинский — История канонизации святых, Москва, 1903 г., стр.58.

Второй пример опять отсылает нас к началу нашего исторического бытия — см. Лаврентьевская Летопись под 1175 годом, 2-го издания, стр. 352, и Ипатская Летопись под 1175 годом, 2-го издания, стр. 403.

Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский

убит заговорщиками с 28 на 29 июня 1175 года. "...
"... Летописцы называют его мучеником, приравнивают к святым Борису и Глебу, ублажая его как святого, обращаются к нему с мольбой о предстательстве перед Богом за князей русских". (Е. Голубинский, История канонизации святых, Москва, 1903 г., стр. 59). Вот два, и далеко не единственных, примера из нашего прошлого.

На протяжении сотен лет мы молимся этим князьям-мученикам, одному убитому "по политическому подозрению", а другому убитому предателями — "заговорщиками". Молимся им и не поднимаем вопроса о якобы политических мотивах их убийства или "натяжки" при их прославлении. Почему прославить русского великого князя убитого в ночь с 28 на 29 июня можно, а русского Царя убитого в ночь с 16 на 17 июля нельзя? Почему к одному мученику — Великому князю — с молитвой "о предстательстве перед Богом за князей русских" обращаться можно, а к другому — царственному-мученику — с молитвой о всем русском народе нельзя. Почему?

Да, конечно, кривотолков в связи с предстоящим прославлением может быть сколько угодно, и я не сомневаюсь, что недостатка в них не будет. Но скажите: есть ли такое доброе дело, которое не встречает порицания и клеветы?

Для того чтобы познакомиться, как и на какой невообразимой духовной высоте жила Царская Семья в изгнании, я позволю себе отослать вас к моей выходящей из печати книге, названной "...И память их в род и в род". Не скрою, что, когда я сам впервые познакомился с теми материалами, которые разбираю в этой книге, во мне произошел крутой поворот во многих моих воззрениях.

”Потоки мученической крови есть то (читаем мы в резолюции комиссии по прославлению новомучеников от 3/16 сентября 1978 года), что может погасить пожар безбожия, подобно тому, как кровь первых христиан погасила пожар языческого нечестия. Однако кровь мучеников приобрела особую силу благодаря благоговейному почитанию тогдашними христианами мучеников...”

Если произошло это тогда, то не может ли произойти и теперь? К сожалению, Комиссия имела все основания добавить фразу похвалы первохристианам, звучащую одновременно как более чем заслуженный укор христианам современным.

Да, мы слабы, но зато теперь есть миллионы мучеников, сила которых может совершить все, на что будет благоволение Божие. На это и надеются православные в России, когда пишут: *Откройте окно.*

Вот выписка из письма отца Глеба Якунина, мучащегося сейчас в советской тюрьме: ”Через канонизацию святых как бы открывается окно в Церковь небесную, и помощь благодати канонизированных святых в ответ на земное прославление входит... в события человеческой истории”.

Писать так могут, так *смеют* писать только наши православные братья в России. Они и поручают нам сделать то, что необходимо для них и для нас, для каждого по-своему. Сделать то, что они не могут сделать там сами из-за преследований. Они, сами стоящие на путях мученических, властны давать нам такое поручение. За их подвиг мы, духовно худосочные, ни чем иным, кроме свободы не обладающие, и совершив великое дело прославления Новомучеников Российских.

Вспомним слова Митрополита Анастасия, сказав-

шего, что "на нас лежит священный долг возвестить о мучениках миру, проповедовать на кровлях о том, что мы видели очами, что осязали руки наши".

Нет надобности говорить о том, в каком положении сейчас находится наш народ и наша Церковь под ярмом безбожной власти. Болезнующая о нашем несчастье, мы можем почерпнуть достойный подражания пример из нашего прошлого.

Митрополит Московский Макарий перед все-русским церковным Собором, долженствовавшим внести обновления в жизнь Церкви, начал с того, что в 1547 и 1549 гг. канонизировал 39 новых святых, по тем временам количество небывалое. (Проф. Е. Голубинский. История Канонизации святых в Русской Церкви, стр. 92).

Мы теперь, подобно тому как 4 века тому назад при Митрополите Макарии, ожидаем милости Божией — обновления нашей Церкви и Отечества. И нам надлежит, готовясь к этому, начать с прославления тех, кому судьбы нашего будущего не просто дороги и близки, как нам самим, но дороги *кровно* через пролитие их крови за верность нашей Церкви и Отечества Христу-Богу.

В заключение нашей сегодняшней темы я хотел бы напомнить вам о Великом Четверге на страстной неделе, когда вспоминается прощальная Вечеря, Тайная Вечеря Его Плоти и Крови. Господь Иисус Христос первый прошел голгофским мученическим путем и на Тайной, таинственной, исполненной таинства Вечери еще до мук, смерти и воскресения уже питает учеников пищей бессмертия, взывая: "Ядите Тело Мое и утверждайтесь верою". Иисус Христос тут и жертва, и жертвенник, и совершитель.

Следуя за примером Спасителя, христиане стали

совершать их общее соборное дело воспоминания, т. е. Литургии, на местах погребения своих братьев, умученных за Христа.

Теперь мы, современные православные христиане, совершаем Литургии, подобно им, на мощах святых, на так называемом Антиминсе — плате, в который вделана частица св. мощей — нетленная святая частица плоти св. человека. Без антиминса ни священник, ни епископ не могут совершать Литургии.

На свидетельстве святых стоит наша православная Церковь, которая может быть названа Церковью мучеников. Ибо: "Кровь мучеников — семя Церкви".

Слава Тебе Господи, удостоившему русское православие неисчислимым сонмом подражателей Тебе, свидетелей Твоих, — святых мучеников.

"Христе Боже, Твоя Церковь, украсившись кровью Твоих мучеников... как царскою одеждою... их устами взывает Тебе: верующему народу ниспосли Твои щедроты, даруй мир людям Твоим и душам нашим велию милость". (Тропарь мученика в переводе на русский язык).

Особое мнение

О. Александр хорошо, убедительно обосновал предстоящий акт прославления новомучеников российских. Полагаю всё же, что не с его обоснованием, а с самим этим актом многие в нашей эмиграции не будут согласны. К ним присоединяюсь и я, считая, что подобные акты могут приниматься только в самой России, всеми верующими ее церковно людьми. Только такой, всенародно принятый, соборно одобренный акт может иметь полную силу. Мы же здесь, в эмиграции — слишком малая часть, чтобы решать и выступать от лица всех. В нашем состоянии мы можем высказывать лишь свое мнение и свои пожелания.

Будучи редактором этого журнала и не желая, чтобы мое частное мнение могло быть принято за несогласие с его издателями, подчеркну, что это не так и что несогласие в данном случае остается моим частным мнением, к общему ведению журнала не относящимся.

Г. Андреев

Архиепископ Антоний

ПРОСЛАВЛЕНИЕ СО СВЯТЫМИ НОВОМУЧЕНИКОВ И НОВЫХ ИСПОВЕДНИКОВ

Апостолы — Столпы Церкви, огласившие проповедью Евангелия всю вселенную, приняли все, кроме апостола Иоанна Богослова, мученическую кончину еще до конца первого века. Исполнились на них слова Христовы: "будете ненавидимы всеми за имя Мое" (Мф. 10,22). Кровь апостолов и за ними множества мучеников напояла обильно Церковь с половины первого до начала четвертого века. Первые мученики стали славою, силою и символом победы всего христианского мира. Многие готовились тогда стать мучениками, так как казалось, что иного пути для верующего во Христа, в мире сем во зле лежащем, не может быть! Идеалом самых сильных и крепких было пролить кровь за Распятого нас ради.

Дьявол боролся с Церковью — "Столпом и Утверждением Истины" (1 Тим. 3,15), не только физическим уничтожением христиан, но и ложью. Уже в век апостольский явились многие лжеучители и еретики, смущавшие христиан, которых решительно обличали, в своих посланиях к пастве, апостолы.

С начала второго века Мужья Апостольские, полные благодати и истины, бесстрашно продолжали проповедь Евангелия. Восстал целый полк духоносных святителей, богословов, апологетов, пастырей Церкви, за которыми шли с полным доверием и любовью овцы словесного стада, через раскинутые дьяволом сети лжи, скорбей и страданий. Многие из них тоже приняли мученический венец.

Четвертый век сияет славою величайших святителей и учителей Церкви: Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других. За голосом

Доклад, прочитанный на 13-ом Епарх. Съезде Западно-Европейской Епархии РПЦЗ. 6 июня 1981 г. в Люксембурге.

этих бесстрашных исповедников Истины, следуют верующие даже до сего дня. Достаточно сказать, что так учил один из них, чтобы утвердить в Истине колеблющихся.

Тот же четвертый век открыл новую страницу истории Церкви, явив миру красоту монашеского подвига. Наполняются пустыни небесными человеками и земными ангелами, пустыножителями, отшельниками, оставившими всё и последовавшими за Христом. К авторитету пустыни прислушивался христианский мир и соблазны и ереси явили свое бессилие перед духовной высотой отцов пустыни.

Триумфально шествовала Церковь, предводимая Апостолами, Мучениками, Святителями, Отцами пустыни, через скорби, гонения, соблазны лжи, предсказанные Божественным Учителем. И побеждала она со Христом мир, являя ему красоту и высоту своего учения, жизни, подвига, самоотречения, торжества Неба над землей.

ЦЕРКОВЬ В НАШИ ДНИ

Христос, сказавший своим последователям: "будете ненавидимы всеми за имя Мое", сказал и другие горькие слова: "Сын Человеческий, пришед (во второе свое пришествие) найдет ли веру на земле?" (Лк. 18,8). Эти скорбные слова начинают уже сбываться в наше время, ибо печальную картину являет современный христианский мир.

Где великие вселенские учителя, за голосом которых шли бы с полным доверием чада Церкви? Увы, смолкли их огненные и золотые уста! Не за пастырями идет ныне мир, а они приспособляются к нему, ища славы его и трепеща перед сильными его. Так редко слышим мы бесстрашный, мужественный и правдивый голос тех, которым Христос повелел пасти овец Его.

Экуменизм, восставший на догмат Церкви, модернизм, разлагающий жизнь Церкви, угождение и подчинение сильному миру сего, неискренность, вот чем дышат современные пастыри, думая вести стадо Христово за собой.

А монашество наших дней! Где великие светильники ангелоподобной жизни, где духовные цветы пустыни, где

высота подвига отречения от мира? Пустуют древние обители, в большинстве, за небольшими исключениями, едва насчитывая в своих священных стенах десятков тех, которые посвятили себя Богу. И даже искренние монахи, ищущие спасения, далеки от духовной высоты древних. Не ищет наш мир высшего подвига.

И можно было бы прийти в уныние и решить, что иссяк дух ревности христианской, что нет больше той веры, которая побеждала мир и всё, что в мире!

МУЧЕНИКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Но так можно было бы думать только в том случае, если бы не сияли на церковном небе, как яркие звезды, **СОВРЕМЕННЫЕ МУЧЕНИКИ**. Ведь мы живем в век новых мучеников за Христа, ничем не отличающихся от древних. Они свет Церкви, они наша надежда, наше упование, их кровью и ныне живет, крепится и растет Церковь.

Этих мучеников 20-го века, в первую очередь, дала Русская Церковь. На вызов Христу воинствующих безбожников, она ответила мученической кровью лучших сынов и дочерей своих! Тысячи мучеников отдали жизнь свою за Возлюбившего их. Гонители же не только яростно выкорчевывают христианство на территории СССР, но и своими словами и делами свидетельствуют о том, что боятся они мучеников, даже после их смерти. "Мучеников за веру нет и не было", лживо свидетельствуют они миру. "Советская власть боролась лишь с людьми, нехотевшими принять новый порядок жизни, со злостными политиками", повторяют за безбожниками несвободные представители Московской патриархии. Не произнес бы подобной лжи епископ Церкви Христовой, лжи против которой камни способны вопиять!

Все больше и больше сведений о замученных, убитых за Христа. Скрыть истину безбожники не в силах, их лжи уже никто не верит. И всё чаще ставят себе вопрос чада Церкви: не пора ли современных мучеников видеть уже во славе Отца небесного, наследниками Его вечного царства? Не пора ли молиться им, а не за них?

КОГО МЫ МОЖЕМ НАЗВАТЬ МУЧЕНИКАМИ?

Не пора ли, вопреки безбожной пропаганде, сказать правду об истинных христианах в наш теплохладный век?

Но прежде чем ответить ясно и просто: "пора и давно пора", надо подготовить нас самих к этому, чтобы избежать неправильного толкования, непонимания и возражений по неведению.

Во-первых надо понимать ясно и объяснять другим то, что мученики, о которых мы говорим, не суть просто жертвы революции, как думают некоторые. Несмотря на то, что революция русская была открытым вызовом Богу, Творцу человека и мира, далеко, конечно, не все убитые могут быть названными мучениками за Христа.

Таковыми мы можем назвать только тех, *жизнь которых, как благочестивых христиан, хорошо известна Церкви, так же как и несомненна кончина их за веру во Христа.*

В первую очередь мучениками являются священнослужители — пастыри Церкви, убитые только за то, что были служителями Божиими, убитые кошунственно, с издевательством над Тем, Кому они служили. Назовем, хотя бы, имена тех, которых должен знать весь христианский мир: первомученик митрополит Владимир, митрополиты: Вениамин, Кирилл, Иосиф, Агафангел, Петр и другие. Патриарх Пимен, хотя и не был убит, но замучен был "утонченными нравственными пытками, которых не знал еще грубый век Нерона и Диоклетиана", писал митрополит Анастасий.

Убивали епископов, монашествующих, мирян и даже детей, голодом, холодом, на непосильных работах в тюрьмах и лагерях смерти; расстреливали, глумились: отрезывая языки, уши, убивая до смерти, закапывая живыми в землю; топили в реках, вешали на царских вратах в храмах, убивали вместе с женами и детьми. Убивали, предъявляя единственное обвинение: служитель Божий!

А был для них способ избежать мучений и смерти, сохранить жизнь свою и близких — это было отречение от

Христа и переход в стан гонителей, но лишь единицы воспользовались им.

Шли пастыри Церкви, а за ними пасомые, как овцы на заклание, безгласные и покорные воле Божией. "Когда, с конца 1917 г. начались огненные испытания для Церкви", писал митрополит Анастасий, "священномученики, мученики и мученицы, уразумев волю Божию, сами принесли себя в непорочное заклание (Евр. 10,6-9). Вслед за Вечным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета, они вошли во святилище со своею кровью, да очистят грехи людские (Евр. 9,12-15), ибо без пролития крови не бывает прощения" (22).

О количестве получивших мученические венцы имеем мы много сведений: хотя бы две книги протопресвитера М. Польского "Новомученики Российские", как и другие свидетельства. Например, список новомучеников, с любовью составленный и тщательно проверенный, полученный из России в 1976 г., который в цифрах исчисляет умученных за Христа, в разных областях. Так в области Харькова — 98 мучеников; Одессы и Херсона — 191; Петрограда — 36; Новгорода — 68; Архангельска — 99; Ставрополя — 139; Владикавказа — 72; Екатеринослава — 92 и так далее и так далее. Всего по списку 8.000 убитых за Христа. Но их, конечно, гораздо больше.

"Они воскресили перед нами образы святых Игнатия, Поликарпа, Златоуста и многих других исповедников и священномучеников. Их доблесть озарила новую славою Православную Церковь" (из Похвального Слова Новомученикам, митрополита Анастасия).

Они прославили в дни страшных гонений Церковь, они стоят непоколебимо ныне, во главе православного мира, они наша слава, победа и радость.

ОТКАЗ ОТ МУЧЕНИКОВ — ОТКАЗ ОТ ХРИСТА

От этой славы и христианской победы отказываются официальные представители Церквей Божиих. Готовят, как они его называют, "великий, святой и всеправославный

собор", на котором торжественно, перед всем миром, ОТРЕКУТСЯ от современных мучеников, обойдут их полным молчанием, молчанием позора, которым заградят их уста воинствующие безбожники, с помощью представителей Московской патриархии, что сделают они уже не в первый раз.

В каком же виде предстанет перед миром этот собор, отрехшийся от Мучеников? Что останется ему? Об этом свидетельствует жалкая, пустая, с трудом составленная программа его. Собравшиеся пастыри Церкви будут, оказывается, срочно решать "нетерпящие отлагательства", как думают они, вопросы о том, каким образом сократить посты, ослабить церковную дисциплину, о первенстве и привилегиях Церкви Константинополя, о дальнейшем развитии экуменических контактов и ЭТО ВСЕ! Какая страшная духовная и безнадежная пустота в то время, когда все силы ада ополчились на Церковь!

Вопросы воинствующего безбожия и современных ересей, отторгающих от Церкви миллионы верующих насилем и обманом, не интересуют очевидно пастырей? Вопросы эти, казалось бы, должны быть первыми на повестке собора. Участники его, отрехшись от мучеников и их подвига, не смогут звать верующих подражать примеру их! Чем же возродят они дух ревности христианской, подвига монашеского, которые настойчиво требуют обновления? Чем утешат они исповедников, томящихся ныне в тюрьмах и ссылках? Углубляя экуменизм, не смогут они твердо и бескомпромиссно исповедывать веру во Единую и Единственную Церковь и т. д.

Такой собор покроет Православие несмываемым позором, ибо в основе веры нашей лежат мученичество, подвиг и прославление святости.

Вот почему настало крайнее время свидетельствовать о подвиге новомучеников, воздать им должное, что бы возродить жизнь христианскую. "Прославление мучеников назрело и откладывать его не надо ни в коем случае! Мы, не прослав-

ляя их, лишаемся величайшей помощи Божией, по их молитвам”, писал современный исповедник Церкви.

МОЖЕТ ЛИ НАША ЦЕРКОВЬ КАНОНИЗИРОВАТЬ СВЯТЫХ?

Каждая Православная, автокефальная, поместная Церковь имеет право канонизировать своих святых, решением своего Архиерейского Собора. Другие Православные Церкви — Сёстры принимают к сведению подобное решение о канонизации одной из них.

Мучеников, о которых мы говорим, могла бы прославить со святыми Русская Православная Церковь. Но она ныне обезглавлена, рассеяна, не имеет свободно действующих и учащих епископов. Она подавлена глухим молчанием. Нет соответствующего церковного органа, который мог бы совершить официальный акт канонизации.

Надо ли ждать для этого времени освобождения Русской Церкви от гонений? Не может ли Русская Зарубежная Церковь сделать то, что не в состоянии теперь совершить Русская Церковь в целом; подобно тому, как были прославлены Собором наших епископов: святой Иоанн Кронштадтский, преподобный Герман Аляскинский и святая блаженная Ксения!

А право свое на это наша Церковь видит в том, что она всегда считала себя свободной частью Русской Церкви, стараясь ни в чем и нигде не отрываться от нее, не изменяя ей, не ища более выгодных позиций у иерархов других Церквей. Не наш ли долг перед Матерью-Церковью совершить акт прославления святых мучеников?

Отвечая на этот вопрос, будем помнить, что прославление многих святых начиналось, так называемым местным прославлением, т. е. на месте жизни праведника, где его благочестивую жизнь многие знали, где обращались к нему за помощью при жизни его и молитвенно после смерти и получали просимое. Постепенно слава о святом распространялась все дальше, сведения о чудесах, по молитвам к нему, становились достоянием все большего числа верующих

и в конце концов перед Церковью в целом становился вопрос о канонизации нового святого, что она и осуществляла на архиерейском соборе.

Очевидно, что прославление Новомучеников нашей Церковью, так же как святого Иоанна Кронштадтского, преподоб. Германа Аляскинского и блаженной Ксении будет сначала местным, в силу обстоятельств, не окончательным, в том только отношении, что официальный акт о канонизации от всей Русской Церкви последует после освобождения ее от гонений.

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ МУЧЕНИКОВ

Но в случае мучеников даже и этого не нужно, т. к. признание мученика святым не требовало официальной санкции церковной власти. Убитого за исповедание Христа, тотчас после мученической смерти его, Церковь почитала святым мучеником, без выяснения даже о том, как он жил, что делал, без ожидания чудес и т. д. Достаточно было диким зверям растерзать исповедника Христова на арене римского коллизея, чтобы останки его почитались верующими, как святые мощи и хранились, как святыня. Бывали случаи, когда римские воины — язычники, присутствуя при мучении христиан и будучи поражены их терпением, исповедывали себя христианами и были убиваемы за это. И несмотря на то, что жили они, как язычники, с момента крещения их своею кровию, Церковь почитала их святыми мучениками. Пример мученика Вонифатия и других.

ОТНОШЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ В РОССИИ К ПРОСЛАВЛЕНИЮ

Велика была радость наша, когда современная Россия откликнулась, на наше дерзновенное желание прославить мучеников, сочувствием, пониманием и выражением радости по этому поводу.

Вот слова исповедника оттуда, осужденного ныне на шесть лет лишения свободы: "нас потрясла весть о том, что

ваш архиерейский собор будет канонизировать новых русских святых мучеников. Это неожиданная, нечаянная радость для нас. Мы глубоко убеждены в том, что это событие коренным образом повлияет на дальнейший ход исторических событий и сыграет ключевую роль в дальнейших судьбах России и всего мира”.

Другой дерзновенный исповедник оттуда пишет: “О прославлении мучеников заговорила маленькая часть Православной Церкви — Зарубежная — и это делает ей честь. Думаю, что поддержат и все остальные части Православной Церкви”. И дальше: “быть замученным от безбожников, тем более такими страшными муками, которые применяли они, — значит стать святым мучеником. Нужно только знать, не отказались ли они от Христа в муках, остались ли Ему верными до смерти? Страдания, как вода в огненной купели, не только все смывает, а даже выжигает всё несовершенное, и человек выходит чистым, очищенным золотом становится”.

ОСОБЫЙ ВИД МУЧЕНИКОВ — СТРАСТОТЕРПЦЫ

Теперь следует указать на особый вид мучеников — *невинно пострадавших!* К ним причислены в России святые мученики Борис и Глеб, царевич московский Димитрий, князя Михаил Тверской и Андрей Боголюбский и другие. Они не были убиты за веру во Христа, и однако причислены Церковью к святым. Причины их убийства были политические, но за благочестивую жизнь и покорность воле Божией даже до смерти, Церковь их прославила в ряду святых мучеников.

Таковыми в наше время являются царственные мученики: царь Николай, царица Александра, цесаревич Алексей, княжны: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, великая княгиня Елизавета и князя Иоанн, Игорь и Константин.

Несомненно, что из среды их, больше всего сомнений вызывает прославление со святыми царя Николая Второго.

Во-первых, скажем, что по распоряжению церковных властей, в нашей Церкви уже много лет, на панихидах поми-

наем убиенного Государя, как Царя-Мученика, к чему все при-
выкли.

Во-вторых надо знать, каково было отношение Церкви к православному царю. Церковь рассматривала его, не только как светского главу государства, но как священное Лицо, носителя особой божественной харизмы. Во время коронации над царем совершается **ВТОРИЧНО ТАИНСТВО МИРОПОМАЗАНИЯ** (первое при крещении), на что не имеет права ни один христианин. И как в таинстве миропомазания при крещении, печатью дара Духа Святого, подается крещаемому благодать, сила Божия для подвига жизни христианской, так для помазанника Божия — Царя — благодать для управления народом Божиим.

Эта особая божественная харизма делает православного царя — служителем Божиим, ответственным за народ перед Богом.

”Вот почему православно верующий должен видеть в царе Николае, не только мученика-христианина, но именно Царя-Мученика”, как пишут верующие из Советского Союза, ”пострадавшего не только за свою верность Христу до смерти, но именно за свое имя Царя-Мученика”.

”Промыслом Божиим он был удостоен пострадать в тот момент, когда уже не имел никакой политической власти и отказался от каких-либо попыток эту власть вернуть. Царь Николай пострадал, как символ православного царства, как носитель многовековой церковной идеи — власти Божией над землей. И в том, что он сподобился пострадать именно таким образом, мы видим еще одно из божественных свидетельств его святости”.

И еще: ”всемирно-исторический смысл мученической кончины царя и его семьи состоит в том, что здесь кончается Константиновский период бытия Церкви Христовой и открывается новый мученический, апокалиптический. Начинает его жертва православного Царя-Помазанника и его семьи”.

И заключают наши братья оттуда, свое такое горячее исповедание праведности убиенного царя, словами: ”омытый Христовою кровию и своею, очистившею его самые тяжкие

грехи, он, по нашему мнению, достоин канонизации со святыми”.

Вот еще одно свидетельство современного исповедника: “прославить надо всех мучеников за веру, не делая выбора, тем более не становясь на политическую точку зрения, как это делают в отношении царя. Ему все что-то пытаются поставить в вину, даже не представляя того, что, обвиняя Царя-Мученика, они становятся в ряд палачей его! Он умер, не изменив своей вере!”

Но сверх этого, мы знаем еще высокое благочестие Государя и его чисто христианское отношение к жизни. “Кротость и смиренное принятие уготованной им страшной участи, возводит императорскую чету на высочайшую ступень христианского подвига”, — то же мнение людей из России.

До нас дошли многие письма царицы и царевен, изданные отдельной книгой “Письма Царской семьи из заточения”, свидетельствующие, как *официальные документы*, о благочестии жертв, об их терпении, смирении, кротости, горячих молитвах, покорности воле Божией в унижениях и страданиях. Эту книгу должны прочесть все, чтобы убедиться в праведности Царя и его семьи.

Но если кто-либо, даже при искреннем желании, в этом не убедится, если он за образом Государя-Правителя не видит еще образ Царя-Мученика, то и не должен пока молиться ему, т. к. факт канонизации принудить его к этому не может. Нельзя заставить того, кто не хочет, молиться, любить и верить. Но пусть такой не смущает своей критикой и сомнениями тех, которые благоговейно склоняются перед памятью Царя — Мученика.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ — ВСЕПРАВОСЛАВНОЕ ТОРЖЕСТВО

С недоумением вопрошают некоторые о том, почему прославление русских мучеников может быть всеправославным торжеством? Ответим словами апостола Павла о том, что в Церкви “нет ни эллина ни иудея, ибо все мы

ОДНО, во Христе Иисусе" (Гал. 3,29). "Да будут все ЕДИНО, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они (ученики — чада Церкви), да будут в НАС ЕДИНО" (Иоан. 17,21), так молился Отцу наш Спаситель, такими хочет Он видеть нас в Своей Церкви.

Едиными усты и единым сердцем должны мы славословить Мучеников, какому бы народу и какой бы Церкви они не принадлежали. Их молитвы — залог нашего возрождения, их подвиг — пример для подражания, их кровь — оправдание истории Церкви нашего времени.

Мы все — ЕДИНО стадо Христово, в Западно-Европейской епархии: французы, сербы, швейцарцы, русские, испанцы, румыны, итальянцы, греки, будем с трепетом и радостью готовиться к прославлению современных Мучеников. Будем готовиться к этому редкому торжеству усиленными молитвами, строгим исполнением церковных правил, постов, чтением жизнеописаний мучеников и их подвига.

Наличие современных Мучеников свидетельствует, что христиане не стали еще солью, потерявшей силу, что не угасла еще вера на земле, что есть за кем нам идти, немощным и слабым.

"Канонизация Мучеников и Новых Исповедников является не только лишь формальным признанием зримо явленной святости праведников", говорят наши братья оттуда, "это творческое действие, предстоящее Церкви, поистине можно назвать подвигом, ибо невозможно совершить его, согласно воле Божией, духовно не приобщившись к подвигу мучеников и исповедников. Ибо сказано: "кто принимает пророка во имя пророка, тот получит награду пророка и кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника" (Мф. 10,14).

Святые Новомученики и Новые Исповедники, молитесь Бога о нас! Воля Божия и сила в немощи нашей, да совершится!

Прославление, если Богу угодно, состоится в синодальном соборе в Нью-Йорке в воскресенье 1-го ноября с. г. (и

накануне за всенощной). Совершит его СОБОР всех Епископов нашей Церкви!

В нашей Епархии в воскресенье 1-го ноября после литургии, священнослужителям надлежит объявить пастве о том, что торжество прославления **СОВЕРШИЛОСЬ**, призвать молящихся к молитвам Святым Мученикам и к подражанию подвига их и в заключение пропеть **ИМ** всю церковь **ВЕЛИЧАНИЕ!**

Молебны Святым Мученикам будем служить по нашем возвращении из Нью-Йорка.

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы : религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата : 1 год — 36.00 ам. долл.,
6 мес. — 20.00 ам. долл., 3 мес. — 11.50 ам.
долл., 1 мес. — 4.00 ам. долл.

Адрес :

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

Тел. : (415) 921-5380, 5381

В. И. Алексеев и Феофан Ставру

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИИ

Глава 4

Стихийный религиозный подъем в Белоруссии

Описанные выше злоключения, связанные с организацией церковной иерархии в Белоруссии, скорее задерживали стихийный религиозный подъем среди населения, чем ему содействовали.⁴ О возрождении православия в Белоруссии Архиепископ Филофей рассказал следующее: Город Минск он знал еще в самом начале революции. До начала гонений в городе было две духовных семинарии, два епархиальных женских училища, два собора, пятнадцать церквей и два монастыря. В епархии было около 400 церквей и 650 священников и дьяконов. К началу войны в 1941 году от всего этого не осталось ничего. Только через два месяца нашли двух бывших священников. Два собора в самом Минске были снесены. В храме женского монастыря был оборудован гимнастический зал, в храме мужского монастыря помещался архив, в кладбищенской церкви — гараж, и т. д. Последнее богослужение в

⁴Продолжение. См. №№11, 12, 13 и 14. Эта глава содержит и подробное описание сложных взаимоотношений духовенства в оккупированной немцами Белоруссии с действовавшими тогда в ней силами. Мы помещаем только описание в этой главе религиозного возрождения там. Полный текст главы будет дан в отдельном издании этого труда (Ред.).

городе было совершено в 1937 году на новом кладбище.

В первые три-четыре месяца после ухода коммунистов в городе было открыто 7 церквей и крещено 22.000 детей. Священники венчали сразу по 20 — 30 пар. Было совершено много заочных погребений. В епархии было открыто около 120 приходов, т. е. приблизительно около 30% дореволюционного количества. Конечно, не было соответствующего количества священников, и священники разъезжали по епархии, посещая приходы поочередно. Были открыты пастырские курсы. Открыть семинарию не разрешили немцы. Даже традиционный крестный ход на Крещение (19 января по новому стилю) не был разрешен в первый год. Тем не менее, для пастырских курсов было разрешено привезти из Смоленска двух старых профессоров: Колесникова и Четверикова. На пастырских курсах обучение велось самым ускоренным образом, и сколько-нибудь обучившихся студентов тотчас же посвящали и отправляли на приходы. Обычно студентов было 20 — 30 человек. Часто кандидатов в священники находили сами приходы.

Во время архиерейских богослужений минские храмы бывали так переполнены, что нельзя было поднять руки для того, чтобы перекреститься. Исповедовавшихся бывало столько, что приходилось вводить общие исповеди. В Минске было два прекрасных хора: митрополичий и соборный. Последний был одновременно и хором оперным — в Минске застряла приехавшая на гастроли Одесская опера. В соборе на богослужении бывало до 1500 человек в самом здании и около 2000 вокруг храма.

Особенно многолюдны были богослужение и крестный ход на Крещение 1944 года. Из всех храмов

города собралось до 80-100 тысяч молящихся. Берег Днепра был полон народа на протяжении трех километров с обеих сторон реки.

Много подробностей о возрождении православия в г. Смоленске удалось получить от о. А., священника, оказавшегося в городе сразу после прихода туда немцев. В момент прихода немцев на 150 тысяч жителей Смоленска оставалась одна незакрытая церковь, да и то о. А. не уверен, были ли в ней богослужения. Город очень пострадал, главным образом от того, что фронт долго стоял на Днепре, делившем его на две части. В результате эвакуаций и гибели населения, при немцах осталось только около 30 тысяч жителей, в городе было открыто 4 церкви. Но не только это характеризовало религиозный подъем. Самым характерным фактом было массовое крещение детей, от самых маленьких до 17-18-летних. Крестив всех городских детей, священники начали выезжать в деревни. Они останавливались в какой-либо деревне и крестили детей всей округи. В среднем жили на одном месте около недели, освершая ежедневно по 150-200 крещений. Иногда около домов, в которых останавливался священник, скапливалось по 100-150 подвод. Понятно, что для вновь организованных приходов не хватало священников. 8 или 10 священников было найдено в районе Смоленска; они под разными видами скрывались от преследований советской власти. После приезда Владыки Стефана только для района Смоленска в течение 7 месяцев было вновь рукоположено около 40 священников. В сентябре 1942 г. было напечатано 30 тысяч молитвенников, которые разошлись полностью в течение года.

По мнению о. А., в тех местах, где можно было действовать духовенству, было открыто до 75% дореволюционных храмов. По-видимому, открытию церквей

препятствовало быстро увеличивающееся партизанское движение. Коммунистические руководители партизанских отрядов вплоть до сентября 1943 г. (прием Сталиным Митрополита Сергия Страгородского) преследовали и убивали православное духовенство, и только после начала в СССР новой политики в отношении Церкви их отношение к духовенству резко изменилось. Как раз в это время епархиальное управление из-за приближения фронта переехало в г. Борисов, где было до весны 1944 г., восстановив в окрестностях около 70% дореволюционных приходов.

К сожалению, полных и точных сведений о Белоруссии не имеется. Например, в отчете Владыки Стефана указано, что в г. Полоцке было открыто 2 церкви, в то время как, по свидетельствам жителей Полоцка, там было открыто 4 церкви. С другой стороны, сведения священника А. о Смоленске рисуют картину, характерную для районов, в которых возрождение Русской Православной Церкви протекало более успешно.

Приведем данные по отдельным городам и районам, которые удалось собрать от жителей этих мест.

В г. Полоцке, очевидно, действительно было открыто не 2 церкви, как указывал Владыка Стефан, а 4. Об этом свидетельствует П. Ильинский в статье, опубликованной в журнале "Грани", и то же подтверждает в интервью, данном В. И. Алексею, бывшая жительница Полоцка госпожа Ш., точно перечислившая открывшиеся церкви.

В г. Витебске, по показанию местного старожил г. М., много разрушений было произведено местным партийным активом и НКВД при помощи специальных бригад. Когда приблизились немцы, город был зажжен со всех сторон. За три дня выгорело три

Август 1941 г. г. Борисов.
У собора перед богослужением

четверти жилых кварталов. Немцы заняли город 12 июля 1941 г., когда пожары еще не кончились. В это время в городе не оставалось ни одного православного храма. Все церкви как в Витебске, так и в 11 его уездах были закрыты еще до 1930 года. Многие из закрытых храмов были превращены в склады. В церкви Св. Антония был устроен антирелигиозный музей. Как раз в этом музее хранились мощи Св. Евфросинии, княжны Полоцкой.

После отступления Красной армии, в августе-сентябре 1941 г., была приведена в полный порядок Свято-Покровская церковь. Первое богослужение было совершено 14 октября 1941 г. В ноябре того же года в Свято-Покровскую церковь были перенесены мощи Св. Евфросинии. В начале мая 1944 г. мощи святой были перевезены в ее родной город Полоцк. Кафедральный собор Витебска должен был ремонтироваться с осени

1943 г., однако военные события помешали осуществлению этого плана. Кстати заметим, что г. Полоцк тоже был сожжен специальными отрядами перед приходом немецкой армии. Вообще сожжение городов при отступлении Красной армии проводилось планомерно. М. пишет о попытке сожжения еще уцелевших зданий в г. Витебске, отмечая, что как Свято-Покровская церковь, так и Николаевский собор уцелели от пожара потому, что комсомольская бригада, состоявшая из молодых девушек, погибла до осуществления плана уничтожения этих храмов.

В 1942 г., по сведениям г. М., в Витебске были открыты пастырские курсы, на которых обучалось до 20 человек. За время немецкой оккупации во всех 11 уездах бывшей Витебской губернии, в городах Невель, Городок, Полоцк, Дрисса, Сурож, Велиж, Себеж, Людин — были открыты православные храмы.

Август 1941 г. г. Борисов
В деревянной церкви во время всенощной

В своем рассказе о времени оккупации г. М. упоминает о расстреле красными партизанами священника о. Иоанна в селе Маклог (район г. Велижа).

О г. Заславле Минской области подробно пишет священник И. Последний настоятель двух городских приходов в г. Заславле о. протоиерей Р. был сослан на торфяной завод около г. Гомеля, где и был убит партизанами в 1943 г. Так как до 1939 г. Заславль был всего в 8 километрах от польской границы, все население, неблагонадежное с советской точки зрения, было выслано. После прихода немецкой армии верующие достали спрятанные во время гонений церковные сосуды, иконы и даже антиминс, а также престольное евангелие. Церковь открыли 2 ноября 1941 г. Епископ Филофей назначил в город постоянного священника. Так как в районе четыре года совершенно не было духовенства, то пришлось совершать вначале до тысячи, а потом до пятисот крещений в день. Позднее по праздникам бывало регулярно по 15-20 крещений. В дни поминовения усопших на городских старом и новом кладбищах собирались тысячи верующих. В течение 1943-1944 гг. была отремонтирована Свято-Преображенская, что на валу, церковь. Два иконописца написали 80 больших икон. Заново построили иконостас, который был даже лучше старого, уничтоженного большевиками. Средства на ремонт шли из колхозов в виде зерна. Собирали зерно и тайно, выносили его даже из партизанских районов.

Таким образом в Белоруссии, на Смоленщине и в Брянской области происходило то же самое, что происходило в районе действия Псковской миссии.

Немецкие полицейские сводки дают значительно больше материала о Белоруссии, чем о районе Пскова. Уже в сводке от 5 июля 1941 г. упоминается вскользь о

**Крестьянин
привез крестить внука**

большом количестве молящихся в г. Барановичи. В той же сводке сообщается о подобном же факте в районе Бельск-Подляски.

В сводке от 5 августа 1941 г. много пишется об опасениях немцев, что польская интеллигенция, составляющая верхний культурный слой Белоруссии, снова захватит контроль над белорусским населением в свои руки. При этом особенно подчеркивается попытка католического духовенства использовать тягу православного населения к религии и вести миссионерскую работу путем использования белорусского духовенства.

На следующей странице сообщается о замене местных гражданских администраторов польского происхождения белорусами, привезенными с собой немецкой армией.

Из дальнейшего видно, что боязнь польского влияния и нежелание местного населения работать в

созданной немцами гражданской администрации заставляло оккупационные власти опираться почти исключительно на привезенных армией белорусских эмигрантов, которые, в свою очередь, оказались подозрительными благодаря большому проценту католиков среди них. Все это заставляло оккупационные власти чуть ли не радоваться возрождению Русской Православной Церкви, хотя бы потому, что она была все-таки благодарна за предоставление относительной свободы восстановления религиозной жизни на оккупированной территории. На стр. 14 излагаемой нами сводки читаем, что в процессе реорганизации Православной Церкви в Минске было богослужение, на которое собрались тысячи верующих и было крещено 45 детей. Интерес населения (очевидно, к восстановлению религии) везде очень велик.

И в других сводках видна озабоченность немецкой секретной полиции проникновением в Белоруссию католическо-польского влияния. Интересно, что и многотысячное участие населения в богослужении в Минске, так же как одновременное крещение 45 детей, видимо, произвело на немцев сильное впечатление, потому что об этом сообщается не в одной сводке.

В сводке от 4 сентября 1941 г. находим похожие данные. По всем донесениям, сообщается в сводке, интерес белорусского и русского населения к Православной Церкви растет. Открытие закрытых церквей является видимым указанием на это. Православные высказывают пожелание, чтобы немецкие власти позаботились о более равномерном распределении духовенства по городам и районам (для этого были нужны пропуска, выдаваемые оккупационными властями). В некоторых городах оказалось слишком много духовенства (?), в других городах и особенно в

деревнях духовенства не было совсем. Это положение — по справедливому замечанию автора сводки — указывает на отсутствие церковной организации. Только отдельные, особо активные духовные лица, пишет автор сводки, например, в Минске, беспокоятся о том, чтобы возобновить церковную жизнь в окружающих сельских районах и разыскать бывших там ранее священников.

Заметим от себя, что после полного разгрома коммунистами церковной жизни в Белоруссии трудно было ожидать какой-либо организованности Церкви. Вместе с тем критические замечания в сводке только подчеркивают стихийность религиозного подъема на оккупированной территории.

На стр. 10 той же сводки прямо указывается, что центрального руководства Православной Церковью еще нет, и отсутствие средств передвижения мешает его созданию. Далее высказывается заветная мечта тайной полиции об использовании Церкви для получения информации о настроениях населения и даже об оказании на него влияния через Церковь. Из всего этого делается вывод, что "быстрое решение было бы по этой причине очень желательно". В сводке отмечается, что в г. Борисове население посещает евангелические богослужения, и то же наблюдается в Смоленске. При этом автор сводки предлагает сделать богослужения для немецких военных закрытыми, чтобы увеличить дистанцию между населением и немецкой армией.

Надо сказать, что предосторожность СД не была излишней: армия в общем лучше понимала положение, хотя и была лишена возможности влиять на русскую политику Гитлера и Розенберга. В различных донесениях с мест более здравые люди, даже из среды политической полиции, все же иногда старались довести до

сведения верхов о громадных политических возможностях, которые могли открыться для Германии при ином отношении к населению оккупированных областей и русскому вопросу вообще.

В сводке от 21 сентября 1941 г. снова упоминается, что в Витебске и Смоленске армейские католические священники служили и для населения. СД сообщает, что оно проверяет благонадежность духовенства. Далее идет интересное указание на то, до какой все-таки степени оккупационные власти боялись организуемой Православной Церкви. СД информировало военные власти о нежелательности допущения церковных объединений выше строго местного уровня. Более того, секретная полиция считала важным роспуск уже имеющихся объединений выше этого уровня.

Напомним, что сводка СД датирована 21 сентября 1941 г., а Розенберг совместно с Гитлером и Борманом сформулировали принципы политики оккупационных властей в отношении Церкви на оккупированной территории России только 8 мая 1942 г. Таким образом, политика СД опередила политику Розенберга более чем на 8 месяцев, хотя, как мы знаем, оккупационным властям так и не удалось провести полностью эту политику в жизнь.

В той же сводке говорится снова о возрождении Церкви при активной поддержке населения.

В сводке от 8 октября 1941 г. читаем о положении в Смоленске. Пишется о том, что представители местной интеллигенции задавали представителям оккупационных властей ряд характерных вопросов: каковы будут отношения между Россией и Германией в дальнейшем? Зачем немцы делят русских на украинцев, белорусов и великороссов? В той же сводке читаем снова о том, что из разных городов идут сообщения об

участии очень большого количества молящихся в православных богослужениях, большом количестве крещений, но отсутствуют сообщения о свадьбах. В г. Велиже, сообщается далее, крестьяне вырывают тела умерших уже несколько месяцев назад и заново их хоронят по-православному. Оккупационные власти строго запретили эту практику.

В сводке от 23 октября 1941 г. отмечается большая посещаемость церквей в Смоленске, сообщается о том, что в начале в церковь пошли женщины и старики, но последнее время к ним присоединилась молодежь, включая бывших комсомольцев. Священники, окончившие семинарии перед первой Мировой войной и не служившие в качестве священников в советское время, возвращаются к священнослужению.

В сводке от 12 декабря 1941 г. приводятся результаты переписи населения Смоленска. При переписи был поставлен также вопрос о принадлежности к церкви. На этот вопрос были получены такие ответы:

Православных — 24.100

Католиков — 849

Лютеран — 259

Магометан — 24

Вне церкви — 201

Перепись показала, что из 150.000 довоенного населения Смоленска в городе осталось около 25.000, т. е. 1/6 часть, но среди оставшихся поражает невероятно низкий процент оказавшихся вне церкви. Объяснить этот факт только боязнью немцев невозможно. В 1937 г. в Советском Союзе была аннулирована перепись, включавшая аналогичный вопрос, потому что более 50% населения не побоялось показать свою верность религии. Одновременно в сводке отмечается рост религиозности в Вязьме. Далее сообщается, что приве-

денные выше статистические сведения послужили основанием для передачи православным одной из церквей города Смоленска, открытой католиками при помощи военного священника католика. Католикам было предоставлено другое помещение.

Более чем возможно, что передача церкви была также связана с известной уже нам боязнью оккупационных властей допустить слишком большое усиление католического влияния на оккупированной территории, связанного, по их мнению, с польским подпольным движением.

В вышеупомянутой сводке отмечается дальнейший рост количества православных приходов и открытия закрытых церквей, сопровождающийся энтузиазмом населения и проявлением благодарности немецкой армии (г. Вязьма). Автор сводки считает установленным, что православное духовенство, особенно пожилого возраста, относится с симпатией к оккупационным властям и выражает это в проповедях. Можно сказать, утверждает автор сводки, что православное духовенство может содействовать внутреннему умиротворению "русского пространства".

Как видим, формулировка и образ мышления автора сводки вполне нацистские, но факт возможности открытого проявления религиозности и восстановления Православной церкви, конечно, не мог расцениваться населением отрицательно.

Последний немецкий документ, упоминающий о положении религии в Белоруссии, это месячное донесение (за февраль 1944 г.) Главного командования центральной части фронта от 13 марта 1944 г. Вот что находим в этом документе:

"Церковные службы продолжают хорошо посещаться. В районе Четвертой армии за отчетный месяц

вновь открыты 4 церкви и молитвенных дома. В Бобруйске в этом году впервые на Крещение был крестный ход на Березине, в котором участвовало около 5.000 человек”.

Как видим, несмотря на рост партизанского движения и отступление немецкой армии, в некоторых местах население продолжало открыто проявлять религиозность.

Далее в сводке сообщается, что вблизи Лепеля найдена листовка, подписанная Митрополитом Московским и Коломенским, с обвинением немцев в разрушении церквей и преследовании духовенства.

Митрополит Московский и Коломенский — не кто иной, как Митрополит Николай (Ярушевич), после окончания войны главный представитель Московской Патриархии на всевозможных конференциях мира (умерший при невыясненных обстоятельствах после окончания религиозного НЭПа в СССР в 1961 г.). Уже в ноябре 1942 г. он был назначен указом Президиума Верховного Совета СССР членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков и их сообщников. Назначение Митрополита Николая было первым назначением представителя Православной Церкви в СССР на официальный правительственный пост. Советская пропаганда не только использовала Православную Церковь в своих целях, но и, со свойственной ей беззастенчивостью, относила на немецкий счет разрушение церквей, которым само занималось в течение двух десятков лет. Такие меры советского правительства, как листовки от лица православного митрополита, заставляли оккупационные власти еще внимательнее относиться к Православной Церкви — она становилась очень важным фактором в пропагандной борьбе с коммунистической властью.

Заключение

Подытоживая результаты религиозного подъема в Белоруссии, можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на менее точные цифры, имеющиеся у нас в отношении Белоруссии, по сравнению с цифрами, характеризующими религиозный подъем в районе Пскова, можно смело утверждать, что православные белорусы проявили такое же сильное стремление к восстановлению православия, как их псковские единоверцы.

Религиозные гонения советской власти сделали из Белоруссии к 1939 г. такую же религиозную пустыню, какой была Псковщина по первому впечатлению приехавших туда миссионеров. Восстановление приблизительно тридцати процентов дореволюционных храмов в Минской епархии в исключительно тяжелых условиях войны может рассматриваться таким же чудом, как открытие трехсот церквей в районе Пскова после того, как в этом районе оставалась одна или две не закрытых церкви.

Массовое крещение детей свидетельствует о том же. О том же свидетельствуют статистические данные о количестве верующих в Смоленске и Борисове.

2. В Белоруссии, как и в районе Пскова, при восстановлении церковной организации решающую роль сыграло эмигрантское духовенство, до 1939 г. не бывшее на советской территории. Правда, Митрополит Сергей (Воскресенский) в Прибалтике был советским подданным, но посланные им миссионеры вербовались из священников, до 1940 г. живших в Прибалтике. В Белоруссии все начало восстановления православной иерархии легло на плечи Митрополита Пантелеймона, до 1939 г. жившего в Польше.

3. В обоих случаях Православная Церковь сделала все, чтобы остаться традиционной Русской Православной Церковью. Особенно ярко это сказалось в Белоруссии, где с самого начала оккупационные власти разрешили восстанавливать Православную Церковь только как Автокефальную Белорусскую Церковь. В этом отношении выводы сводки СД ном. 6 от 5 июня 1942 г. о том, что православное духовенство переиграло оккупационные власти, и вместо белорусской создало русскую церковь, надо считать вполне реалистичными.

Поддержка епископатом после эвакуации в Германию Власовского движения, и особенно тот факт, что весь епископат Белорусской Православной Церкви влился в Синод Русской Православной Церкви Заграницей, только подчеркивает общерусскую ориентацию белорусского духовенства. О том же свидетельствует провал церковной политики кучки белорусских эмигрантов — шовинистов, привезенных оккупантами специально для создания антирусской Белоруссии.

(Продолжение следует)

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка : страны Бенелюкса 450 б. фр., Франция 60 фр. фр., Германия 40 марок, США и Канада 15 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

В. Orekhoff, 26 avenue Everard,

В 1190 Bruxelles (Belgique)

Протоиерей Д. Константинов

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ

Эпоха шестидесятих годов в трудах, посвященных положению религии в СССР, была охарактеризована, как время хрущевских гонений. Термин этот не вполне точен, но он прочно вошел в историю Русской Православной Церкви (РПЦ) в СССР.

Семидесятые годы принесли некоторое успокоение в отношении религии, но только в первой половине десятилетия. Ко второй половине семидесятих годов вновь стали концентрироваться и развиваться явления, составившие брежневские гонения на религию. Конец же семидесятих годов может быть охарактеризован, как обострение нового наступления, отражающееся на повседневной жизни верующих в СССР.

В первой половине семидесятих годов в отношении Церкви проводился курс умеренных гонений, в ослабленной форме, повторяющий то, что творилось в шестидесятих годах. К началу второй половины десятилетия власть, в лице своих соответствующих представителей, выработала специальную методику подавления религиозной жизни страны, и в частности РПЦ. Несомненно, эти новые методы выработывал Совет по делам религий при Совете министров СССР. Но выработывал не по собственной инициативе, а на основании соответствующих директив, спущенных сверху, вполне вероятно, что и от самого Брежнева. Разрабатывались своего рода "новые правила игры", в соответствии с общей ситуацией в стране и с оглядкой на международное положение. "Разрядка" давала в то время коммунистам так много, что едва ли стоило ставить её под

сомнение на Западе, да еще из-за такой "умирающей идеологии", как религия. Можно было рискнуть из-за Афганистана, но идти на риск из-за верующих или из-за каких-то "отщепенцев", явно не имело смысла. Поэтому религиозная политика менялась исподволь, осторожно, без шума, с пробными экспериментами, с отдельными вынужденными отступлениями, обходными маневрами, — но и с отчаянными лобовыми атаками, когда "культурные методы" давления оказывались тщетными.

Брежневские гонения в этом отношении значительно разнообразнее и по своим формам оригинальнее хрущевской атаки напролом. Они хитрее, подлее, трусливее и более осторожные, чем в шестидесятые годы. Они внешне более прилизаны у политических парикмахеров и их активные деятели работают даже иногда в белых перчатках. Фактический материал о брежневских гонениях скопился огромный. Его невозможно привести в одной статье. Можно только иллюстрировать те или иные положения, выдвигаемые нами, но не исчерпать тему.

Есть мнение: в семидесятых годах стали закрывать меньше церквей. Но, во-первых, в СССР нет неограниченного "запаса" открытых храмов, которые можно без конца закрывать и разрушать в массовом масштабе. А, во-вторых, методы закрытия храмов изменились и стали проводиться по другим правилам. Да, церквей стали закрывать меньше, но ведь их вообще осталось очень мало. К самому началу семидесятых годов их было не более 5000, а если с часовнями и молитвенными домами, то около 7000 так называемых "религиозных точек". В половине семидесятых годов все открытые еще храмы были разделены на три категории.

Первая категория — церкви постоянно "действующие", имеющие постоянный причт, регулярные богослужения, осуществляющие свои действия под контролем представителей Совета по делам религий. Выпуск новых священников из духовных учебных заведений регулируется потребностью в новых пастырях у приходов, относящихся к первой категории. Последнее подтверждается рядом советских документов, в частности, в преувеличенно на шумевшем докладе Фурова*.

Вторая категория — юридически открытые храмы, но не имеющие постоянного священника. Их обслуживают священники, приезжающие в эти приходы по принципу совместительства. Вызывается данное явление недостатком священников, являющимся тоже частью правительственного плана уничтожения религии. В них совершаются богослужения два-три раза в месяц. Храм берется властью на отметку, как "мало функционирующий".

Третья категория храмов — формально-открытые, но фактически закрытые, так как в них, за неимением священника, богослужения не совершаются или совершаются весьма редко, хотя двадцатка существует и договор с ней не расторгнут. Но они являются первыми кандидатами на закрытие.

Основная директива брежневского периода: церкви и прочие "молитвенные точки" закрывать постепенно, без шума и без огласки на Западе. Последнее условие наиболее важное. Директива эта выполнялась, но благодаря невежеству и непониманию провинциальных

*Вестник РХД, № 130, Париж, 1979. Доклад Фурова имеет двойное значение; желающие его понять до конца должны очень внимательно проанализировать статистические материалы, имеющиеся в нем.

исполнителей, далеко не всегда удачно. Но замысел власти в принципе был правильный: без шума легко закрыть храмы третьей и отчасти второй категории и почти невозможно "тихо" проделать такую же операцию с церквями первой категории.

Примеров осуществления этой директивы на практике весьма много. Можно привести несколько наиболее характерных. При этом одновременно должна была проводиться везде, где это было возможно, кампания по разложению двадцаток путем засылки в них своих людей. Расстройство деятельности двадцатки дает основание для закрытия прихода или перевода его в список "сомнительных", предназначенных для ликвидации. "Работа" с двадцатками должна была сочетаться с нарастающей волной нажима на верующих с целью устранения от церковной работы всех наиболее преданных вере людей. Комбинация в высшей степени сложная, в которой долгое время не могли разобраться интересующиеся этими проблемами, но получившая законченные и достаточно ясные формы ко второй половине семидесятых годов. Конец семидесятых годов — это период обострения положения на религиозном фронте, период финального ужесточения брежневских гонений на верующих и попытки радикально ликвидировать открытое религиозное диссидентство.

Весьма характерна история, происшедшая в деревне Зносычи Сарненского района, Ровенской области. Церковь в этом селе-деревне была построена еще в 1910 году и обслуживала верующих нескольких деревень. После хрущевских гонений она не была закрыта, но не имела священника и верующие собирались в ней на молитву без "служителя культа". Типичный храм третьей категории. В 1977 г., согласно имевшемуся плану закрытия "религиозных точек", очередь подошла

и к этому храму. Власти попытались "без шума" тракторами разрушить церковь ночью. Разрушить в некоторых случаях проще, чем закрыть. Треск тракторных двигателей разбудил население и верующие кинулись к церкви. Начался нежелательный шум, и власти отступили. Прихожане же установили возле церкви круглосуточное дежурство.

Через год попытка повторилась. Весной 1978 г. снова ночью приехала пожарная машина, храм облили горючей смесью и хотели поджечь. Снова вмешательство прихожан помешало этому "гениальному плану". Пожар церкви, вопреки имевшейся директиве, стал бы широко известен и "тихое" закрытие не получилось бы. Неудачи с уничтожением храма привели власти к другому решению. Решено было "неработающую" церковь превратить в колхозный склад. Церковь загрузили зерном. В ответ началась колхозная забастовка. Люди не вышли на работу. Зерно из церкви убрали и церковь опять отдали верующим.

Неудачи разъярили местные власти и они забыли думать о данных им директивах. На Пасху 1979 г. всех жителей Зносычи послали на работу в другую деревню. Детей заперли в школе. К зданию церкви подвели пять автобусов с милицией и два КРАЗа. Грузовики, зацепив церковь тросами, раскачали здание. Церковь была разрушена. Наутро разрушенную церковь сожгли.

На месте разрушенного и сожженного храма стали собираться верующие на молитву. Приходили люди со всей округи. Слух о сожженной церкви дошел до дальних деревень. Появились паломники, ночующие в домах жителей Зносычи. По приказу прокурора местные власти разгоняли молящихся, а въезд в Зносычи был запрещен. На дорогах были выставлены патрули, не пропускавшие в деревню пешеходов и

машины. Народ стал идти в Зносычи лесами.

Паломники украшали сосны вокруг снесенной церкви полотенцами и цветными лентами. По приказу властей сосны были вырублены. Люди стали украшать пни. Бульдозеры выкорчевали пни и засыпали ямы землей. Однако верующие продолжали собираться на месте разрушенной церкви.

Случай в Зносычах попал на Запад через самиздат и был опубликован также в "Хронике текущих событий" (№ 54). Некоторые зарубежные органы печати тоже кратко сообщили о нем, но выводы из него никто пока не сделал. А случай несомненно интересный. Он интересен по следующим причинам: 1) разрушение или окончательное закрытие храма третьей категории было плановым и директивным; 2) намечено оно было на 1977 год, но не удалось, равно как не удалась и попытка ликвидировать храм в 1978 г.; 3) единственной причиной неудачи власти явилось народное сопротивление, перед которым власть вынуждена была дважды отступить; 4) настойчивые директивы Совета по делам религий о необходимости выполнить "план" привели к третьей отчаянной попытке местных властей закрыть церковь при участии прокурора. Последняя попытка удалась, но из "тихого" закрытия превратилась в шумный скандал, о котором узнали на Западе.

Мы считаем классическим примером "тихого" и "спокойного" закрытия храма в плане брежневских директив историю Свято-Успенской Церкви села Истомино Калужской области. Задача, поставленная перед местной властью, заключалась в следующем. Действующую Свято-Успенскую Церковь постепенно перевести во вторую категорию, разложить двадцатку и "тихо" закрыть. Случай этот был передан на Запад о. Глебом Якуниным в числе материалов его Комитета

защиты прав верующих. Перед нами заявление двадцатки и прихожан Свято-Успенской Церкви села Истомино, адресованное председателю Совета по делам религий В. Куроедову. Двадцатку разложить не удалось и она выступает монолитно, вместе с активом прихожан, протестуя против бесшумного фактического закрытия храма. Село Истомино находится недалеко от г. Тарусы, т. к. ряд активных и достаточно бесстрашных прихожан проживает именно в этом городе.

Сущность дела заключается в следующем. В своем заявлении на имя Куроедова верующие отмечают, что с 1974 года церковь фактически перестала "действовать". Причиной этого явился перевод священника Св. Успенского храма в г. Киров. Присланный местным преосвященным новый священник внезапно заболел и, не отслужив ни одной службы, слег в больницу и на приход не вернулся. Обстоятельства несколько странные, если учесть происшедшее после этого.

Верующие снова обратились к местному преосвященному с просьбой о назначении священника. На эту просьбу архиепископ Донат заявил, что он без разрешения областного уполномоченного Совета по делам религий назначить священника не может. Верующие обратились к областному уполномоченному и получили ответ: священника назначает местный архиерей. В результате ссылок друг на друга местный преосвященный и уполномоченный поставили храм в селе Истомино под угрозу закрытия. А храм — единственный в радиусе 80 километров. Храм, оставшись без священника, может быть через некоторое время снят властью с регистрации и фактически закрыт.

Данная ситуация в семидесятых годах не является чем-то необычным. Игра идет весьма серьезная. И хотя официально власть "не вмешивается" во внутреннюю

жизнь Церкви, тем не менее назначение епископом священника на тот или иной приход фактически решается уполномоченным. Без его санкции священник не получит т. н. регистрацию и не будет допущен на приход. Отлично понимая все это и не желая дискредитировать свои церковные решения со стороны уполномоченного, архиепископ с достаточной долей мудрости отослал верующих к уполномоченному. Уполномоченный, имея "разрядку" на плановое закрытие Успенской церкви, конечно, не утвердит назначение нового священника. Но во избежание какого-либо обвинения со стороны верующих в нарушении им советских законов и вмешательстве во внутренние церковные дела, он формально отделяется в общем правильной формулировкой о необходимости назначения священника местным архиереем. Начинается игра в порочный круг. Архиерей ссылается на уполномоченного, уполномоченный на архиерея.

Кто прав? Несомненно неправ уполномоченный, прикрываясь формальной мотивировкой о праве представителя РПЦ назначать священника. Мотивировка формально правильная, но при данной обстановке издевательская и лукавая. Архиепископ долго выжидал какого-то нужного ему момента и все-таки назначил священника. Уполномоченный был достаточно умен, чтобы не отказать ему. Но он неожиданно задержал выдачу регистрации священнику по совершенно особой причине. Он заявил о необходимости предварительно переизбрать двадчатку. Мотивировка этого требования такова: двадчатка плохо справлялась со своей работой. Уполномоченный Рябов начинает новое дело с переизбранием двадчатки, хотя в сущности это не является его компетенцией.

В связи с этим верующие обратились на этот раз к

районному уполномоченному Долгачевой с просьбой провести собрание на предмет переизбрания двадцатки. Обращались несколько раз, но на все просьбы она отвечала молчанием и потребовала отдать ей ключи от храма. Смысл происходившего становится кристально-ясным. Долгачева выступает в роли местного стрелочника, которому технически поручено тихо закрыть приход в селе Истомино и на которого посыплются все шишки в случае какой-либо осечки. Осечка уже имела, т. к. приход и непереизбранная двадцатка продолжали отстаивать храм и заодно отправили изложение всей этой истории в Комитет о. Глеба Якунина. Одновременно верующие пишут заявления в различные инстанции, но безуспешно, доходят до Косыгина и, в конце концов, получают бюрократический ответ, в котором истоминский приход называется "распавшимся религиозным обществом". Дальнейшие комментарии по этому делу едва ли нужны.

Закрывая постепенно храмы второй и третьей категории, нынешняя власть одновременно категорически не допускает восстановления и открытия храмов четвертой категории, ранее закрытых, но не уничтоженных. Характерным примером может в данном случае послужить случай в селе Балашовка Березневского района Ровенской области. В селе имеется закрытая церковь. Около восьми лет подряд православные всего района добиваются регистрации своей религиозной общины и открытия церкви в селе Балашовка. Однако они неизменно получают отказ, мотивируемый следующим: просьба верующих не может быть удовлетворена, т. к. двадцатка, ранее существовавшая, распалась, а здание церкви находится в аварийном состоянии. Ответ вполне "мирный", но нелепый, соответствующий нынешним директивам на

религиозном фронте. Двадцатка может быть и даже должна быть выбрана новая, церковь можно отремонтировать, а кроме того, согласно законодательству о культурах верующие могут совершать богослужения в любом другом здании, предоставленном им с этой целью, или даже в частном доме.

В городе Речица Гомельской области православная община с разрешения властей произвела ремонт храма. Вскоре после окончания ремонта, осенью 1979 г., здание было опечатано пожарным надзором, якобы по причине грубых нарушений правил пожарной безопасности. Верующие обратились к местным властям, но безрезультатно. У храма дежурила милиция. Сущность дела: насильственный перевод храма из первой во вторую или в третью категорию с дальнейшим использованием его по собственному усмотрению.

Закрывая и жонглируя еще открытыми храмами власть не оставляет в покое и верующих. Практика преследований верующих шестидесятых годов, несколько приглушенная и сокращенная в первой половине семидесятых годов, снова стала расцветать пышным и зловредным цветом. До относительно недавнего времени власти особенно не мешали верующим собираться на молитву в тех или иных местах, почитаемых ими как святые. Указанное относилось и к источникам с целебной водой. В последние два года милиция приступила к активному разгону верующих, собирающихся у источников. Такой источник имеется, например, в селе Великорецком Кировской области. Милиция запрещает верующим совершать у источника молебны, загоняет людей в машины и насильно отвозит их на весьма значительное расстояние от источника. При подобного рода акциях имели место инциденты,

закончившиеся смертельными случаями.

8-го июня 1980 г. в село Великорецкое пришло около тысячи человек. К источнику их не допустили. У реки Великой поставили милицейские заставы. Милиционеры были привезены из ближайших городов — Юрья, Халтурина, Кирова, Слободского. Берег реки заградили цепью милицейских машин и тракторов. В реку неподалеку от источника опустили мотор, взбаламучивающий воду. Милиционеры были все в нетрезвом состоянии, накидывались на паломников и избивали их. Началась стрельба, правда, холостыми патронами. Через репродукторы верующим предлагалось разойтись, так как подобные "сборища" запрещаются законом. Многих забирали и увозили в ближайший город. Милиционеры несколько дней оставались в селе Великорецком. Они перекрыли подступы к мосту, ведущему в село Чудиново, где имеется еще открытая церковь.

В городе Кирове в начале крестного хода, когда верующие переходили по мосту через реку Вятку, милиция возвращала их назад, обыскивала, угрожала физической расправой.

В Дивееве за паломниками установлена постоянная слежка. Сотрудники милиции дежурят у канавки, выкопанной когда-то преподобным Серафимом Саровским. Верующие часто приходят к канавке помолиться. Милиция теперь не допускает подобных "вольностей" и часто задерживает богомольцев. Их отводят в местное отделение милиции, переписывают имена и фамилии, снимают как с преступников отпечатки пальцев, изошряются в угрозах и предупреждают, что скоро будут "давить всех верующих". Давить, конечно, они вряд ли будут, но составлять списки верующих, как неблагонадежных элементов, особенно на случай

войны, они очевидно все же будут. Подобные "колоритные картинки" мы довольно давно не видели. Они в некоторых отношениях превосходят гонения шестидесятых годов, когда творились вопиющие безобразия.

Мрачная картина полицейского произвола царит и в многострадальной Почаевской лавре. С давних пор Дивеево и Почаевская лавра были объектом постоянных нападков полицейских властей. О том, что творилось в лавре, собралась за последнее десятилетие солидная литература. Сейчас в Почаевской лавре снова начались преследования паломников, затихшие в начале семидесятых годов. В самой лавре паломникам разрешается оставаться не более трех дней. Для духовенства дается льготный срок — пять дней. Милиция буквально не выходит из лавры, проверяя документы у посетителей, отбирает часто паспорта и требует немедленного выезда из города. 20 августа, после окончания поздней литургии, во двор лавры влетела милицейская машина. Выскочившие из нее милиционеры стали хватать людей на территории монастыря и насильно сажать их в машины. Многих увезли, часть разогнали, кое-кто успел спрятаться. Попадают в облавы даже туристы, не имеющие к лавре никакого отношения. Ни одна церковная служба не проходит спокойно. Все ждут очередной милицейской облавы на "незаконно находящихся на территории лавры". Милиция вмешивается и во внутренние дела монастыря, контролирует и проверяет действия наместника и одновременно сквозь пальцы смотрит на всякого рода хулиганские выходки со стороны атеистически настроенных элементов.

Как сообщила в свое время "Хроника текущих событий" (№ 57), духовный совет Почаевской лавры еще весной 1979 г. направил в церковные и государственные инстанции обращения, в которых содер-

жалась просьбы о возвращении лавре сада и гостиниц, а также о разрешении прописывать в лавру послушников. Результаты обращения оказались весьма "своеобразными", В Почаевскую лавру приезжали всякого рода комиссии. Их приезд отрицательно отразился на верующих: богомольцам запрещается теперь ночевать в лавре, а послушники были немедленно выселены из монастыря.

Брежневские гонения постепенно и последовательно ужесточаются в отношении верующих всех конфессий и религий. Начинаются увольнения с работы по религиозному признаку. Филолог В. Улитин работал инструктором по фольклору в доме народного творчества во Владимире. В октябре 1979 г. он не вышел на один из субботников. Кто-то видел его в этот день идущим в Успенский собор. Улитин был вызван на беседу с директором, который предложил ему уволиться, т. к. религиозное мировоззрение не соответствует пропагандистским принципам этого учреждения.

Студентка Л. Олейник исключена с третьего курса медучилища г. Шахты Ростовской области, за то, что в представленном ею реферате по курсу атеизма она "обнаружила свои религиозные воззрения".

Анатолий Домница из молдавского села Болонтировка, отбывающий воинскую повинность в Москве, за проявленную религиозность был помещен в психиатрическую больницу им. Яковенко Московской области.

В городе Горловка Донецкой области был арестован верующий Н. Кинаш по обвинению в "тунеядстве". Ему 33 года и у него уже 15-летний рабочий стаж. В связи со своей религиозностью он не мог устроиться на работу в продолжение восьми месяцев. По этим же причинам Кинаш за последние два года

вынужден был поменять четыре места работы. Он пытался переехать на постоянное жительство в Хабаровскую область, но узнав, что Кинаш верующий, власти отказали ему в прописке. Впоследствии он был арестован в связи со своим заявлением о разрешении ему и его семье выехать из СССР.

За последние годы значительно возросло число случаев преследования с физическим насилием над верующими. Особенно это стало "модным" в школах и в других учебных заведениях. С. Гура учился в Новокаховском техникуме. Классный руководитель и директор всячески его отговаривали настаивать на своих религиозных убеждениях. Твердость Гуры привела к конфронтации с другими студентами. За отказ вступить в комсомол его избили его соученики. Староста группы Смирнов, организовавший избиение, сказал: "Неужели ты думаешь, что я не могу бить, ведь недаром я учился два года в армии". Классный руководитель Тищенко перерыла все личные вещи Гуры, жившего в общежитии техникума, и забрала книги религиозного содержания. Гуру обвинили в пропаганде религии и в конце концов исключили из техникума. В одной из школ гор. Ровно были избиты трое детей Фальдштейн за то, что отказались вступить в отряд октябрят.

Н. Кравченко был уволен из армии из-за перелома нижней челюсти и ущемления лицевого нерва. Травма была получена в результате избиения Кравченко сослуживцами. Причина избиения — Кравченко был верующий военнослужащий. Это не допускается.

Еще относительно недавно многие носили нательные кресты, не скрывая этого и ссылаясь на "моду". Власть хотя и относилась к подобного рода фактам отрицательно, но до поры до времени терпела этот

"непорядок". К концу семидесятых годов положение изменилось. Сейчас в советских изданиях, затрагивающих вопросы религии, начался поход против "крестоносцев". Примирительно-снисходительное отношение к подобного рода фактам "крестоношения", формально оправдываемым "модой" (а откуда такая мода взялась?) отошло в прошлое. Свирепая непримиримость характеризует нынешнее отношение к "крестоносцам". Сейчас появление нательного креста — причина для начала преследований и обвинений в своего рода "религиозной неблагонадежности".

Возрастает количество неожиданных и незаконных обысков у более или менее активно верующих людей. Один из лейтмотивов обысков — выяснение, откуда, куда и по каким каналам идут на Запад сообщения о положении верующих в СССР. В первую очередь ищут религиозную литературу и всякого рода "пропагандистские материалы". Обвинения в распространении миссионерской литературы постоянны. Иногда они в какой-то степени обоснованы, так как миссионерская деятельность в СССР продолжается, несмотря на репрессии, иногда же буквально высасываются из пальца. Достаточно обнаружить у того или иного верующего книгу религиозного содержания, даже изданную официально в СССР (такие имеются в незначительном количестве), чтобы "припаять" человеку обвинение в недозволенной "религиозной пропаганде".

Власть придирается буквально ко всему, чему возможно. В селе Балашовка (1978 г.) были оштрафованы две женщины — Мария Прокопчук, Ганна Прокопчук и Адам Иванов. Штраф, по десять рублей с каждого, был наложен за "недозволенную уборку" православного храма. Верующие написали жалобу председателю Совета по делам религий. Но Совет на такие безобра-

зия не реагирует, показывая всему миру свое антинародное лицо.

Судебные процессы по поводу нарушения верующими "знаменитого" законодательства о культах стали едва ли не ежедневной рутинной. Разгоны молитвенных собраний, свадеб, главным образом у сектантов, вмешательство в похороны с участием "служителей культа", штрафы и аресты, никого сейчас больше не удивляют. 5 августа 1979 г. было разогнано собрание верующих в г. Дедовске (Московская область). Руководил разгоном секретарь Дедовского райисполкома. Его сопровождали милиция и дружинники; многие из них были пьяны. Верующим выкручивали руки, загоняли в автобус и отвезли в отделение милиции. Один был оштрафован на тридцать рублей.

15 июля 1979 г. в деревне Евсеево Московской области милиция и лица в штатском пытались разогнать свадьбу пятидесятника Разумовского. В доме, где происходила свадьба, была отключена электроэнергия, а когда срочно подвели электричество из соседнего дома, то отключили энергию во всем селе. Несмотря на это, свадьба все-таки состоялась.

Если практика закрытия и разрушения православных храмов остается несколько приглушенной и завуалированной, то в отношении сектантов власть разошлась в последнее время во всю. Объясняется последнее не каким-то особым отношением к протестантскому сектору российской религиозной жизни, сколько тем, что в недрах многочисленных сект и отколовшихся от них ячеек имеются группы, особо активно противостоящие религиозной политике власти. Достаточно напомнить о т. н. инициативниках, продолжающих сопротивляться и отказываться от регистрации своих общин. Вследствие такого положения

политика власти значительно ужесточилась по отношению к российскому протестантству и поэтому часто бьет мимо цели, не разбираясь в отдельных проявлениях религиозной жизни сектантства. И хотя мы пишем о гонениях на РПЦ, но попутно затрагиваем и гонения на протестантов.

В различных городах страны стали разрушать и конфисковывать молитвенные дома различной конфессиональной принадлежности, построенные на средства верующих. Во Владивостоке был разрушен бульдозером дом Тереховой, в котором верующие собирались на молитву. Верующие стали собираться под открытым небом. В Джамбуле дом, в котором происходили молитвенные собрания, предназначен к конфискации. В Перми недавно конфискован дом, по причине совершения в нем богослужений. Хозяева дома — глубокие старики — выселены. В городе Никольском Джезказганской области разрушен молитвенный дом; перед этим из него насильно удалены были верующие. Молитвенный дом был разрушен привезенной для этой цели группой молодежи, орудовавшей топорами. Лиц, пытавшихся сфотографировать происходящее, избивали и арестовывали.

В конце 1979 года в Черновцах разрушили так называемую палатку для богослужений зарегистрированной общины ЕХБ. Палатка была построена членами общины, радиофицирована и электрифицирована. Все было уничтожено. В августе 1979 г. в Рязани состоялся процесс над С. Рединым. Его обвинили в самовольном строительстве жилого здания. Дом был конфискован. Дело здесь конечно не в строительстве жилого дома, а в совершении богослужений в этом доме. В городе Тернополь, во время молитвенного собрания в доме Я. Сокола, ввалился участковый Купчак, с

дружинниками. Во время инцидента вошедшие умудрились сорвать входные двери с петель.

Брежневские гонения на Церковь идут по всей стране, захватывая попутно и территории советских сателлитов, пока за исключением Польши, сумевшей отстоять свою религиозную независимость. Политика власти в отношении Церкви извилиста и многообразна. Ее внешняя псевдо-"тихость" и стремление избежать "шума" вокруг тех или иных антицерковных акций были связаны не только с разрядкой и с западным общественным мнением, но и еще с одним фактором, который недооценивался советологами. Военная экономика Советского Союза, направленная на новые захваты, осуществляемые в тех или иных формах, в конечном итоге все же ориентирована на войну. Но власть не забыла того, что случилось во время второй мировой войны. Поэтому она пробует совместить несовместимое. Прижать и снизить влияние РПЦ и всех других исповеданий и одновременно не доводить отношения с верующей частью населения до тех пределов, которые имели место перед началом второй мировой войны. Задача понятная, но абсолютно нереальная. Здесь власть терпит полное поражение и главным образом по вине тупых и невежественных исполнителей ее директив. Приведенные в этой статье примеры свидетельствуют о разгуле гонений главным образом в провинции. В больших городах, а особенно в таких, как Москва или Ленинград, антирелигиозных бесчинств почти нет. Все делается в "белых перчатках", под надзором соответствующих "руководителей", более тонко выполняющих директивы, идущие сверху. Другое дело провинция. Там местные держиморды, толком не понимая, чего от них хотят, расходятся во всю без оглядки на послед-

ствия. Виноваты в этом и вышестоящие инстанции, требующие выполнения "плана" и спущенных сверху цифр по удушению религиозной жизни страны.

Власть не учла по своей самодовольной беспечности и фактор религиозного движения сопротивления, который продолжает работать совсем не в пользу власти. Вопрос о появлении катакомбной церкви, на этот раз в совершенно новых условиях, выдвигается на повестку церковного дня в СССР, не говоря уже об открытом сопротивлении власти в пределах существующего пресловутого законодательства о культах.

Любопытно, что выводы, к которым приходим мы в отношении брежневских религиозных гонений, повторяют и некоторые западные советологи. Так, например, Оливье Клеман, известный французский историк и богослов, пришедший к Православию, знающий положение дел на религиозном фронте в СССР, дает следующую характеристику нынешней ситуации:

"Многочисленные петиции верующих, добивающихся открытия недействующих или новых церквей, систематически остаются безответными. На огромных просторах страны, в новых промышленных центрах, на северо-востоке Сибири, насчитывается лишь несколько десятков церквей — и ни одной в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, на Камчатке и на Сахалине. Таким образом, все возрастают территории, где огромные массы населения духовно обездолены, а Церковь лишена возможности осуществлять свою миссионерскую деятельность. Однако, все это прodelывается "тактично", во избежание часто трудно контролируемых баптистских или пятидесятнических общин, или же развития подпольной церкви, некоторые зачатки которой уже существуют..." (Русская Мысль, Париж, 26 февраля 1981).

Власть, развивая свой "крестовый поход" на религиозную жизнь страны под эгидой "второго Ильича", попыталась разгромить религиозное дисси-

дентство. Удалось ей это только частично. Но несомненно, что представители религиозного сопротивления ушли в подполье и по имеющимся сведениям продолжают свою деятельность, только в несколько иных формах. На религиозном фронте идут ожесточенные бои. Пока нет оснований утверждать, что власти удастся выиграть их.

Примечание

Пресловутая сталинская, а затем и наследников индустриализация, постоянно требующая от закрепощенного подсоветского народа огромного напряжения и жертв, позволяет коммунистическим диктаторам закабалить и другие народы, по всему свету. Плоды индустриализации служат диктатуре и для таких позорных дел, как разрушение бульдозерами, тракторами и тяжелыми грузовиками церквей и молитвенных домов, что теперь постеснялись бы делать даже недавно дикие папуасы или гвинейцы. — "цивилизация" коммунистов может слуг коммунизма на такие "славные дела" только поощрять, с чем их и поздравляем (Ред.).

Еженедельная газета

"ЕДИНЕНИЕ"

орган русской эмиграции в Австралии.

Выходит с декабря 1950 г.

Цена одного № (12 страниц) — .50 центов (австр.).

Пересылка за границу — дополнит. по почт. тарифу.

Типография принимает заказы на печ. работы

Адрес: UNIFICATION NEWSPAPER

28 Regent St.

Chippendale, NSW 2008, Australia

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ**

**Копия: Пимену, Патриарху Московскому и всея Руси
Филарету, Митрополиту Киевскому и
Галицкому,
Патриаршему экзарху всея Украины.**

Бог, создав человека, наделил его разумом, свободной волей и бессмертием. Хотя некоторые люди и оспаривают существование Бога, но все они в общем и целом согласны с тем, что человек обладает разумом, внутренней свободой и бессмертием, если и не личным, то по крайней мере — генетическим.

Эти три вышепоименованные фактора делают человека личностью и ставят его над животным миром. Грешит поэтому каждый как против полноты человеческой природы, так и против её Творца, кто запрещает человеку свободно мыслить, действовать и верить в свое личное бессмертие.

*

В нашем Отечестве, которое по праву считается самым демократическим в мире, были учтены насущные запросы человеческого духа, и поэтому его граждане получили все необходимые свободы, в том числе и религиозные.

Ныне действующая Советская Конституция в 52 статье об этом говорит: "Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы, или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и нена-

Это письмо из России прислано нам для печати Комитетом защиты гонимых православных христиан, из Вашингтона (Ред.).

висти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от Государства и школа от Церкви”.

Церковь, религия таким образом вышли из-под государственной опеки и стали частным делом. В одном из своих выступлений Ленин говорил: “Религия должна быть объявлена частным делом... Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью...”

Само собой понятно, никакое государство, в том числе и Советское, не потерпит внутри себя каких-либо сходов, собраний обществ, союзов, цель и намерения которых ему не известны.

В этой связи с отделением Церкви от Государства 23 января 1918 года в нашей отечественной должностной номенклатуре появилось новое лицо, ныне именуемое Уполномоченным Совета при Совете Министров СССР по делам религии, на которое была возложена ответственность и благородная миссия — всегда быть справедливым и беспристрастным посредником между верующими и неверующими: ему вменялось в священную обязанность следить за точным исполнением обеими сторонами Советского законодательства о религиозных культах, чтобы в силу этого те чувствовали себя равноправными членами единой советской семьи и свободными гражданами своей великой Родины. За недостатком данных не могу судить о деятельности уполномоченных по делам религии до 1940 года. Да и нет особой нужды в этом кратком письме ворошить дела давно минувших дней. Что же касается послевоенного времени, то можно с удовлетворением констатировать что они, как правило, стояли на страже советской законности, оставаясь при этом лояльными по отношению к Церкви.

С 1958 по 1964 год, в хрущевский период, эта гармония, к великому огорчению верующих, была нарушена.

Уполномоченные тогда, сойдя со своих нейтральных позиций, предусматриваемых советским законодательством, открыто стали во главе самых рьяных атеистов, стремя-

щихся правдами и неправдами стереть с лица земли не только религию, но и все, что было связано с ней.

В основном, по их вине и разрушались храмы, было уничтожено немало памятников старины и многие из духовных лиц, будучи через прессу опозоренными, лишились прав на служение.

Чтобы иметь представление о размахе атеистического разгула назову лишь один факт: до 1960 года Полтавская епархия насчитывала 340 храмов, а в 1964 году их осталось только 52.

С уходом Н. С. Хрущева со своего поста первого секретаря ЦК партии, церковные дела несколько улучшились. Но не надолго. Ибо цель уполномоченных, как представителей безбожия, осталась фактически та же, но к ней начали пробираться более деликатным путем. Говорю: более деликатным в сравнении с прошлыми годами, но в сущности далеко не деликатными.

Хотя В. И. Ленин и предупреждал, что не следует на религию делать "кавалерийских наскоков", но эти "наскоки" не столь уж редкое явление в наши дни.

На I Всероссийском съезде 19.XI.1918 года Владимир Ильич говорил, что бороться с религией "надо чрезвычайно осторожно, много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу: такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении".

По моему мнению, тот добрый и мудрый совет вождя Революции в наше время уполномоченными начисто забыт. Они, или многие из них, бездумно вносят "остроту в борьбу" и без всякой оглядки озлобляют людей не только верующих, ибо жестокость никому не мила и несимпатична.

Чтобы не быть голословным, я прибегну к фактам.

*

* *

Глобинский район Полтавской области, насчитывающий

26 сельсоветов, имеет всего лишь один маленький, глинобитный молитвенный дом, арендуемый церковной общиной у гражданки Бодаковой Е. А., полезная площадь которого составляет 33 квадратных метра, причем 12 из них приходится на алтарь, для молящихся же остается всего лишь 22 квадратных метра.

Ввиду его ветхости и рыхлости стен, верующие решили вышеупомянутое здание обложить кирпичем. Работа, как видим, самая необходимая и без претензий на роскошь, но для её осуществления нужно было получить разрешение от местных властей.

Многие мучительные месяцы церковная община мытарствовала по разным инстанциям, вплоть до Москвы, пока получила нужное (на словах) разрешение.

Когда же верующие приступили к работе и было обложено две стены, случилось самое неожиданное. Далее цитирую отрывок из жалобы, направленной глобинскими верующими к разным компетентным органам власти. Здесь говорится: "Вдруг в полночь с 30 на 31 июля 1971 года явился председатель сельсовета Кириленко С. А. в сопровождении милиционера и 20-ти комсомольцев, со специально сделанными ломami в колхозной кузне. Сам Кириленко С. А. постучал к домохозяйке в окно, разбудил её, сказав кто он (хозяйка его узнала) и добавил: "Ты не волнуйся и спи спокойно, а мы будем делать свое дело". И началось содрогание дома от сильных ударов...

Домохозяйка от ужаса открыла дверь, хотела выскочить из дома, как в дверях схватил её за руки милиционер и приказал не сметь кричать и вести себя смирно. На вопрос хозяйки почему этот погром проводят ночью, а не днем, ответил: "Ночью никто из людей не увидит", а её "задерживают, чтобы она не начала кричать на улице и не узнала тех, кто участвует в этом деле".

Название такой "операции" — средневековый татарский набег в конце 20-го века.

20 комсомольцев под руководством члена компартии, председателя сельсовета Кириленко С. А. произвели крепкий

погром...

Были полностью разрушены обе законно построенные кирпичные стены, а в самом глинобитном здании было сделано несколько дыр.

Помню на следующий день утром, после вышеописанных ночных событий, в моем кабинете сидели члены глобинской религиозной общины, пожилые мужчины, бывалые фронтовики, и плакали навзрыд.

Я чем мог помог им. С неимоверно большими трудностями все же удалось обложить кирпичем молитвенный дом. Для окончательного ремонта осталось немного: снять с дома соломенную давно сгнившую крышу и покрыть его тут же лежавшим шифером. Казалось, что благоразумие вот-вот восторжествует. Но не тут-то было! В этой же жалобе далее говорится: "В результате всех людских мытарств, вернувшись из отпуска Кириленко распорядился РСУ забрать обратно весь выданный строительный материал на капитальный ремонт дома Бодаковой Е. А. и вернуть домохозяйке внесенные деньги. 16 августа во время отсутствия домохозяйки (была в колхозе на работе), РСУ вывезло с её двора 58 листов шифера предназначенных на покрытие дома".

Ремонтные работы опять прекратились. И только в конце 1973 года, перед самой зимой, верующим удалось покрыть молитвенный дом старым кровельным железом, купленным где-то на стороне.

Из вышесказанного видно, что даже самая малая, можно сказать, ничтожная работа по ремонту самой обыкновенной сельской хатенки, в которой разместился молитвенный дом, требует от верующих громадных усилий, чтоб преодолеть все те препятствия и рогатки, которые им иногда ставят местные представители власти.

Глобинской религиозной общине пришлось три долгих и мучительных года делать то, что при нормальных обстоятельствах можно было осуществить за три дня.

Я часто спрашиваю себя "Зачем это? Для чего? Кому это выгодно?"

Но, может быть, это какое-то недоразумение, досадная

ошибка, случайность? Никак нет! В некоторых местах, к нашему прискорбию, это стало нормой атеистической пропаганды — это наша повседневная жизнь! Чтобы мои утверждения не казались беспочвенными, я приведу еще несколько фактов подобного рода.

*

В Страстную Среду, 30 апреля 1975 года, вызвал меня к себе Полтавский Уполномоченный Нечитайло И. Я. Разговор шел о Белоцерковском молитвенном доме Великобагачанского района Полтавской области. Здесь ситуация сложилась во всем подобная Глобинской.

Ввиду ветхости молитвенного домика (называю его домиком, ибо он этого заслуживает, так как был переоборудован из церковной сторожки), верующие пожелали обложить его кирпичем, а также подремонтировать крышу, протекавшую уже во многих местах. В этой связи они многократно обращались к Уполномоченному, как и к местным гражданским властям, прося у них разрешения на ремонт упомянутого здания.

Разрешение такое было получено в устной форме. Когда же церковная община заготовила нужные строительные материалы, частично сняла крышу и приступила к работе, местная власть отказалась от своего устного разрешения на ремонт и верующих обвинили в незаконном строительстве. Поездки верующих в Киев и приезд оттуда компетентных представителей власти ни к чему не привели: ремонт крыши был категорически запрещен.

Через неделю должна была быть Пасха — великий христианский праздник. Пошли проливные весенние дожди. Глинобитное здание набухло и грозило обвалом. Чтобы выйти из создавшегося положения, верующие решили хотя бы временно и кое-как прикрыть его шифером. Но власть имущие усмотрели в этом бунт, грозя всем и каждому в отдельности прещениями. Не обошли и меня. Уполномоченный Нечитайло упомянутого числа обвинил меня в подстрекательстве, говоря, что я научил верующих ремонтировать

крышу на молитвенном доме. "Вы вызвали возмущение накануне 1 Мая среди неверующей части населения", — заявил он мне. Я ему ответил, что когда безбожники ремонтируют крыши на клубах и театрах, верующие нисколько этим не возмущаются, а наоборот, радуются. Почему бы и атеистам не поступить таким же образом? Однако Нечитайло не согласился с моими доводами и грозил мне дело передать в прокуратуру.

А за что? За то, что верующая община хотела исправить крышу на своем молитвенном доме, дабы во время ненастной погоды не капало им на головы? Но ведь и коровники же в таком случае ремонтируются. Неужели у Нечитайло верующие люди на худшем счету, чем колхозный скот?

Вернемся к Белоцерковскому молитвенному дому. Минуло несколько дней и уполномоченный заявил, что молитвенного дома не стоит ремонтировать, так как там через пяток лет намечается реконструкция поселка, и он будет мешать. Я ответил, что пять лет — слишком большой срок, чтобы беспокоиться. К тому времени планы могут перемениться. Прошло еще несколько дней и уполномоченный заявил, что реконструкция может быть через три года. Я сказал, что нет причины для беспокойства и в этом случае. Спустя некоторое время он сказал, что реконструкция уже началась...

В этой якобы связи местная власть при активной поддержке и с согласия Уполномоченного в категорической форме запретила верующим производить дальнейший ремонт крыши и за непослушание грозились трактором разрушить молитвенный дом. Церковной общине предлагалось найти себе здание для молитвенных собраний в каком-либо другом месте.

Это была непосильная задача, но и с этим было улажено. Община купила себе небольшой дом и начала приспособлять его к своим духовным целям. Прежде всего нужно было снять низкий потолок, оставив лишь стропила, дабы тем самым несколько сот молящихся в этом тесном помещении обеспечить воздухом. И хотя от такого изменения здание нисколько

не увеличивалось и не меняло своей внешней формы, все же гражданские власти запретили это делать. Довелось довольно долго объяснять Уполномоченному, что верующие, снимая потолок внутри здания, никаких советских законов своими действиями не нарушают. Вопрос идет всего лишь о воздухе. Неужели мы людям, советским труженикам его пожалеем? И это было, наконец, улажено.

Возле старого молитвенного дома было шесть соток двора. Когда община перешла на новое место, ей отвели две сотки. При такой ситуации верующим просто негде было ни стать, ни сесть, особенно же в большие праздники при огромном стечении народа. А уборную пришлось бы ставить тут же под самым церковным порогом. Довелось по этому поводу вести довольно длинные переговоры, чтоб хотя бы немного увеличить площадь церковного двора. В конце концов всё было позади: в сентябре в Белоцерковском молитвенном доме состоялось первое богослужение. Осталось только привести в порядок церковную сторожку, ободранную, крытую старым камышом и поэтому портившую вид на церковном дворе.

Но уполномоченный решительно воспротивился этому: "Никаких ремонтов!" - заявил он верующим, а затем и мне, когда я поддержал их ходатайство.

Как известно, на Украине храмы, в большинстве своем, не отапливаются, отчего суровыми зимами в них бывает довольно-таки холодно. Иногда при храмах по этой причине имеются небольшие сторожки, где священник может переодеться, погреться и где также совершаются крещения.

Получив отказ на ремонт сторожки, верующие просили местные власти разрешить им, по меньшей мере, поставить там печку для её обогрева, но им и в этом немногим было отказано. Все же после долгих, почти двухлетних упрасиваний в текущем году, зимой, когда морозы достигали до 20 градусов, их просьба была удовлетворена. Печку поставили, и мне об этом с торжественным видом и радостью сообщил местный священник. Признаться, радовался и я с ним: как-никак, печку поставили! Пусть и самую обыкновенную, кирпичную. Но это тоже победа! Быть может, где-то в другом

месте кому-либо и собор легче построить, чем нам эту печку.

Вам, многоуважаемый Леонид Ильич, все это может показаться диким и невероятным. Но это, к сожалению, всё так. Я говорю правду, и только правду. Есть у нас горе-атеисты, вдохновляемые Уполномоченными, которые, прикрываясь советскими законами, пробуют свои силы на нервах своих верующих собратьев.

Уже третий год пошел, как Белоцерковская религиозная община возбудила ходатайство о ремонте сторожки возле их молитвенного дома. Просят очень немного: вместо гнилого камыша покрыть её более современным материалом. Уже и кровельное железо припасено, но приступить к работе нельзя! "Закон не велит!" — так объясняет Полтавский Уполномоченный по делам религии.

Это не закон, а самое вопиющее беззаконие! Указ Президиума Вкрховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 года гласит, что "лица, принявшие здание культа,...обязуются: а) хранить и беречь его как вверенное им государственное имущество; б) производить ремонт зданий культа, а также нести расходы, связанные с владением и использованием этим имуществом: как-то: по отоплению, страхованию, охране, оплате налогов, сборов и т. п."

А как же его, государственное имущество, беречь и хранить, если Уполномоченный не разрешает его ремонтировать? Как его отапливать без печки?

Можно было бы не распространяться по поводу этих церковных сторожек и печек. Но мне хочется Вам показать, какими никчемными средствами атеисты по главе с Уполномоченным ведут борьбу с религией. Им, по всей вероятности, кажется, что стоит лишь не дать поставить печку или не разрешить покрасить крышу здания, принадлежащего верующим, общине, как религия на Полтаве тут же рухнет, и они будут награждены овациями победителей.

Уполномоченный лишь одного, и притом самого главного, не желает понять, что своим воинствованием в отношении верующих он сеет недовольство среди народных масс, что бесполезно во всех отношениях.

“
”

Чтобы более полно представить себе картину борьбы Уполномоченного против верующих, — это не оговорка: не против религии, а именно против верующих, — я вынужден привести здесь ещё один случай, не нашедший до сих пор своего законного разрешения и который можно сказать, стал той последней каплей, которая переполнила наше многолетнее терпение и побудила меня побеспокоить Вас этим письмом.

Здесь речь пойдет о славной Миргородской земле, некогда воспетой нашим гениальным земляком Н. В. Гоголем.

Верующие вот уже больше года стенают и плачут по вине того же Уполномоченного. После многочисленных хождений по разным инстанциям, начиная с сельсовета и кончая Киевом, верующие села Поливяное Миргородского района Полтавской области написали Прошение в Москву Председателю Совета по делам религии при Совете Министров СССР Куроедову В. А., непоколебимо веря, что после всех этих мытарств наконец-то правда восторжествует.

Дабы ситуация, создававшаяся в этом селе, стала более понятной, я полностью приведу здесь прошение верующих, направленное ими в Москву. В нем говорится:

”В августе 1976 года несколько членов двадчатки без ведома и согласия всей общины церковное имущество перенесли в новое здание, стоявшее пустым после смерти его хозяйки. Переход был сделан с согласия ближайших родственников покойной.

Наше новое церковное помещение мы намеревались вскорости оформить надлежащим образом у местных властей. Но, к нашему огорчению не успели этого сделать, так как 8 сентября того же года председатель сельсовета А. М. Ручий на нашем новом молитвенном доме сорвал замки, вошел туда, опрокинул Престол, Жертвенник, выбрал все церковное имущество, погрузил на подводу и увез в сельсовет.

И уже восьмой месяц мы, старики и инвалиды, ходим к

местным разным властям, но никто нам не хочет помочь вернуть нам наш молитвенный дом.

В настоящее время мы опять вернулись в свой прежний молитвенный дом, который за нами закреплен и зарегистрирован. У нас имеется священник и двадцатка, но молиться все ещё не можем, так как Уполномоченный отказался зарегистрировать старосту на том основании, что она малограмотна. Это верно, но где же нам взять грамотную, если мы все такие. Разве неграмотным и малограмотным запрещено молиться? И нужно ли из-за этого закрывать наше молитвенное здание?

Мы понимаем, что переходя в новое здание без ведома местных властей, мы нарушили соответствующий порядок. Но это сделали лишь некоторые из общины. Зачем же наказывать всю общину? Зачем закрывать молитвенный дом, который обслуживает много сел в округности?

Некоторые из нас нарушили закон о культах, но это было сделано без злого умысла и от этого никто не пострадал, если не считать нас самих. Мы нарушили закон, но это потому, что мы больше привыкли к лопатам и граблям, чем к тонкостям юридических наук.

Несмотря на наши многочисленные просьбы и обильные слезы местные власти отказываются пособить нашему горю. Даже больше того: председатель Поливянского сельсовета А. М. Ручий запугивает верующих. Одному он говорит: "Я на тебя наеду машиной!" другому — "Я тебе не дам пенсии" или же "Я у тебя отберу огород!"

Нас, стариков, лишили последней нашей радости — нашего молитвенного дома.

Мы верим в правду, мы верим нашему родному Правительству и потому слезно просим Вас вернуть нам наш молитвенный дом, дать нам спокойно молиться за нашу горячо любимую Родину и наших погибших на фронте мужей и детей.

С уважением к вам верующие христиане вместе с членами церковной двадцатки".

Под прошением стоит 356 подписей верующих прихожан

вышеупомянутого, ныне временно не действующего, молитвенного дома. Упомянутое Прощение верующие принесли ко мне и просили отправить его по назначению.

Не имея морального права оставаться в стороне от всех этих событий, а также желая придать данному документу больше значимости и авторитета, я со своей стороны написал к нему, этому Прощению, небольшое препроводительное письмо на имя В. А. Куроедова.

Вот что я написал: "При настоящем почтительнейше препровождаю Прощение верующих с. Поливяное Миргородского района Полтавской области — по их слезному настоянию.

Как Епископ Полтавской Епархии, со своей стороны я поддерживаю верующих с. Поливяное и ходатайствую о скорейшем удовлетворении их законной просьбы".

Много ли просят жители Поливянского и окрестных сел в своем Прощении? Только, говоря словами служебника, тихой "Христианской кончины" — не больше. Почему бы им этого не дать?! Они отдали для своей Родины все, чем были богаты: свои мозолистые руки и сердце; отдали для защиты Отечества своих мужей, сыновей и дочерей, а теперь на склоне лет своих хотят отдохнуть душой, мирно умереть и быть похороненными по христианскому обычаю. Кому из местных властей это может быть помехой? Но у Полтавского уполномоченного свои рассуждения на этот счет. Он Поливянским верующим говорит "Идите молиться в Миргород!" Это 12, а некоторым и 20 километров нужно идти пешком туда и столько же обратно, так как автобус тут не всегда имеется. И чего ради им куда-то идти, если в своем селе есть свой молитвенный дом? Я однажды спросил Нечитайла "Что было бы, если бы Вы в упомянутом селе закрыли клуб просто так, без всякой надобности, а молодежи посоветовали ходить танцевать и веселиться в Миргород? Как бы на Вас в таком случае взглянуло вышестоящее начальство?" Он промолчал.

Уполномоченный И. Я. Нечитайло в Поливяном занимается неразумным жестоким экспериментом и казнит духовно ни в чем неповинных людей.

Прошение верующих села Поливяное и мое препроводительное письмо к нему, мною было послано 12 мая, а ровно через 12 дней, то есть 24 мая утром мне по телефону позвонил Полтавский Уполномоченный Нечитайло И. Я. Он был зол, раздражен и говорил на высоких регистрах. "Вы должны сейчас приехать ко мне!" — заявил он в категорической форме. Я ему ответил, что, к моему огорчению, сию минуту не могу явиться к нему, так как епархиальный шофер отпросился в больницу. Но как только он вернется, я тут же постараюсь прибыть. "Вы так всегда мне делаете, — кричал в трубку Нечитайло, — как только я Вас вызываю, Вы находите какие-то отговорки. В прошлом году Вам рвы мешали, а сейчас — шофер!"

Слушая Нечитайло, я не знал, чему больше удивляться: то ли его мелочной придирчивости, то ли тому тону, с которым он обращался ко мне.

В прошлом году действительно был случай, когда я опоздал к Уполномоченному на четверть часа из-за того, что в одном месте производился ремонт дороги и нам пришлось делать объезд. Я тогда же объяснил в чем дело и принес свои извинения. Зачем же говорить, что я это делаю "всегда"?

Шофер вскоре возвратился из больницы, и я в 12 дня уже был у Нечитайло И. Я. В его кабинете сидел он и два его помощника.

Беседы, собственно говоря, как таковой, на сей раз не было. Уполномоченный играл роль моего обвинителя. Но главным пунктом обвинения было Прошение верующих села Поливяное и мое письмо В. А. Куроедову, которое Уполномоченный держал в руках. — "Вам это знакомо?" — спросил он меня, показывая конверт. — "Да, знакомо" — ответил я. — "Вы не имели права делать этого. Вы нарушили советский закон!" — говорит он. Я попросил уточнить, какой именно из законов я нарушил. Отвечая на это, он сказал: — "Вы вмешиваетесь в дела верующих, помогали им составить Прошение и отправили его". — "Не вижу здесь никакого нарушения советской законности, — сказал я. Прошение я им не писал, а что помогал верующим советами и сочувствовал им, то делать

это велит мне моя архиерейская совесть и долг. Если Епископ не окажет помощи верующим, то где и в каком месте им её искать? И в чем, в таком случае, состоит служение Епископа?” — “Вы на нас в Москву писали, — продолжал Нечитайло, — поэтому я официально заявляю Вам, что мы напишем также и на Вас!”

Немного выше я нарочно привел полностью своё письмо Куроедову. Из него каждому здравомыслящему видно, что там нет жалобы на Уполномоченного, даже имя его не упоминается, но он решил мстить мне даже за то самое крохотное, что я себе позволил сделать в защиту обиженной своей паствы — мстить, чтобы раз и навсегда отучить Епископа от любой инициативы в вопросах веры и заставить его бездействовать и молчать!

А молчание, как известно, не всегда — золото. Потому-то один из наших видных современных Епископов и говорил: “Молчать опасно, медлить преступно!”

Наша Русская Православная Церковь ныне попала в ту опасную для неё полосу, когда смело и безнаказанно бесчинствуют нечитайлы, и поэтому нужно сказать правду ради блага всех, даже и Нечитайла, сказать потому, что дальше “молчать опасно”! Терпение наше иссякает, мы доведены до крайнего и отчаянного положения, когда нужно сказать уже теперь, сегодня, ибо “медлить преступно”!

“Мы долго искали с Вами взаимопонимания, — говорит далее Уполномоченный, — но не нашли его”.

Эта фраза требует некоторой расшифровки. Когда между Епископом и Уполномоченным нет взаимопонимания, то это значит, что Епископу придется платить по большому счету: его посылают на другую, худшую кафедру, отчисляют за штат, или ещё что-нибудь в этом роде.

Какого же “взаимопонимания” столь ревностно добивался от меня Уполномоченный по Полтавской области Нечитайло? Это будет видно из следующего.

20 ноября 1975 года И. Я. Нечитайло явился ко мне в Епархиальное управление и потребовал от меня, чтобы я как можно меньше рукополагал в священный сан. Я ответил, что

рукополагаю и так меньше, чем это требуется обстоятельствами. — А в других епархиях вовсе нет рукоположения, — заметил он. — За другие епархии я не в ответе, — сказал я Уполномоченному. Затем он предложил, чтобы я объединил или закрыл, по его выражению, некоторые "малосильные приходы". Я сказал, что Епископы существуют для того, чтоб открывать храмы, а не закрывать их. — А чтобы Вы делали, если бы местная власть без Вашего ведома и согласия закрыла храм? — задал он мне вопрос. — Каждый храм стоит больше моей жизни, и я буду его защищать больше, нежели мою собственную жизнь, буду защищать его до последнего моего вздыхания, — ответил я.

Из вышесказанного видно, что взаимопонимание по-нечитайловски — это ничто иное, как прямое пособничество Епископа Уполномоченному в его атеистических делах.

Но вернемся к моей беседе с Уполномоченным от 24 мая сего года. То, что он мне тогда сказал, является в какой-то мере характерным не только для Полтавы, но и частично показывает, какими правами Церковь и верующие у нас пользуются вообще.

Уполномоченный по Полтавской области Нечитайло обвиняя меня говорил:

1. "Вы без моего ведома послали священника служить в незакрепленный за ним храм".

Был один такой случай. В Спасской церкви г. Полтавы неожиданно заболел священник. Поскольку людей на богослужение собралось много и службу отменить уже было нельзя, а также ввиду того, что был выходной день у Уполномоченного и нельзя было согласовать с ним этого вопроса, я поневоле без его ведома послал из Полтавского собора священника В. Бондаренко.

Действующее советское законодательство о религиозных культурах запрещает Епископу назначать священника на постоянное служение, но там ничего не говорится о взаимовыручке, об одном единственном служении. Может скажем, педагог заменить педагога на время его болезни. И делается это без всякого бюрократства. Нечитайло же предлагает нам

в этом случае такие требования: заболевший священник должен сдать свою регистрационную справку (а как он её сдаст, если лежит в постели?), а другой, согласившийся заменить его, пусть даже на одно богослужение, обязан получить вышеупомянутую справку. А как её получить, если это опять будет выходной? "Меня об этом должны предупреждать заранее", настаивает на своем Нечитайло. Но кто может знать о том, что он через два-три дня заболеет? Да и нужна ли в Церкви вся эта волокита, если она и в самом деле отделена от государства?

Минуло несколько времени, Уполномоченный позвал к себе священника В. Бондаренко, один раз послужившего в Спасской церкви по нашему благословию, и забрал у него регистрацию, потом вернул, но погрозил, если он "еще раз нарушит советское законодательство", то не получит места не только в Полтавской Епархии, но и в любой другой.

Нарушений, собственно, никаких не было, но Уполномоченный уже готов человека лишить работы.

С кем в данном случае Нечитайло борется: с религией, или с верующим человеком? И вполне ли законный такой принцип управления? И какие права после всего остаются у Епископа? Вот что хочется спросить.

2. Он, Уполномоченный, говорит, что на приходах по завышенным ценам продаются иконки, крестики, свечи.

Во-первых, все это недорого — редко, когда больше одного рубля; во-вторых, я никогда не слышал, чтобы верующие жаловались на недоступность цен; и в-третьих, имеет ли Уполномоченный право вмешиваться в эти дела?

3. Нечитайло И. Я. без всякого повода заявляет, что церковные старосты мало перечисляют денег в разные добровольные государственные фонды. Такое его утверждение противоречит действительности. И я сейчас покажу это документально.

На разные государственные нужды приходы Полтавской епархии перечислили:

в 1968 году	—	36210	рублей
в 1969	"	—	37270 "

в 1970	—	67964	”
в 1971	”	— 74261	”
в 1972	”	— 110404	”
в 1973	”	— 114757	”
в 1974	”	— 134630	”
в 1975	”	— 149573	”
в 1976	”	— 161328	”

Эти цифровые данные имеются также и у Уполномоченного и ему, конечно, хорошо известно подлинное положение вещей по данному вопросу, но почему говорит он так, мне неизвестно.

Для сравнения скажу, что Полтавское Епархиальное Управление в 1976 году от приходов получило 124926 рублей, то есть на 36402 рубля меньше, чем было перечислено на государственные нужды.

Чтобы внести ясность по вышеозначенному предмету, сделаю некоторое отступление.

Начиная с 1968 года приходы Русской Православной Церкви взяли на себя благородный почин добровольно вносить посильные денежные суммы на государственные нужды — в "фонд мира" и на "ремонт памятников старины".

Храмы Полтавской Епархии для упомянутых целей перечисляли сначала пять, потом десять, пятнадцать и двадцать процентов от своих годовых денежных оборотов. Но в последнее время Уполномоченный начал настаивать, чтобы некоторые приходы, подчас в ущерб себе, вносили 30, а то и сорок процентов.

В свое время я говорил ему, Уполномоченному, что наши приходские общины не вынесут столь большой добровольной денежной нагрузки и что это им грозит экономической несостоятельностью.

Помнится мне, по чистой случайности, я тогда в качестве наглядного примера приводил село Поливяное, уже упоминавшееся не раз в этом письме.

Годичный валовой оборот этого молитвенного дома составляет 3.500 рублей. При тридцатипроцентном отчислении на государственные нужды вышеупомянутая сумма будет

распределяться следующим образом:

1. Годичная зарплата священника и псаломщика 1500 рубл.
 2. Годичная зарплата исполнительного органа 370 рубл.
 3. Годичная зарплата обслуживающего пресонала 376 рубл.
 4. Издержки на ремонт зданий за год 200 рубл.
 5. Отчисление на государственные нужды 1050 рубл.
- Итого 3496 рублей.

В церковной кассе остается 4 рубля. Неизвестно откуда взять денег для уплаты:

- а) земельной ренты,
- б) государственной страховки,
- в) покупки церковных товаров,
- г) для епархиального пенсионного фонда.

Не является в секрете тот факт, что если бы какая либо церковная община не уплатила положенной суммы за земельную ренту или страховку, райисполком с таковой, пользуясь своим правом, мог бы легко расторгнуть арендный договор и тем самым закрыть храм. Поскольку на Полтавщине много храмов экономически слабых — все они таким образом могли бы оказаться под угрозой закрытия. И у меня, как Епископа, это не могло не вызвать законного беспокойства.

А что сказать относительно епархиального пенсионного фонда? Ведь если церковные старосты не в состоянии будут делать свои отчисления в Епархиальное Управление, наши пенсионеры лишатся последних средств к существованию, пенсия которых и так не очень велика: в большинстве своем она составляет 35-50 рублей в месяц.

4. И. Я. Нечитайло говорит, что я "переманиваю духовенство в Полтаву из западных областей Украины".

В настоящее время из Западной Украины на Полтавщине служит два священника — ни одного из них я раньше не знал и, следовательно, не мог их "перемануть". Мне кажется, тут следует удивляться не тому, что на Полтавщине служат два священника из западных областей Украины, а тому, почему бы им тут не служить? Почему Уполномоченный делит Украину на две части, когда она у нас одна? И зачем

противопоставлять одну часть Украины другой? Что за преступление Уполномоченный усмотрел в том, когда люди одних областей, скажем западных, едут жить и работать в другие области, восточные, или же наоборот?

Да ведь же самое советское законодательство даёт человеку право жить там, где он пожелает. Согласно Программы Российской социал-демократической рабочей партии, принятой на II съезде Партии в 1903 году, каждый гражданин имеет право на "свободу передвижения". Или, быть может, духовенство лишено этих элементарных прав? Я не слышал об этом. Скорее всего это изобретение Нечитайла.

5. Уполномоченный хотел бы сделать меня ответственным за то, что некоторые из заштатных священников крестят желающих у себя дома. У меня нет никакой возможности следить за домами этого духовенства, да и нужно ли это делать, если, по словам Ленина, "Государству не должно быть дела до религии?"

Многие из желающих принять Святое Крещение и в то же время, боясь обращаться с этой просьбой в Церковь, где ведется по приказу Уполномоченного регистрация всех треб-исправлений, поневоле идут к священникам, находящимся на пенсии и не ведущим никаких записей.

Полтавский Уполномоченный борется со следствием — нужно удалить причину, то есть прекратить выслеживание верующих и следствие само собой отпадет.

6. Уполномоченный обвиняет духовенство Полтавского кафедрального собора в том, что оно якобы совершает заочные крещения. Чтобы понять, в чем тут речь, я вынужден вкратце рассказать все по порядку.

В прошлом году, в августе месяце, Бабий Виктор Васильевич, проживающий в г. Полтаве по улице Хоткевича, 6 кв. 5, работающий шофером, крестился в Полтавском соборе. Вскоре этот факт, благодаря регистрационной книге, стал известен Уполномоченному, а потом и непосредственно начальству. Будучи вызванным администрацией по этому поводу, Бабий, видимо испугавшись, сказал, что он не крестился и что ему ничего об этом неизвестно. На этом шатком

основании Уполномоченный построил свою не менее шаткую теорию, согласно которой Бабий был крещен заочно. Я объяснил ему, что такого рода крещение в Православной Церкви считается недействительным и поэтому не практиковалось. Однако Уполномоченный не поверил мне и начал вести расследование, обещая строго наказать виновных — духовенство и церковный совет.

Узнав о грозящих духовенству неприятностях, мать Бабия, присутствовавшая при крещении своего сына, подтвердила данный факт письменно. Но оказывается и это не убедило Нечитайла — он и по сей день все ещё ведет "расследование" по этому делу.

7. Дабы избежать недоразумений, возникших якобы в связи с "заочным" крещением Бабия В. В., уполномоченный по делам религии Нечитайло вменяет нам обязанность впредь доносить ему о всяком взрослом, изъявившем желание принять Святое Крещение. Он говорит "Не спешите с крещением взрослых. Сначала возьмите у них адреса, сообщите об этом мне, а потом недельку — другую можете делать свое дело".

Не обязательно обладать особой проницательностью ума, чтобы понять, куда клонит Нечитайло. Сообщим мы ему адрес желающего принять таинство крещения, как он подвергнется такой мощной обработке, что поневоле он уже будет отказываться от своего желания, по крайней мере, на некоторое время.

И опять-таки мне никак непонятно, почему каждый крещаемый вызывает столь сильный интерес, даже тревогу местных властей. Если крещение, как поступок, является таким же частным делом каждого, как еда, прогулка и отдых, то оно не должно нигде регистрироваться и быть безразличным для властей; если же эти власти ведут пристальное наблюдение за нами, значит оно — акт государственной важности. Но как же в таком случае нужно понимать принцип отделения Церкви от Государства и ленинское учение о том, что религия является частным делом?

Я не могу согласиться с требованием Уполномоченного

выдавать ему адреса всех взрослых, пожелавших принять крещение, так как это противоречит не только всему советскому законодательству о культах, но и ставит духовенство в унижительное положение сделаться сыщиками в пользу того же самого атеиста Уполномоченного.

Ленин в своей статье "Социализм и религия" в свое время сильно возмущался "против казенщины и чиновничьего произвола, против полицейского сыска, навязанного служителям Бога".

Желает ли Нечитайло, вопреки Ленину, навязать нам опять "полицейский сыск"?

Да сохранит нас Господь от этого ужаса и позора!

Уполномоченный настаивает непременно давать ему сведения о всех, имеющих намерение поступать на учебу в духовную семинарию.

Такое требование с его стороны вселяет в меня тревогу, основанную на горьком опыте прошлого.

С 1960 по 1964 год я состоял секретарем Правления при Волынской Духовной Семинарии. По долгу своей службы мне приходилось самым тесным образом соприкасаться с разными сторонами жизни упомянутой школы, а также часто общаться с Феодуловым А. А. — уполномоченным по делам религии на Волыни. Он также старался всеми способами получить заранее данные о поступающих в Духовную школу. Добившись своего он давал знать по соответствующим адресам и их не отпускали с места работы, не снимали с военного учёта, не выписывали и т. д., то есть делали всё, чтобы помешать им поступить в Духовную школу. Если кто-либо из них каким-то чудом и прорывался в стены школы, то ему, по настоянию уполномоченного, здесь в паспортном столе отказывали в прописке, и Волынская Духовная Семинария таким образом в 1964 году, как "нерентабельная", по выражению некоторых, была закрыта.

Не думает ли Нечитайло И. Я. волынское сито использовать на Полтавской земле? Если так, то вверенная мне Епархия лишится своих последних крох.

Всем известно, что лица, поступившие в любое советское

учебное заведение, не подвергаются никаким предварительным "изучениям" или "обработкам". И это несмотря на то, что многие из них потом пойдут на немаловажную политическую роль.

Наши же питомцы — будущие священники, служители Бога не вмешиваются ни в какие политические дела. Их занятие "молитва" о мире всего мира, о болящих, о страждущих, о труждающихся, о богохранимой стране нашей". Поэтому вызывает удивление то, почему они подвергаются столь тщательному изучению уполномоченных по делам религии.

Впрочем если все хорошо продумать и проанализировать отдельные факты, полагаю, не так уж трудно будет догадаться, что кроется за действиями уполномоченного и что входит в его намерения.

Пожалуй, самым больным местом в Русской Православной Церкви на сегодняшний день являются её кадры: их нехватка ощущается повсеместно, особенно же на Украине, где наложен запрет на рукоположение в священный сан. Старое духовенство убывает, а новое недостаточно. Есть области, где десятки религиозных общин годами остаются без духовного окормления, в некоторых — один священник обслуживает 3-4 прихода.

Истинная цель каждого Уполномоченного, и Полтавского тоже, любыми средствами помешать притоку новых кадров в Церковь, помешать поступлению в семинарию и тогда храмы, оставшись без священников, сами собой закрываются.

Как это делается на Полтавщине, покажу на примере. Когда я сюда прибыл в 1967 году мне разрешалось принимать духовенство из других епархий, из чужих областей, а также подыскивать достойных кандидатов и рукополагать их в священный сан. Потом мне запретили принимать духовенство из других епархий, но не лишали права рукополагать. Ещё немного мне сказали: "Рукополагайте Полтавских, а чужих не надо". Спустя несколько времени, мне сообщили, что я могу рукополагать только местных пенсионеров.

Немного погодя, мне говорят: "Можешь полагать только псаломщиков своей епархии". Через некоторое время мне было приказано рукополагать только тех псаломщиков, кои находятся на этой работе не менее десяти лет. А теперь мне запрещено вообще кого-либо рукополагать. Нет, должен здесь сделать небольшую оговорку. Уполномоченный по Полтавской области милостиво даровал мне право рукополагать всех, окончивших Духовную Семинарию. Он хорошо знает, что этим правом я почти не смогу воспользоваться, так как на сегодняшний день я имею в Семинарии трех учащихся, которые, если не пойдут в академию учиться, то окончат её через два-три года.

Уже теперь в Полтавской Епархии недостает восьми человек духовенства. И если учесть, что каждый год в среднем выбывает за штат и умирает 6-7 человек, то через два года к восьми еще прибавится 14, всего же в таком случае будет нехватать 22 человека, говоря другими словами, около 20 храмов будут стоять без священников и ожидать своего "законного" закрытия.

Я однажды спросил Уполномоченного, каким советским законом он руководствуется, когда запрещает мне рукополагать не семинаристов? Он мне, ничуть не краснея, ответил "Вы рукополагаете людей, духовно неподготовленных, малограмотных, разных там конюхов... А мы боремся за чистоту Ваших кадров". Возражая ему на это, я сказал: "Разрешите мне, как Епископу, самому позаботиться об этом". Но уполномоченный ответил мне категорическим "нет".

И так, усердием нечитайл Русская Православная Церковь обречена на медленное умирание.

*

Мне так часто приходилось слышать от Полтавского Уполномоченного о нарушении нами разных советских законов о культах, что поневоле создается впечатление, будто духовенство и верующие затем только и существуют, чтоб делать эти нарушения. В рамки этих "нарушений" Нечитайло

втискивает буквально все, даже то, что когда-то я опоздал к нему на прием на четверть часа.

По моему мнению, ближайший смысл каждого закона заключается в том, чтобы он, общество в целом и каждую личность в отдельности, охранял от всякого рода насилия и произвола. Его цель пресекать всякое зло. Закон же, который не имеет в виду этих моментов, является пустой волокитой. И нарушения, от которых никто не страдает, не могут считаться нарушениями в юридическом смысле.

*

Но вернемся к делу и посмотрим на качество тех нарушений, о которых постоянно твердит Уполномоченный.

В прошлом году, летом, церковная община села Веприк Гадячского района Полтавской области решила на своем храме покрасить крышу. Этого не запрещает делать ни один советский закон, а что касается арендного договора, то он текущие ремонты ставит верующим даже в прямую обязанность. Несмотря на это, местные власти запретили ей, общине, производить покраску. В этом году весной та же община уже без всякого на то разрешения покрасила крышу своего храма.

Кто в данном случае нарушил закон: церковная община, которая, ремонтируя здание, старается его сохранить для государства и потомства или местная власть, поступающая вопреки всякой здравой логике и тому же самому арендному договору?

Несколько выше мы уже говорили, что цель каждого закона — пресечение зла. Какое же зло совершили или собирались совершить верующие покраской крыши на своем храме? И кто, в сущности, от этого их поступка пострадал? Никто! Наоборот, своим "нарушением" они сохранили от порчи государственное имущество. Так в чем же дело? Неужели Гадячское начальство не знает таких простых вещей? Думаю, знает. Смысл же его деяний, мне кажется, заключается в следующем: не дать верующим возможности ремонтировать церковные здания, довести их до частичного разруше-

ния, а потом признать их аварийными и со спокойной совестью закрыть. Именно так и стоял вопрос в отношении Белоцерковского молитвенного дома.

То, что я говорю о селе Веприк, не является досадным недоразумением. Такие вещи можно наблюдать во всех концах Украины, где имеются свои горе-законники. За время десятилетнего пребывания на Полтавщине мне ни разу не приходилось видеть резолюцию Уполномоченного, разрешающую ремонт церкви. Поэтому почти все ремонты приходится делать с "нарушениями". Получается довольно-таки странная ситуация: разрешения на ремонт храма не дают, а когда начинаешь его ремонтировать, тут же попадаешь в категорию нарушителей.

*

На мой взгляд лучшим выходом из создавшегося положения было бы издание точного, ясного закона по данному вопросу.

Желательно, чтоб этот закон разрешал текущий, и даже капитальные ремонты молитвенных домов, как не имеющих исторического значения, без всякого специального разрешения местных властей. Это избавило бы всех от резких трений и недоразумений на местах, а также спасло бы от никому не нужной волокиты, когда на перекрытие крыши на молитвенном доме нужно ехать за разрешением не только в область, но и в Киев, в Москву, в Министерство, как это мы уже видели на Глобинском примере. Что же касается спецразрешений, то они должны выдаваться только в том случае, когда ремонтируется храм, имеющий значение памятника старины или же представляющий из себя ценность в архитектурном смысле.

*

А вот ещё пример "нарушений" духовенством советского законодательства, которое состояло в следующем:

Во время одного из погребений из-за того, что труп уже был разложен и к моему приходу находился во дворе (из-за

распространения зловония его нельзя было держать в квартире), то по настоянию родственников покойного, отпевание было совершено во дворе под открытым небом (покойника не хоронили 5 суток, дожидаясь приезда сына из района Крайнего Севера, вследствие чего труп разложился. Не войти в положение этих людей было по-человечески невозможно). За это нас, меня и старосту, оштрафовали по 50 рублей каждого.

За что же, собственно говоря, поселковый исполнительный комитет наказал священника и церковного старосту? Совершенно непонятно. Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 1.XI-76 г. в III разделе в 25 параграфе гласит: "Совершение религиозных обрядов в квартирах и домах верующих по просьбе умирающих или тяжелобольных, а также на кладбищах и в крематориях производится без разрешения или уведомления исполнительного комитета районного, городского совета депутатов трудящихся".

Из вышеизложенного видно, что Указ Президиума был нарушен не священником, а поселковым советом, точнее, его председателем Кудрявским. Но наказан был все-таки священник. Да иного исхода и ждать нельзя было, ибо во всех случаях всегда является виновным священник, "поп" и никаким образом представитель власти.

Вот так мы и "нарушаем" советские законы о культах и штрафы платим, и жаловаться никому нельзя, потому что так еще хуже. Начнут мстить, а Нечитайло И. Я. может вызвать к себе священника в Спасской церкви.

Между прочим, еще раз об этом случае. Что могло бы произойти, если бы я тогда не направил священника на службу в Спасскую Церковь. Ситуация, полагаю, могла бы развернуться следующим образом. Из упомянутого храма ко мне пришла бы делегация от имени религиозной общины, прося дать им для совершения богослужения священника. Я им сказал бы, что не могу этого сделать без разрешения Уполномоченного. Впечатление у верующих от такого заявления могло бы быть самым отрицательным. Они справедливо могли бы из этого заключить, что без атеистического

благословения Уполномоченного в церкви не совершается ни одно Святое богослужение. Хотел ли Нечитайло верующих ввергнуть в такое странное заблуждение? Или оно в самом деле так есть?

*

Но, кажется, больше всего "нарушений" приходится на долю крещений. В этой области фантазия Уполномоченного просто-таки неистощима. Говоря об упомянутом уже Бабии, он сначала сказал, что мы его насильно крестили. Пришлось немало приложить стараний, чтобы убедить его, что это невозможно. Тогда он выдвинул новую теорию, согласно которой мы его крестили заочно. Что же, пожалуй, Нечитайло за это "открытие" может получить пальму первенства: ибо до сих пор, вот уже на протяжении двух тысячелетий, до такого никто не мог додуматься. Получается нечто по русской пословице: "Меня без меня женили".

Все же чаще всего "нарушителями" в этой области является заштатное духовенство. Но кто в этом виноват? Опять тот же Уполномоченный.

Бабий В. В., который после своего крещения в Церкви "узнал почем ковш лиха", теперь десятому закажет соблюдать в этом вопросе максимальную осторожность. И вот потянутся духовно жаждущие по глухим переулкам под покровом ночи к домам заштатного духовенства, прося крестить их самих и их детей.

А не лучше было бы не регистрировать человеческую совесть, человеческие самые святые и сокровенные чувства? Ещё раз напомню — В. И. Ленин в свое время писал: "Религия должна быть объявлена частным делом". А К. Маркс в этом вопросе был еще более беспощаден и говорил, что "каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, также и телесные нужды без того, чтобы полиция совала в это дело свой нос" (т. 12, стр. 30).

В этой фразе много поучительного для некоторых Уполномоченных.

В Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 1.XI.76 г. в параграфе 1 говорится: "Принятие каких-либо постановлений, распоряжений или решений, ограничивающих свободу совести, запрещается".

Не кажется ли Полтавскому Уполномоченному, что следя за подворотнями заштатного духовенства, он тем самым не только ограничивает свободу совести, но и ставит в униженное положение саму атеистическую идею, играющую в этом случае роль соглядатая?

Неужели не понятно, что крещение, как веление совести, является частным делом каждого и не должно подлежать никакой регистрации, как не регистрируются и никакие другие движения человеческой души.

В уже упомянутом Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР в том же параграфе со всей категоричностью закона предписывается: "В официальных документах указание на принадлежность или непринадлежность граждан к религии не допускается". А в церкви в это время лежат бланки и прошнурованные книги, напечатанные в государственных типографиях, в которых по строгой указке официально ведется регистрация всех верующих, требоисправителей.

Как все это согласовать с только что процитированным Указом. И кто тут прав: Уполномоченный или закон? Как не поступи, а все плохо: исполнишь закон — нарушишь требование Уполномоченного, исполнишь требование Уполномоченного — нарушишь закон. Как ни мудри, а все равно будешь ходить в "нарушителях".

*

Всякое правонарушение должно рассматриваться как со стороны его тяжести, так и тех последствий, кои оно может повлечь за собой.

Если мы вспомним о тех нарушениях, о которых так часто говорит Нечитайло (похороны покойника во дворе, крещение ребенка без регистрации), то нам трудно будет найти в них состав преступления. Мы не сможем также указать на какие-либо нежелательные последствия, возникшие в

связи с этим.

*

Помнится мне, в практике знаменитого дореволюционного адвоката Плевако Ф. Н. был такой случай. Какая-то старуха по бедности своей у одного богатого торговца украла чайник. Её обвинили в воровстве и на суде её защищал вышеупомянутый адвокат. Он говорил примерно так: "Господа, эта бедная старушка украла чайник. Ей за это грозит тюрьма. Воровство должно быть по закону наказано, ибо оно подрывает основы русского общества. Но подумайте только! Было нашествие монголов — выстояла Русь, было нашествие Наполеона — выстояла Русь! А теперь не выстоит, ибо ей грозит вот эта маленькая голодная старушка!"

Обвиняемая была помилована.

Подражая Плевако, я тоже мог бы сказать: Выстояла, не дрогнула Русь перед нашествием Батя, Наполеона и недавними гитлеровскими полчищами. Но теперь не выстоит, ибо в с. Веприк на церкви покрасили крышу, в Белоцерковке в сторожке поставили печку, а еще где-то без благословления Уполномоченного крестили ребенка! А если мы вспомним, что в с. Поливяное верующие по церковному уставу опять станут молиться "о богохранимой стране нашей, властей и воинстве ея, да тихое и мирное житие проживем и во всяком благочестии и чистоте", то тогда и речи быть не может — никак не выстоит Русь!

А может быть пора уже и помиловать верующих поливянцев?.. За целый год они достаточно наплакались.

Не так уже много осталось, когда наша страна будет праздновать 60-летие Советской Власти, хотелось бы, чтобы верующие села Поливяное эту радостную дату не встречали со слезами на глазах.

*

Это вот наши нарушения. А есть ли они у Нечитайла, Полтавского Уполномоченного? Есть! Он постоянно вмешивается в церковные дела и тем самым нарушает советское

законодательство о культах. И я это уже показал. Но самое страшное — он нарушает закон братства и любви. Он заставляет плакать вот уже больше года ни в чем неповинных людей с. Поливянское. Невозможно сосчитать все их поездки в разные места по своим церковным делам и трудно показать такое место, где бы они еще не плакали: плакали поливянцы в своем сельсовете, в коридоре райисполкома в кабинете Уполномоченного, и у меня тоже плакали. Но Нечитайло слезам не верит! Он наверно не знает того, что народное проклятие и слезы народа страшнее пушек и горе тому, на чью голову они падут. Уполномоченный же ждет — победы! Над кем? Над собственным народом? Ему хочется в селе Поливянском закрыть молитвенный дом, чтобы потом Москве рапортовать, что на Полтавщине одной религиозной общиной, благодаря его стараниям, стало меньше, и за это получить сомнительного качества похвалу. Но он не замечает того, что такие его неусмотрительные действия вызывают недовольство в народе.

А это именно то, чего так не желал В. И. Ленин. На I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года он говорил, что борясь с религией, нельзя озлоблять массу, "такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении". Эта же мысль приводится и в новой Конституции, в статье 52 говорится: "Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается".

*

Итак, по Ленину, наша "сила в единении" и потому нельзя "делить" массы по принципу религии. "Единство — всегда залог всякого успеха. Но оно особенно нужно теперь, в наши дни, когда над миром, как Домоклов меч, висит военная опасность. И об этой опасности Вы сами говорили, Леонид Ильич, во время своего недавнего пребывания в Париже. Я цитирую Ваши слова: "Однако мир в Европе, и тем более на планете в целом, далеко не так ещё прочен, как хотелось бы. Ему угрожают многие опасности явные и тайные. И главная из них растущая гонка вооружений. На карте мира и сейчас

можно найти немало таких точек, где существуют серьёзные проблемы в отношениях между странами и народами, конфликты потенциально опасные для мира”.

*

Если какой-либо из Уполномоченных, забыв обязанности быть честным посредником между верующими и неверующими желает вести борьбу с религией, пусть это делает по-ленински — ”путем пропаганды, путем просвещения” и, добавлю, путем диалога, но не средневековыми методами. И об этом Вы говорили в Париже, отвечая на вопросы французской газеты ”Монд”. С Вашего позволения я ещё раз процитирую Вас: ”Но бессмысленно и опасно в наше время пытаться обеспечить победу тех или иных идей, той или иной идеологии с помощью силы... Идеологическая борьба не должна перерастать в психологическую войну...” — говорили Вы тогда.

Мы, верующие люди, целиком согласны с Вами. Мы тоже за честный, дружеский диалог с нашими братьями по крови — атеистами. И такому диалогу не должен препятствовать тот факт, что религия, по выражению безбожников, является ”опиумом”. Это только этикетка, которую можно приклеить куда угодно и кому угодно. Газета ”Правда” от 14 июня с. г. писала, что по утверждению пекинских руководителей, ”разрядка — это опиум для народа”. Как видим, самые прекрасные вещи можно опорочить и заклеить.

Каждая идея, в том числе и религиозная, требует деликатного к ней подхода и глубокого изучения. А это можно сделать только при свободном обмене мнениями, а не ”с помощью силы”, как Вы изволили справедливо заметить в Париже.

*

В этом году 18 января газета ”Зоря Полтавщины” писала, что у нас ещё ”недостаточно раскрывается реакционная классовая роль религии”.

Эта небольшая по объему фраза, очень ёмкая по своему смыслу и при случае может стать чреватой своими горестными последствиями.

Поразмыслим над ней. Если фашизм по своей идеологической сущности реакционен, то все фашисты — реакционеры. Что это так мы видели и видим на практике. Если и религия реакционна, то следовательно, и все верующие, все признающие бытие Бога тоже реакционеры. При таком философствовании в реакционеры у нас попадает добрая половина Советского Союза и почти весь остальной мир.

В реакционерах, в таком случае, окажутся, говоря церковным языком, и все "преждеотошедшие отцы и братья наши" — Нестор Летописец, Александр Невский, Юрий Долгорукий, Андрей Рублев, Петр Первый, Ломоносов, Пушкин, Лев Толстой, Павлов, Филатов т. е. все те люди, на которых стояла и стоит Русь.

А как обычно поступают с реакционерами, мы об этом тоже знаем. Но не лучше ли в таком случае объявить религию просто философским течением и дать ей равные права с материалистической философией?

В своих ответах газете "Монд" Вы говорили: "Спор между двумя общественными системами и между их идеологиями... может решить только сама жизнь, историческая практика, проверка делом".

Вот пусть жизнь, а не Уполномоченный, решает, которая из двух философских систем вернее, правдивее — религиозная или материалистическая.

В чем же все-таки "Зоря Полтавщины" видит реакционность религии. Кому религия помешала стать настоящим человеком, и приносить пользу для общества? Помешала ли она, например, великим ученым Ньютоном, Пастером, Коперником, Ломоносовым, Эйнштейном сделать свои замечательные научные открытия? Мешала ли она Павлову, Пирогову, Филатову в их медицинской работе? Мешала ли она Рублеву, Рембранту, Рафаэлю, Васнецову стать великими художниками? Разве глубоковерующие полководцы Суворов, Кутузов, Богдан Хмельницкий меньше любили свою Родину,

чем Советские Маршалы? Была ли религия помехой для Шевченка, Пушкина и Лермонтова? Помешала ли вера в Бога Моцарту, Баху, Велелю, Березовскому, Чайковскому, Глинке стать великими композиторами? Или, быть может, верующие люди меньше, чем безбожники защищали свою Родину в дни Великой Отечественной войны? Мешает ли вера американскому фермеру выращивать кукурузу, пшеницу и разводить скот с таким же успехом, как это делается в наших колхозах? На все эти вопросы нужно ответить одним словом "нет"! Религия никому не мешает!

Так в чем же конкретно наша реакционность и за что Нечитайлы нас преследуют и ненавидят? Я с удовольствием отказался бы от употребления этих слов, но для правдивости вынужден это сделать, потому что, как в пословице говорится: "рисуешь верблюда — рисуй и горб".

В 52 статье недавно утвержденной Конституции отмечено: "За гражданами СССР признается свобода совести..."

Здесь слово "совесть" употреблено вместо — "религия". Эти слова в некотором роде и в самом деле почти тождественны, но слово "религия" всё же шире по своему смыслу, ибо она как бы включает в себя совесть, которая некоторым образом становится составной частью религии, то есть человеческого духа.

Совесть как явление духовно-неуничтожимо. Да и не дай Бог, чтобы это когда-нибудь случилось, ибо на что было бы похоже тогда человечество!

Но если нельзя убить, уничтожить совесть, то как можно убить религию. Если нельзя убить части, то как можно убить целое! Религия вечна, как вечна совесть. И в этом нас убеждает человеческая история. А Господь об этом прямо говорит: "Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Её" (Мф. 16, 18).

Итак, по всему видно, нам верующим и неверующим еще долго придется жить бок о бок на нашей планете. Если это верно, то не лучше ли нам жить в мире, добрососедстве, без вражды и искать то (как теперь многие выражаются), что нас объединяет, а не то, что нас разъединяет. Мы можем вести с

атеистами честный, открытый диалог, о чем уже было говорено. Это обогатило бы философию, наше мышление и весь духовный мир человека. Насилие же никого не может осчастливить, ибо делающие его — звереют от него, а терпящие его — страдают от него.

*

Один мудрец говорит так: "Если бьёшь в человеке диавола, смотри, не задень Бога". Продлив немного эту мысль, я скажу: "Если бьёшь в человеке веру, смотри, не бей верующего!" Ибо случается, что многие, начав борьбу против идеи, потом незаметно ненависть свою переносят на людей.

Именно в этот грех, как некоторые думают, и впал Полтавский Уполномоченный. Кажется, досадить верующим — для него наивысшее наслаждение.

24 июня сего года многострадалные верующие из села Поливяное ещё раз побывали у Нечитайла и сказали, что если он и далее будет препятствовать им совершать богослужение в их молитвенном доме, то они вынуждены будут писать Л. И. Брежневу. Уполномоченный сказал на это: "Можете писать".

Несколько ранее я говорил то же самое, что и верующие, но и это на Полтавского Уполномоченного не произвело должного впечатления, и он не изменил своей тактики в вопросах религии.

Очень бы хотелось, чтобы наше Советское гуманное законодательство не нарушалось на местах ни той, ни другой стороной в нашей повседневной жизни. Всё это могло бы послужить только к нашему благу.

*

Для общего же блага, братства и большей сплоченности нашего народа, я полагаю, нужно сделать очень немногое:

а) прекратить унижительную и антизаконную регистрацию треб и требоисправителей в церкви;

б) дать возможность Епископам рукополагать столько священников, сколько этого требуют обстоятельства, и неза-

висимо от того, из какой области будет рукополагаемый;

в) не препятствовать делать ремонт храмов и молитвенных домов;

г) уполномоченным отказаться от своей антирелигиозной деятельности и быть нейтральными в вопросах веры, как того требует Советское законодательство;

д) не закрывать храмов насильственным путем;

е) увеличить тираж выпуска духовной литературы, в которой имеется острая нужда среди верующего населения: церковных календарей, например, так мало, что их нехватает по одному на село;

ж) не мешать духовенству в выборе места жительства и служения;

з) не делать в прессе таких выпадов против религии, которые могли бы дать право атеистам ненавидеть верующих, а также не допускать оскорбления чувствительности верующих в печати;

и) необходимо Церковь избавить от гнетущей опеки Уполномоченных и больше предоставить прав в делах веры Епископам.

Ибо, если было бы противоестественным, чтобы дела коммунистов решали антикоммунисты, то также нелепо видеть, как неверующие в лице Уполномоченных решают дела верующих. Пусть все станет на свои места. Таков закон правды.

*

Многоуважаемый Леонид Ильич! Зная Вас по Вашим многочисленным выступлениям как истинного ленинца, выдающегося государственного деятеля и замечательного дипломата нашего времени, я с полным правом смею надеяться, что Вашими усилиями недоразумения между верующими и неверующими, возникающие большей частью по вине неумеренных атеистических старателей, будут своевременно устранены и в нашем народе процветут мир, дружба, братская любовь и полная свобода совести.

Да благословит Вас Бог.

С искренним уважением ФЕОДОСИЙ ЕПИСКОП
ПОЛТАВСКИЙ И КРЕМЕНЧУГСКИЙ.

Полтава, 26.X.1977 г.

В. Н. Тростников

«ПИСЬМА О БОЛЕЗНИ И ИСЦЕЛЕНИИ»

Оканчание второго письма: О сущности науки*

Великие идеологи, начертавшие общие контуры картины мира, из которых не имеет права выйти ни один ученый, могли и сами быть выдающимися учеными, как Лейбниц и Декарт, а могли и не быть ими, как Бэкон и Ленин. Но они были великими в том, что смотрели в самый корень. Какие бы мудреные вещи они ни говорили, все на поверку сводилось к одному: мир есть автомат. Откуда же бралась в них эта фантастическая целеустремленность, это постоянство внутренней установки, эта способность ни на миг не выпустить из виду свой единственный ориентир? От сильной веры в истинность своего тезиса?

В этом можно усомниться. Проанализируем классические определения двух наиболее важных для естественнонаучного мировоззрения понятий. Первое из них — понятие автоматичности, детерминированности. Что это такое? Как понять фразу "вселенная развивается детерминированным образом"? Философы считают, что лучше всех разъяснил это Лаплас. Он сказал:

"Ум, которому были бы известны для какого-то момента времени все силы, одушевляющие природу и положение всех ее составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в единой формуле движения величайших тел вселенной наравне с движением мельчайших атомов; не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверным, и будущее, так же как и

* Начало см. № 14.

прошедшее, предстало бы перед его взором”.

А вот пресловутое ”ленинское определение материи”:

”Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них”.

Поначалу можно подумать, что в этих положениях нет ничего необычного. Но когда взглядишься в них пристальнее, замечаешь поразительную особенность. Приверженец доктрины машиноподобности мира, которая, как правильно отметил Кларк, ведет к заключению, что человек ”не видит, не слышит и не чувствует”, а значит и *не мыслит*, описывает работу мировой машины в терминах деятельности ума, т.е. *мысли*. Яростный противник и гонитель всякого идеализма определяет обожествляемую им материю как ”философскую категорию”, т.е. как *идею*. Случайно ли это?

У людей такого ранга ничего не делается случайно. Секрет в том, что им было глубоко безразлично, является ли мир автоматом на самом деле. Им было нужно *внушить это людям*, сделать его автоматом *в человеческом сознании*. Отсюда лапласовский образ мыслителя, проникающего разумом в мировые алгоритмы и таким образом убеждающегося в их всемогуществе; отсюда и ленинская философская система категорий, максимально облегчающая человеку восприятие сущего как движения мертвой материи. В этих построениях, которые замечательны вовсе не в научном, а в художественном отношении, просвечивает их идеал: время, когда люди сделают тезис автоматизма мира исходным пунктом своего сознания, а значит и деятельности.

Поскольку для идеологов естествознания главным было не найти истину, а *заставить людей верить*, будто истиной является тезис автоматизма, то они проявляли эмоциональность, напористость и нетерпимость к альтернативным мнениям. Они не столько созидали, сколько агитировали, обещали, громили, разоблачали, срывали маски и поднимали на смех. В результате этого в Европе создалась такая атмосфера, что дотошное изучение свойств материи стало считаться высшей формой духовной деятельности. Героями человечества стали простоватые ограниченные люди, способные проделывать тысячи однообразных экспериментов, вроде Уатта, Стефенсона и Эдисона. Они возвеличивались и ставились в пример молодежи. Развивать же в себе тонкие душевные потребности, анализировать свой внутренний мир стало чуть ли не неприличным. Из-за этого большинство сильных и одаренных натур устремилось в науку. Люди, которые пятьсот лет назад были бы проповедниками, богословами, монахами или военачальниками, теперь избирали карьеру математиков, физиков, химиков, астрономов. Начался пышный расцвет точных наук, лабораторных исследований и применения того и другого к развитию техники.

Конечно, существенный вклад в создание научно-технической цивилизации внесли немногие — именно те несколько сотен гениев, которые прежде не стали бы тратить свой интеллект на такое скучное занятие, как подробное исследование простейших форм Бытия, — но это ядро обросло тысячами, а потом и миллионами рядовых работников науки, идущих по заранее намеченным для них путям к не слишком высоким званиям, но к весьма приличным окладам. Это были уже люди, которые, родись они раньше, не смогли бы стать стол-

пами Церкви или приобрести на королевской службе громкие титулы, но они были бы умелыми земледельцами или хорошими ремесленниками. Теперь, оторванные от земли и физического труда, они стали скучиваться в городах. Изменения в воспитании, образе жизни и роде занятий привели и к психологическому перерождению. Имея дело уже не с природой, а с упрощенной искусственной средой, в которой все приведено в порядок и регламентировано, они постепенно разучились видеть и замечать то, что нельзя пощупать, утратили острую наблюдательность, которая была им необходима при определении сроков сева или жатвы и на охоте, перестали ощущать мудрость годовичного и жизненного циклов, управляющих растениями и животными. Свою духовную энергию они стали направлять на возню с математическими символами, на терпеливое проведение опытов, в которых заранее устранялись все внешние влияния, на аккуратное занесение в тетрадь данных наблюдений. Поскольку на все это требуется гораздо меньше сил и хитрости, чем на то, чтобы успешно вписать свою жизнь в великий кругооборот природы, души их стали усыхать, интуиция атрофироваться. Эти люди, хотя и звались учеными, попав в городские условия, проникались *буржуазным духом*, становились равнодушными ко всему, кроме профессиональной карьеры, потребителями, *мещанами*. Недаром слово "буржуа", так же как и слово "мещанин", происходит от слова "город" (bourg — по-французски; *место* — по-славянски, что сохранилось, например, в польском miasto). Размеренная и удобная жизнь, из которой устранены все неожиданности, стала для них источником постоянного подтверждения постулата о детерминированности Бытия, и он все глубже укоренялся в их сознании и подсознании.

Сказанного достаточно, чтобы понять: наша наука вовсе не есть то, за что она себя выдает — беспристрастное искание истины. Истину люди искали всегда, а наука появилась недавно. Но что же она тогда такое?

Кратко можно ответить на этот вопрос так. Современная наука имеет два аспекта: главный, невидимый и производный, видимый. Первый есть *специфическая форма общественного и индивидуального сознания*; второй есть *деятельность*, стимулируемая этим сознанием. Первый аспект объединяет в себе постулат об автоматизме всего происходящего, принятый *рассудком*, ощущение неодушевленности Космоса, укоренившееся *в душе*, и потребительство, пронизывающее *жизнь*. Второй аспект складывается из организационной структуры науки — академий, институтов, издательств и т.д., — планов и программ развития исследований, утвержденных правительствами, академиями и научными советами, и добытых учеными результатов, зафиксированных в книгах и журналах. В соответствии с сущностью невидимого аспекта науки, программы нацелены на познание стихийных законов, определяющих движение мирового автомата, и отыскание способов применить это знание к расширению и усовершенствованию производства вещей, которые доставляют жизненные удобства и наслаждение.

Как мы видим, наука в своем полном, т.е. истинном значении тесно связана со всеми тремя каналами, по которым человек взаимодействует с миром: с *разумом, чувством и жизнью*. Этим она, несомненно, родственна религии.

Есть еще одно обстоятельство, которое может усилить наше подозрение, что наука есть современный вариант религии. Известно, что религиозные учения не возникают по одному мановению своих основателей,

что задолго до их появления в душах людей начинается какой-то поворот, меняются их чувства и устремления, преобразуется мировосприятие, и настает момент, когда слово проповеди может стать искрой, вызывающей взрыв. В этот момент и приходит великий учитель, умеющий ярко, четко и доходчиво сформулировать то, что давно уже созрело в народном подсознании. Религия не сваливается как снег на голову, а подготавливается веками.

То же самое можно сказать и о нашей науке. Было бы смешно думать, что она возникла только благодаря деятельности Лейбница. При всей своей неистовой активности, подкрепленной гениальностью, он, по существу, ничего уже не решал. Этот идеолог предопределенности в глубине души знал о решающей роли свободного выбора, но не понимал, что по иронии судьбы в тот момент все действительно было предопределено, и он мог бы не горячиться. На фундаментальном уровне общественного сознания Европа сделала свой выбор много раньше. Нижняя темная дорога была заведомо привлекательнее, поскольку небо давно уже померкло в глазах европейцев, и свет сияющих вершин ослепил бы их. То, что в мире нет чудес, они предприняли в своем сердце по крайней мере в пятнадцатом веке. Все движение "Возрождения" заключалось как раз в том, чтобы создать представление о человеке как о телесной машине. Тогда же впервые возникла идея машинообразности государства — ее автором был Николай Макиавелли. Обратим внимание на то, что в то время еще не было ни науки, ни сколько-нибудь ясного определения понятия "машина". Машинообразность и автоматизм воспринимались еще не разумом, а интуицией и означали безжизненность, неодушевленность, неодухотворенность, замкнутость всего сущего. До

разработки понятий алгоритма и закона природы было еще далеко, но в души людей были брошены семена того мировосприятия, которое потом обеспечило возникновение обостренного интереса к этим понятиям, а вместе с этим и расцвет естественных наук.

Исторический факт состоит в том, что наука пошла по нижней дороге. В первый момент было еще неясно, куда она приведет. Теперь мы знаем, что она привела в глубокое ущелье, битком набитое разными механизмами и заводными игрушками. Попав в это царство алгоритмов и не видя больше дневного света, люди постепенно почти поверили, будто этим подвалом исчерпывается весь мир. Разум подошел к тому же, к чему еще раньше пришли чувства и, действуя согласованно с ними, изменил всю жизнь европейцев, а затем и остальных народов земли. Возникла потребительская цивилизация, о которой можно сказать то же, что и о христианстве: она была обусловлена всем ходом развития общества. Так чем же она отличается от религии?

Вот тут пора поставить все на свои места. У нас не раз уже возникал соблазн взглянуть на естественно-научное мировоззрение как на новую форму верования, отличающуюся от прежних лишь тем, что оно поставило в центр своей картины сущего не идеальные, а вещественные данности, сохранив без изменения все остальное: касту жрецов, называемых теперь учеными, субсидируемую правительствами и взамен поставляющую им идеологические средства сохранения и укрепления власти; организационную структуру воспитательных и учебных учреждений; методы воздействия на общественное мнение для распространения и внедрения своих взглядов и т.д. Если бы это действительно было так, то нам пришлось бы сказать, что история философии мало что дает для решения нашего основ-

ного вопроса о взаимодействии материальной и нематериальной составляющих Бытия. Держались цивилизации и государства на постулате о первичности нематериального, держится современная жизнь народов и на противоположном утверждении. Внешне наша цивилизация выглядит внушительнее, но есть подозрение, что она оказалась не очень прочной и вряд ли просуществует тысячи лет как ее предшественницы. Так что о предпочтительности той или иной догмы ничего сказать нельзя. Каждая из них выдает себя за объективно проверяемую истину и обвиняет другую в отсутствии логики и подтасовке фактов, но анализ обстоятельств их воцарения показывает, что логика и факты не играли при этом никакой роли.

И все же естественнонаучную идеологию *нельзя квалифицировать как новую религию*. Чувство, подсказывающее нам, что научное мировоззрение по самой своей природе отлично от любой религии и враждебно ей, не обманывает нас. И дело совсем не в том, что оно само противопоставляет себя всем религиям: это характерно и для многих великих вероучений, объявлявших, что они впервые открывают человечеству истину. Нет, верить идеологам науки в этом пункте так же наивно, как и в остальных. В действительности они только и мечтают сделать из своей концепции всемирную религию и создать новое божество в образе материи. Многие из них совершенно открыто заявляли об этом, но и те из них, кто скрывал эту вожденную цель, всегда аккуратно переносили на материю все главные атрибуты Бога — первичность существования, обуславливающую существование всего остального; вечность; неизменность основных свойств; невозможность полного познания человеком; самоуправляемость; способность развиваться от низших

форм к высшим; наличие во всех частях предпосылок чувствительности; — а в последнее время от них можно услышать и такие фразы, как "природа достигает своих целей удивительно мудрыми способами", показывающие, что материя уже начала уподобляться Богу и как творческой личности. Сами того не подозревая, современные ученые вернулись к одному из центральных положений древнеиндийской философии, которое гласило, что материя может выступать в качестве "практики" — заместителя Бога. Только у индийцев такое замещение было условным и допускалось лишь на время ритуала богопочитания, а наши ученые принимают его всерьез и пытаются воздвигнуть на нем свое мировоззрение. Но это пустая затея. В их космологии имеется такой существенный изъян, который делает любую, основанную на ней систему познания внутренне противоречивой и, что еще важнее, совершенно непригодной для руководства индивидуальной и коллективной человеческой жизнью.

Изъян этот прост, очевиден и непреодолим. Совокупность философских и научных утверждений только тогда может стать *системой познания*, когда в ней установлена *нормальная иерархия понятий*: более содержательные понятия управляют менее содержательными, общее дает начало частному, универсальное — специфическому. Без этого необходимого условия в ней не будет ни логики, ни смысла. Но если эта совокупность утверждений есть к тому же и мировоззрение, то она должна представлять собой модель реальности, адекватное отображение Бытия. Это значит, что те ее понятия, которые располагаются наверху и определяют смысл и взаимодействие более низких понятий, должны соответствовать первичным данностям объективного мира, а низшие, подчиненные понятия — его

второстепенным элементам. Естественнаучное мировоззрение утверждает, что главное и первичное в Бытии есть материя, поэтому философское понятие материи ему следовало бы сделать высшим и всеуправляющим. Но это невозможно, ибо в нашем сознании материя выступает как то, что начисто лишено управляющих и организующих свойств. По самому своему определению материя обладает *косностью*, т.е. пассивно подчиняется внешним воздействиям, поэтому соответствующее философское понятие абсолютно неспособно играть роль исходной категории. Из этого беднейшего по своему содержанию понятия (вспомним, что Ленин признал в нем только одно свойство — существования) невозможно извлечь не только то огромное разнообразие, которое мы видим в окружающем мире, но и вообще ничего хоть сколько-нибудь интересного. Иначе говоря, коренной изъян естественнонаучной философии заключается в том, что она выворачивает наизнанку то взаимоотношение идеального и материального, которое принято всеми религиями и является там вполне логичным, но не может таким же образом вывернуть наизнанку логику. Поэтому наша научная идеология неспособна, при всех своих стараниях, стать "религией наоборот": одна часть в ней, действительно, есть зеркальное отображение соответствующей части религии, а другая — нет. И в каком бы зеркале теперь ее не наблюдать, это внутреннее уродство все равно будет бросаться в глаза.

Возможно, этому отвлеченному рассуждению не хватает конкретности, поэтому я поясню его примером. Известно, что православные верующие нередко обращаются к иконам с какими-то просьбами — скажем, о выздоровлении своего заболевшего ребенка. Если принять христианское вероучение, то такое пове-

дение нужно назвать вполне разумным. Митрополит Макарий писал: "Мы употребляем и почитаем изображения Бога истинного и Святых Его и преклоняемся перед ними; но употребляем и почитаем только как изображения для нас священные и глубоко поучительные, а отнюдь не боготворим их, и, кланяясь святым иконам, поклоняемся не дереву и краскам, а самому Богу и Угодникам Его, которые на иконах изображены". Для православного икона служит внешним возбудителем чувств, которые адресуются не к ней, а к Богу — высочайшему существу, которое, в силу свойственного Ему по самому определению всемогущества, может удовлетворить любую просьбу. Но тот, кто придерживается естественнонаучного взгляда, должен смотреть на поведение молящегося перед иконой как на сумасшедшего, и он так на него обычно и смотрит. Ведь с его точки зрения очевидно, что ни полусгнившая доска, ни засохший раствор минерала не могут вместить в себе ничего такого, что могло бы повлиять на развитие процессов в организме больного ребенка. Но приверженец науки не замечает, что он сам выглядит ровно таким же сумасшедшим, так как он полагает, будто не только тончайшие механизмы обмена веществ и развития тканей, но и абсолютно все построения нашего ума возникают как результат слепого перемещения простеньких атомов, т.е. что первичная совокупность таких атомов — например, горячее водородное облако — уже содержала в потенции все это в себе. Как эта превосходящая всякое воображение сложность и изысканность пряталась в примитивной однородной массе, понять гораздо труднее, чем то, как прячется в старой доске излечивающая сила.

Те, кто имел дело с сумасшедшими, знают об их изумительных способностях к казуистическим рас-

суждениям. В этом они намного превосходят людей со здоровой психикой, всегда несколько простодушных и испытывающих врожденную неприязнь к софизмам. Идеологи науки напоминают сумасшедших не только нелепостью своего основного верования, будто низшее способно управлять высшим, но и дьявольской энергией, с которой они его отстаивают, употребляя для этого самую хитроумную аргументацию. Окидывая взглядом историю естественнонаучной философии, мы видим, что она представляет собой трехсотпятидесятилетнюю непрерывную войну со здравым смыслом, в которой считалось дозволенным применять любые средства. И все-таки агрессивность начавшей войну стороны постепенно уменьшалась и ее напор ослабевал. Оттого ли, что в глубине души они чувствовали парадоксальность своей концепции и смутно предугадывали, в какие дебри она может завести человечество, или по другой какой-то причине, но идеологи науки мало-помалу теряли свою самоуверенность и из яростных и бескомпромиссных мятежников превращались в осторожных дипломатов, научившихся выражаться туманно и двусмысленно и избегать прямой постановки наиболее острых вопросов.

(Продолжение следует)

Д-р Э. Бройде

ДОСТОЕВСКИЙ И ЧЕХОВ

(1881—1981)

Из лекций, прочитанных в Университете Копенгагена — по материалам монографии "Чехов. Мыслитель. Художник".

Лев Толстой писал, узнав о смерти Достоевского: "... я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек... Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу".¹ Вслед за этим, 1 марта 1881 года, стало известно об убийстве народовольцами Александра II — Освободителя. В 1881 году Чехов как бы перенял эстафету от Достоевского, завершив большую драму "Безотцовщина". В финальной сцене передовая Софья в упор расстреливает Платонова, отказавшегося от революционной идеологии.

"Бесовщина" детей и отцов глубоко исследуется Чеховым в этом первом его большом произведении, — влияние Достоевского здесь велико. Спустя несколько лет, Чехов вновь решает проблему "Преступления и наказания" — в большой повести "Неизвестного человека". И здесь Чехов учёл "Бесов", нечаевское дело, выстрелы Веры Ивановны Засулич. Предлогом для этой "публичной казни" послужил Боголюбов, основавший в Таганроге революционные кружки (8,470).² Чехов — гимназист отлично знал участников этих кружков,

1. Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. т. 63, М, 1934, стр. 43.

2. А. П. Чехов. Полн. собр. соч. в 30 томах, М, 1977

(В скобках — том и стр.)

штудировавших Белинского, Чернышевского, Писарева, Бакунина, Герцена и других. В одном из вариантов "Именин" говорится об этой атмосфере партийщины: "... там, в московском кружке (...) казалось, даже воздух сперся и застыл от того, что все мыслили на один образец, говорили изо дня в день одно и то же, молились все одним и тем же богам"... (7,542). Он показал причины катастрофы, гибели "Вишневого сада". Бунин сказал о Чехове: "Очень зоркие глаза дал ему Бог". Чеховские исследования показывают пути к Духовному Возрождению. Чехов, как и Достоевский, решающее значение придавал духовной культуре. Достоевский сформулировал это в своей знаменитой Пушкинской речи, противопоставив её революционной идеологии. Символично, что это же сделал и Блок в своей Пушкинской речи, спустя 40 лет...

В наши дни лучше видно то большое, общее, что объединяет классиков, делает их опыт спасительным: вне духовной культуры — исключено возрождение. Политические рецепты, партийные программы - ветшают, а незыблемая общая духовная "почва" остается...

В "Подростке" Достоевского так говорится в связи с поиском общей "скрепляющей идеи": "Нынче безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь... Явись человек с надеждой и посади дерево — все засмеются..." (13,54).³ Чехов и был "человеком с надеждой", проповедовавшим насаждение лесов и садов.⁴ Этим он, как и Достоевский — оберегал "почву", мешал идеологам "истощать" ее... Предшественник Астрова (в ранней пьесе "Леший") — борется с теми, кто "безлесит

3. Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 томах, М, 1976.

4. Чехов и его время. АН, М, 1977, стр. 52.

Россию". На упреки в "безыдейности" (со стороны носителей партийных мундиров) защитник лесов отвечает: "Если б вы знали, как здесь у вас тяжело и душно! Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем... все, что угодно, но только не человека!.. А когда меня не понимают и не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то винят в этом не себя, а меня же и говорят: "Это странный человек, странный!"... Так жить нельзя! Кто бы я ни был, глядите мне в глаза прямо, ясно, без задних мыслей, без программы"... (12,157).

Достоевский и Чехов больше других испытали на себе злобное "непонимание" партийщины.⁵ "Странного" Чехова, например, соратник "Буревестника" считал "узким". В письме Горькому В. А. Поссе присягал: "... я верю в тебя, верю несравненно больше, чем в Чехова. Чехову шири не хватает. Знаешь, у него все же душа маленькая, душа русского интеллигента"... (11.2.1898 г.). Да, Чехову была чужда та "ширь" партийщины, о которой гениально сказал Достоевский: "...лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость — вот вопрос!" (13,307).

Чехов конкретно указал, как "далеко поведет" пристрастие к футлярности партийных программ: "Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить такие жабы и крокодилы,

5. А. Г. Достоевская. Воспоминания, М, 1971, стр. 395. См. Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского, М-Л, 1935. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, — сост. А. С. Долинин" М., 1964.

каких не знала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите!" (23.1.1888 г.) Действительно, Великий Инквизитор из легенды Ивана Карамазова — невинное дитя на фоне глобальной катастрофы XX века. Но более важно то, что и сегодня классики, Чеховские изучения помогают преодолевать "бесовщину". Чехов писал, что любители партийной "борьбы" — "... напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как черт знает что, а всякому шарлатану и волку в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и "умирать с честью"... Идеологических "вождей" характеризует "Узость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести..." (там же). Закономерным последствием этого оказался "запрет", лежавший на произведениях Достоевского долгие десятилетия, а письма и Дневники писателя и по сей день предаются "анафеме". М. Бахтин, автор "Проблем поэтики Достоевского", был долгие годы "перевоспитуем" в лагерях, равно как известный пушкинист Ю. Оксман, Иванов-Разумник, А. Белинков и мн. др. Бахтин талантливо показал устремленность Достоевского к "многоголосию", свободному духовному самораскрытию героев, что противостоит партийно-догматической футлярности. Именно это было доведено Чеховым до полной художественной объективности, философского антидогматизма.⁶ Чехов справедливо считался таким же "реакционером", как и Достоевский, Толстой, Лесков... Вс. Иванов в после-революционное время считал влияние Чехова "вредоносным, растлевающим, реакционным", которое "безусловно должно быть преследуемо и уничтожаемо

6. В творческой лаборатории Чехова, АН, М., 1974.

на месте беспощадно". Старый марксист Ольминский подчеркивал, что к наследию Чехова относится "...в высшей степени отрицательно" и требовал "от лица коммуниста — никакому массовому читателю" не рекомендовать чеховских произведений, лишенных "общественного мировоззрения"...⁷

Маяковского раздражал даже "чеховский язык, в котором вся проплеванность, гниль выражений с нытьем, три раза повторяющимися на зевоте словами: "В Москву, в Москву в Москву"... В "Мистерии-буфф" — с ненавистью: "Смотришь и видишь —/Гнусят на диване /Тети Маши/ Да дяди Вани". Дело, конечно, не в том, что Маяковскому "было ненавистно все русское"... Здесь решался фактор идеологический: "Я думаю, что это правильное логическое завершение: начали с тетей Маней и дядей Ваней, а закончили "Белой Гвардией". И еще удар по Булгакову: "Я был на "Дяде Турбиных"... Удивительно интересно". Действительно интересно, что Достоевского и Чехова мир заново открыл после катастрофы. Бунин разделял мнение М. Калаш: "Чехова недооценила его эпоха (...) внимательно читаемый теперь, после кровавой русской катастрофы, не только не кажется изжитым до конца, но становится гораздо ближе, во многом понятнее и неизмеримо значительнее, чем прежде"...⁸

Не случайно Маяковский "подозревал" дядю Ваню в сопричастности к врагам: Войницкий, действительно, стрелял в "светлую личность" Серебрякова: "... у меня открылись глаза! Я все вижу!.. Ты морочил нас!.. По

7. М. Семанова. — Чехов и советская литература. М., 1966.

8. М. Курдюмов (М. А. Калаш). — Сердце смятенное, 1934 г. См. в кн.: И. Бунин, — О Чехове. Нью-Йорк, 1955, Издат. им. Чехова, стр. 122.

твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!" (13, 102). И. Смоктуновский, лучший исполнитель роли князя Мышкина ("Идиот"), стал и трагически глубоким дядей Ваней. Здесь не только "личная" драма, но "гамлетовски" сложная переоценка ценностей: "До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманить свои глаза вашей этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады..." (13,70).

Чехов, как и Достоевский, отвергал бесовщину партий, претендующих на обладание "какой-либо мудреной, высшей нравственностью... нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч." (22.3.1890 г.). На этом основании Чехов резко отвергал ложь и узость "горизонтов" *любой* партийщины: "Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только"... (4.10.1888 г.)

Эта высшая духовная культура шла от Пушкина, которого, как и Чехова, долгие десятилетия обвиняют в "чистом искусстве"...⁹ Нравственная чистота несовме-

9. В. Шкловский. — Повести о прозе. М., 1966. К. Чуковский. — О Чехове. М., 1967;

А. Аникст. — Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., 1972;

А. Чудаков. — Поэтика Чехова. М., 1971; "Антон Чехов. 1860-1980". — "Селекс" №16, Гренобль, Франция; "Грани" №117, 1980; В. Рудинский. — Чехов по-новому. — "Наша страна", 1981.

стима с сектантско-групповым ненавистничеством, что отлично понимал и Лесков: "... на горизонте литературном я не вижу ничего, кроме партийной (...) лжи, которую я понял и служить ей не могу". (10,397). Глубоко мыслящий художник не может "с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта". Чехов вслед за Пушкиным, Достоевским, Толстым, Лесковым, — мечтал о творческой независимости: "Во всех наших толстых журналах царит кружковая, партийная скука. Душно! Не люблю я за это толстые журналы, и не соблазняет меня работа в них" (23.1.1888 г.). И далее, со страстностью, свойственной Достоевскому: "Партийность, особливо если она бездарна и суха, не любит свободы..."

Чеховские исследования преодолевают психофизиологию стадной партийщины, открывают пути к Духовному Возрождению. Чехов зовет к высшим формам организованности и Духовного сообщества, не подавляющего, но озаряющего личность каждого.¹⁰ Толстой исключительно высоко ценил нравственную силу Чехова, открывшего, по его словам, новые — для всего мира — формы искусства. Отказ от догм партийщины — это не пресловутая "безыдейность", но предупреждение о возможной катастрофе. Лесков, также отвергавший искусственное деление на консерваторов, либералов, славянофилов, западников и т. п., — был одним из наиболее глубоких знатоков народной психологии и, естественно, противником нигилизма, бездуховности. Не случайно, что Лесков первым "открыл" Чехова, сказав ему еще в 1883 году: "Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши".

10. Б. Зайцев. — Чехов. Нью-Йорк, 1954.

Знаменитый автор "Соборян" не ограничился шутивым благословением, но поддержал Чехова и после постановки "Иванова", когда народническая критика в один голос травила его. Их бесила не только дружба Чехова с "матерым реакционером" Сувориным, но и открытое осмеяние "светлой личности" доктора Львова, радикальных фанатиков. Это в их адрес было сказано в "Иванове" — около 100 лет назад: "И какое бы насилие, какую жестокою подлость вы бы ни сделали, вам все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человек... Тупые, бессердечные люди..." О толпе, идущей за ними, Чехов написал в записной книжке: "Как люди охотно обманываются, как они любят пророков, вещателей, какое это стадо". Как и ныне, формирование психофизиологии многомиллионного "идейного стада" происходит со школьной скамьи: "... поймал 5-6 чужих мыслей, застыл на них и будет упрямо бормотать до самой смерти" (8.10.1888 г.). Не случайно "общественное мнение" формировали "передовые" Серебряков, Кулыгин ("Три сестры") и "живой футляр" Беликов, гордо произносивший (по-гречески) "Че-ло-век!"

Солидаризуясь с Достоевским, резко говорил Чехов об этих "учителях человечества": "... чувствует мое сердце, что они что-то губят, душат, что они по уши залезли в свою и чужую ложь" (7.4.1888 г.) Чехов видел, что после царубийства 1881 года началась эпоха "Игроков": "... возбудимость присуща нашей молодежи в крайней степени... Социализм — один из видов возбуждения" (30.12.1888). В это время Запад рукоплескал "Подпольной России" Степняка-Кравчинского, превозносившего до небес Веру Ивановну Засулич (сблизившуюся с группой Плеханова). Чехов знал о процессах над Лопатиным, Якубовичем, Александром

Ульяновым и др., — начал работать над повестью о революционере, пересмотревшем догмы.

Поездка на Сахалин дала новые материалы, там он познакомился с морским офицером Ювачевым, организатором военного подполья, перешедшего затем на позиции толстовства. Бывший революционер ("Рассказ неизвестного") преодолевает "соблазн" Раскольниковца, приходит к выводу: "...можно служить истине независимо от принадлежности к той или иной категории или партии"... (8,397). И в то же время радикализм увлекает новых романтиков, мечтающих гарцевать "...на белом коне, перед толпой... со знаменем... И чтобы музыка гремела". (8,394). Об этой "рев. ситуации" Чехов писал: "Толпа думает, что она все знает и все понимает, и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор". (7.4.1888). Эта же "передовая" толпа осудила романы Достоевского и особенно "Бесов" как "клеветнический памфлет на лучших людей", его травили за Пушкинскую речь... Они же объявили Чехова "безыдейным", осмеяли "Чайку", извратили смысл "Вишневого сада": "Озорную штуку Вы выкинули, Антон Павлович. Дали красивую лирику, а потом — звякнули со всего размаха топором по корневищам: к черту старую жизнь!" Так "Буревестник" старался "приобщить" Чехова к "идейности". В ответ на подобную интерпретацию Чехов с ужасом отвечал: "У меня такое чувство, будто я растил маленькую дочь, а он (газетчик)... взял и растлил ее..." (3.11.1903). И вновь: "Немирович и Алексеев (Станиславский) в моей пьесе видят положительно не то, что я написал" (10.4.1904). "...если бы я знал... то ни за что бы не дал своей пьесы в Художественный театр. У меня такое чувство, точно меня помоями опоили и облили..." (25.11.1903). Своему идейному соратнику Горький откровенно пишет о

неприязни к "Вишневому саду": "... не производит впечатления крупной вещи. Нового — ни слова (...) со сцены повеет на публику зеленой тоской. А о чем тоска — не знаю". (К. Пятницкому, 22.10.1903). Горестное предупреждение Чехова о возможности гибели Сада — России вызывало лишь озлобление. Горький и его сообщники затеяли судебную склоку против издателя чеховских произведений, добиваясь привилегий для своего марксистского журнала. Этот публичный скандал свел 44-летнего Чехова в могилу.

Суворин считал "Вишневый сад" лучшей пьесой Чехова, предупреждавшей Россию: "Говорят, наслаждаются... танцуют, так сказать на вулкане, накачивают себя коньяком, когда гроза разразилась". (29.4.1904). Стало известно о гибели флота; в театральном зале, по словам Книппер, начиналось "беснование"... В этой атмосфере трагически звучали и предсмертные слова Тузенбаха: "Кто знает? А может быть нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий!" Еще в 1892 г., побывав на "гражданской" войне с эпидемией холеры, Чехов писал о социалистах, использовавших народные предрассудки для создания рев. ситуации: "Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными..." Эта же тема — в центре внимания Достоевского и Толстого, всей русской классики; Чехов завершает великую эпоху духовного поиска: "Я ненавижу ложь и насилие во всех видах..."

Дядя Ваня говорит своей идейной матери о 50 годах служения революционным учителям, с брошюрами которых она не расстанется до конца: "... мы уже пятьдесят лет говорим и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить..." (13,70). Кулыгин также

написаал брошюру о 50-летию своей передовой гимназии, возглавляемой "общественным" человеком... Здесь же обучалось и "шаршавое животное" Наташа, изгнавшая трех сестер из дома. Здесь школу "романтизма" проходил и Соленый, руки которого пахнут трупом, а душа жаждет новой бури... 50 лет назад эти же учителя толкнули юного Достоевского на эшафот и каторгу. Впоследствии, красавец Спешнев, неистовый Виссарион Белинский, Петрашевский, Бакунин и Чернышевский, Добролюбов и Огарев, Герцен и Нечаев — послужили прототипами "Бесов". Лишь в конце XX века выясняется, что Достоевский отнюдь не преувеличил их потенции. Известно, что Чернышевский писал Тургеневу (7.1.1857 г.) о спасительной роли для России "... железной диктатуры, перед которой бы все трепетало, как перед диктатурой Белинского".

Великие Реформы Александра II спасли тогда Россию, за что он и был "казнен" спустя 20 лет, накануне провозглашения конституции... Об идеалах редемократов Чехов писал Суворину, бывшему, как и он, выходцем из крепостных крестьян: "Милый мой, если бы мне предложили на выбор что-нибудь из двух: идеалы ли знаменитых шестидесятых годов или самую плохую земскую больницу настоящего, то я, не задумываясь, взял бы вторую". (12.12.1890). Достоевский, несомненно, увидел бы здесь душу христианина, равно как и в отказе от классово-партийной ненависти. Чехов писал на рубеже веков: "Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Неть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна..."

(22.2.1899).

Отрицание Чеховым догматизма партийщины, идеологий — было противостоянием взаимоистребительной "борьбе". Конечно, все партии, без различия, декларируют "Любовь к Человеку", но сам механизм партийной "бесовщины" — исключает элементарнейшее уважение к личности, к мнению, взглядам другого человека, даже состоящего в "своих", не говоря уж о "классовых врагах". Например, кто посмел так оскорбить Тараса Шевченко: "... осел, дурак и пошлец, горький пьяница по патриотизму хохлацкому... либеральная свинья, годная только на сало" и т. д. Оказывается, так распекал своего единомышленника за "своеволие" — сам Виссарион Белинский, неистовый вождь... Публичной анафеме предал Белинский и "своего" Гоголя, а затем и Достоевского, посмеявшего после "Бедных людей" углубиться в "ненужный" психологизм. Как отмечал Б. Эйхенбаум (в 1919 г. в знаменитой работе о "Шинели" Гоголя) — именно Белинский нанес серьезный ущерб русской литературе. Томашевский в монографии о Пушкине доказал, что статьи Белинского не могут вообще серьезно рассматриваться историками литературы, т. к. относятся скорее к революционной борьбе...¹¹

Справедливости ради следует отметить, что Белинский, по крайней мере, любил художественную литературу, чего нельзя сказать о Чернышевском и большинстве последующих вождей. Идеолого-партийный формализм в делении произведений на "наши" и "ненаши" можно характеризовать словами Достоевского: "Живая жизни от вас улетела, остались одни

11. Б. Эйхенбаум. О прозе. Л., 1969, стр. 323, Б. Томашевский. Пушкин. Том II.

формулы и категории, а вы этому как будто и рады...” Так с очевидностью совпадают точки зрения Чехова и Достоевского, видевших мир в его адогматическом движении. Отсюда и надежда на преодоление навязанных миру “закономерностей”, возможность духовного возрождения. Это прекрасно и смело сформулировано Бахтиным: “...ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди”. (284).¹² Любое “единственно верное” партийное учение воспринималось Чеховым как “инквизиция”, не случайно Писарева он называл “испанским монахом”, не понимавшим искусства. Также и Белинский впадал в ярость, когда замечал, что произведение искусства расходится ... с его “единственно правильной” политической концепцией.

В молодости Белинский разделял славянофильские убеждения Полевого, но позже, став “передовым”, был непримирим к “врагу народа”: “... одного страстно желаю в отношении к нему: чтобы он валялся у меня в ногах, а я каблуком сапога разможил бы его... физиономию... Пусть заведутся черви в его мозгу и издохнет он в муках — я рад буду”... (109).¹³ Духовное родство очевидно — между неистовым Виссарионом и Иосифом Виссарионовичем. Но суть дела не в складе характера и не в составе крови, — о чем любят потолковать сегодня, — дело в составе преступления. Оба были “великие ученые”, но последний ярко проявил себя

12. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, стр. 284.

13. В. Г. Белинский. Полное собр. соч., том 12, стр. 109. Подготовил к печати Ю. Г. Оксман. См. Анмартин М. Б. — К полемике о Белинском. — “Свантевит” №1, 1975, стр. 50.

на практике, не ограничившись "литературными мечтаниями"... Чернышевский, в отличие от Достоевского, обладал более "ровным" характером, тоже побывал на каторге, что не мешало им идти в противоположных направлениях... Николай Гаврилович по крови был не менее русским, происходил из семьи священника, в детстве был набожным, мечтал стать вторым Спасителем... Достоевский же был из семьи лекаря, "разночинец", а Чехов — внук мужика, сын "лавочника", профессиональный "лекарь"... Чехов "удостоился" быть упомянутым божищем революционной молодежи России: уже будучи на воле, Чернышевский писал фельетонисту Барышеву, что тот значительно талантливее Чехова... (7.8.1888).¹⁴

Автор "ученого трактата" по эстетике отличался абсолютной "глухотой": стихи Пушкина, "Бориса Годунова" — он ставил ниже пропагандистских стихов Рыльева... Шекспир оставлял его равнодушным, но свое "Что делать?" он относил к искусству... И Ленин считал сны Веры Павловны искусством, а несколько поколений русских студентов с энтузиазмом пело: "Выпьем за того, кто "Что делать" писал... за его идеал..." При этом Достоевского считали посредственным сочинителем и неучем. Прошло много десятилетий, пока гениальный физик, автор теории относительности, — назвал Достоевского своим учителем. Зато основоположник русского марксизма, дворянин Плеханов, — на похоронах Некрасова дерзко выговаривал Достоевскому за то, что тот "посмел" Пушкина поставить выше

14. Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 15, М., 1950, стр. 724. См. "Н. Г. Чернышевский, в воспоминаниях" — под ред. Ю. Г. Оксмана, Саратов, 1959. См. Анмартин М. Б. — Индивидуальные истоки... — "Свантевит" 1-2, 1980, стр. 40.

"революционного поэта"... Гнев Плехановых основывался на знании "единственно научной" закономерности развития общества, что посмели отрицать "мракобес" Достоевский, "ретроград" Толстой, "аполитичный" Чехов, "эстетствующий" Пушкин, "реакционный" Тютчев, короче, по Ленину, — вся эта "антинародная" ересь, "поповщина"...

Бахтин пишет о Достоевском: "Одна из его основных идей, которую он выдвигает в своей полемике с социалистами, есть именно идея о том, что... человек свободен и потому может нарушать любые навязанные ему закономерности".(99). Спустя 100 лет, уже на грани глобальной катастрофы, человечество вынуждено будет или — прервать эту "дурную закономерность", или — согласиться быть *замкнутым* в "Палате №6"...

Чехов, как и Достоевский, брал из жизни исключительные случаи (каждый художник творит своими, неповторимыми приемами) и создавал порой "модели" грядущего тоталитаризма. Например, в "Крыжовнике" говорится: "Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою над рвом и жду, когда он зарастет сам... в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!" (10,64). Это духовное подвижничество — главный урок Чеховских изучений. "Тишайший" Антон Павлович считал естественным и законным — стремление узника вырваться из зловонной "Палаты": "...отчаяние вдруг овладело им, он ухватился обеими руками за решетку и изо всей силы потряс ее". Беда в том, что время было упущено... "Он вскочил, хотел крикнуть изо всех сил и бежать скорее, чтобы

убить Никиту, потом Хоботова...” (8,124-125). Лев Толстой и Лесков исключительно высоко оценили “Палату № 6”, а если бы жив был Достоевский, то и он, несомненно, поддержал бы глубоко христианскую мысль о всемерном противостоянии *тотальному* Злу. Чеховские исследования учат, что чрезмерно позднее “прозрение” может быть и бесполезным, а трусливое соглашательство, десятилетия безвольного выжидания — ведут к необратимым изменениям психофизиологии, омертвлению души, “скотизму”: “— Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь... Нет, сударь, это не философия, не мышление, не широта взгляда, а лень, факирство, сонная одурь...” (8,103). Механизм замкнутой “Палаты” был заимствован Чеховым из сахалинской каторги, которая и сравниться не может с современным ГУЛагом. Тем не менее, Чехов считал закономерным и естественным стремление каторжанина — к побегу на волю. Разница лишь в том, что тогда было куда бежать, узники устремлялись с сахалинской чужбины на родину, в Россию. Чехов, знакомый с “Записками из мертвого дома”, показывает, что противоестественные условия — *необратимо* уродуют душу.

Семен Толковый (“В ссылке”) обрел новую “религию”: “... дай Бог всякому такой жизни... довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни...” (8,43). Молодой татарин с отчаянием выкрикивает: “... ты зверь, ты худо!.. Бог создал человека, чтоб живой был... а ты хочешь ничего, значит ты не живой, а камень, глина!.. и Бог тебя не любит...” — “А мне хорошо! — проговорил Семен засыпая”... (8,50).

Чехов не идеализировал крестьян, общины, был свободен от комплекса “вины”... “Во мне течет

мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями" (16,132). Лесков, также свободный от партийщины, говорил: "Я вырос в народе... так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги"... Чехов, при всем уважении к предшественникам, не боялся категоричности: "сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать". (12,241). Вопреки распространенному мнению, Чехов не был "пессимистом", верил в творческий труд, подвижничество и незадолго до смерти утверждал: "Вижу только и, к счастью, понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше, умнее и честнее — это в главном..." (20,181). "Бесовщина" — была не "в главном", хотя и сумела позже насakoм пресечь процесс Возрождения... Чехов веровал, что Подвижничество, активное Сопротивление — в любых обстоятельствах спасительно. Так Иван Великопольский "...думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле..." (8,309).

Победа "бесовщины" — случайна и противоестественна, ее можно и нужно преодолевать усилием духа и воли. Молодой дьякон в "Дуэли" сорвал убийство, хладнокровно задуманное как "партийная акция": "Дуло пистолета, направленное прямо в лицо, выражение ненависти и презрения... и это убийство... среди бела дня...

— Он убьет его! — послышался вдруг отчаянный крик... Крик души — становится спасительным: "— Как это противно природе человеческой! До какой степени это противоестественно!" (7,447).

Но партийщина "идеологически целесообразна" для

зоолога, переносящего закон "естественного отбора" — на людские взаимоотношения: "...два крота встречаются под землей... и дерутся до тех пор, пока не падает слабейший". (7,408). Это отклик Чехова на "подпольных" людей Достоевского, приведших к катастрофе. Дьякон предупреждает о возможном результате идеологического ненавистничества: "... и полетит у вас все вверх тормашкой, и в Европе камня на камне не останется". (7,433). Дьякон молод, смешлив, свободен от предрассудков, много пережил — чем-то напоминает самого Чехова, пытавшегося объединить людей во имя всеобщего Возрождения: "Вместо того, чтобы... искать друг в друге вырождения... не лучше ли им спуститься пониже и направить ненависть и гнев туда, где стоном гудят целые улицы от грубого невежества, алчности, попреков, нечистоты, ругани, женского визга..." (442). В том и трагикомизм партийной замкнутости, что "ненависть и гнев" направляются не против Зла, но к уничтожению "конкурента"... Дьякон "прост" и близок читателю, автор сознательно не хочет возносить его на пьедестал старца Зосимы. Но и "бесы" лишаются Чеховым демонического романтизма — становятся персонажами юмористических рассказов. Доктор Шелестов позирует перед зеркалом, мечтая о роли Вождя, председателя Партии: "Прежде всего он почистит авгиевы конюшни... Уважаемых товарищей иудейского вероисповедания — вон!" Шелестов — герой "октябрьского инцидента" (совпадение) мечтает пока лишь о захвате власти в Обществе врачей. ("Интриги", 6,363). Да и сам идеолог уничтожения сада — не более как студент-недотепа, облезлый барин (потом скажут: сократовский лоб...).

Если Достоевский гениально показал суть смердяковщины, то Чехов предсказал историческую роль и

Грядущего Хама, этого массивного Смердякова, гордо поднявшего знамя партийной борьбы. При этом Хаму не столь важно, какого цвета Знамя в его руках, но вне Партии — он себя не чувствует Челом-веком! Епиходов уверяет всех, что читал Бокля, а лакей Яша может повторять целые фразы за Облезлым. Они — верная смена: "Если в Партию — Сгрудились малые — Сдайся враг — Замри и ляг", — писал "талантливейший поэт нашей эпохи"... Разумеется, Чехов отличал от Смердяковых с их партийщиной, — людей духовной культуры, объединяющих свои усилия в противостоянии Злу. Но в эпоху массовых партий Хам почувствовал себя творцом Истории, все идеологи взяли его под свою высокую защиту, а на писателя были кровно обижены все "партии", в том числе и Мережковский, в гнев сравнявший Чехова с ... Горьким.

Многие принимают на *свой* счет "дерзкие" выступления классика против партийщины... Действительно, как не оскорбиться на такую характеристику Чеховым одного из ..."Хороших людей": "... еще во чреве матери в его мозгу сидела наростом вся его программа". Идеологическая "возвышенность" видна во всем: "... в его походке, жестикации, ...постоянная восторженность, пульс 120 в минуту, незнание жизни" (5,413). Но главное достоинство любого деятеля — это, конечно, красноречие: ему "... очень шло, когда он говорил: "Нас немного!" или: "Что за жизнь без борьбы? Вперед!"... начинал толковать об идеалах". Вот и решающее качество в партборьбе: "Владимир Семенович искренне веровал ...в свою программу, не знал никаких сомнений и, по-видимому, был очень доволен собой" (414). Профессор в "Скучной истории" именно в этом отсутствии духовной культуры видел истоки того

неимоверного хамства, брани, базарных оскорблений, какими изобилуют "труды" в партийных журналах. "Хорошие люди" были написаны Чеховым именно в ответ на потоки грязной брани, которую обрушили партийные критики на Льва Толстого: ни к какой программе не могли они приспособить нравственное учение о самосовершенствовании, — это задевало их "партийную совесть".

Лесков с горечью писал в "Новом времени", что "...совестливых и толковых судей нет" (4.2.1886). Л. Оболенский в "Русском богатстве" отмечал, что "... до такой степени привыкли жить мыслью массовой, стадной или же заимствованной, что появление ... малейшего отступления от шаблонного цикла либеральных и консервативных идей... кажется нам чуть не светопреставлением" (1886 г., №8). За это же упрекают Чехова и сегодня, спустя почти 100 лет. Надо подчеркнуть, что он защищал Толстого отнюдь не из пристрастия к его идеологии. Чехов требовал свободы поиска, как главной гарантии духовного возрождения, — это и сегодня основной урок Чеховских исследований. "Игра" с массами — приводит к власти, но уводит от духовной культуры, — на этом вечно паразитирует партийщина и бюрократия. Чеховские Общества уже сегодня могут служить будущему России и Мира: выработать умение и желание отнестись к другим убеждениям без проклятий и ярлыков. "Все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное" (12,199) — говорил Чехов, призывая к духовности.

Короленко, смотревший на Чехова "с высоты народничества", позже признал его правоту: "свобода от партий ... имела свою хорошую сторону... в воздухе чувствовалась необходимость некоторого "пересмотра"..."

Бунин подчеркивает мужество Чехова, умевшего "не склониться ни перед чьим влиянием... И вот этим-то чувством личной свободы и отличался Чехов, не терпевший, чтобы и других лишали ее..¹⁵ Чехов не "абстрагировался", не "уходил" от реальности, напротив, делал все для объединения разумных и дееспособных людей — на базе подлинной духовности, а не "парт. идейности", ведущей к сладкому пирогу власти, к удовлетворению болезненного тщеславия, к чинам, орденам, пьедесталам...

О тяге грядущего Хама к побрякушкам славы, орденам, заведшей в "Палату №6", им написаны и десятки юмористических рассказов; о "Торжестве победителей" писал много Зощенко. Булгаков показал, как из этих "роковых яиц" вылупились гигантские змеи, щеголяющие в маршальских мундирах, но не насытившиеся... Зная об идее "соборности" Достоевского, Чехов много сил приложил для создания "Артели 80-х годов", с юмором, но категорично отказываясь быть "слоном" или другим "зверем" среди друзей, он не "проталкивался"...

Чехов был истинный христианин по духу и делам, а не по словам (см. рассказы "Княгиня", "Попрыгунья" и мн. др.). Чехов был феноменален и в том, что высокую духовность сочетал с "плебейской" трезвостью, выше всего ценил культуру, трудолюбие, дисциплину, — не дал увлечь себя сладостным догматическим абстракциям, мечтаниям "Черного монаха",

15. См. библиографию к диссертации — "Чехов и юмористическая литература 1880-х годов" (и автореферат). М., 1970, стр. 451. См. — К проблеме чеховского комизма, — "Страницы истории русской литературы", АН, М., 1971, стр. 76 и в кн.: "Чехов. Мыслитель. Художник. (100-летие Творческого Пути). Катастрофа. Возрождение". стр. 208. Франкфурт, 1980.

утопиям, уничтожившим прекраснейший сад России. Чехов доказал, что силой духа и воли, подвижничеством и организованностью можно победить Зло — в *любых* обстоятельствах: так было на "гражданской войне" против холеры, голода, социалистической демагогии. Он был неутомимым организатором и работником, сам строил школы, церкви, насаждал сады и леса, проводил шоссейные дороги, написал более 30 томов, — пока партийщина не столкнула его в могилу к 44 годам. В 1917-м ему исполнилось бы 57 лет, а если бы... прислушались к его голосу, не предпочли бы Хлестаковых Достоевскому и Толстому... И сегодня еще не поздно создать Чеховские изучения, вместо Лумумбовских и Ждановских (с портретами Соленых) "университетов". В 1934 году Телешов с друзьями предпринял последнюю и безуспешную попытку восстановить Чеховские Общества, бывшие очагами культуры и разогнанные Пришибеевыми. В 1984 году, — к 50-летию "перелома" и 80-летию смерти Чехова, — Общества должны Возродиться, если не помешает мистика "Юбилея", как писал Иванов-Разумник в книге "Тюрьмы и ссылки" о чеховском бессмертном водевиле.

Еще в "Доме с мезонином" Художник доказывал, что народу нужно не поверхностное образование, но — Университеты, свободные от идеологии Волчиной ("Вороне где-то Бог послал *кусочек сыра*" — их символ). О подмене духовной культуры ширпотребом Чехов писал: "...Горький попробует, понюхает и бросит. Кстати сказать, и народные театры, и народная литература — всё это глупость, всё это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ подымать к Гоголю". (2.11.1903.).

Тогда же будущий нарком Луначарский негодовал

против чеховских интеллигентов, не веривших в целебность революции: "... я отвечу чеховцу, не щадя его сливочных нервов. Лжете вы, слышите, вы лжете!"... История рассудила, кто прав, но следует отметить, что первое поколение марксистов — *искренне* ненавидело "чеховщину". М. Каллаш свидетельствует о неприятии Чехова "передовыми": "Его талант в самом большом и серьезном не вызывал энтузиазма... Чехов по своему мироощущению оказывался стоящим одиноко в современной толпе... В то время как крикливо прославленный современник Чехова, Максим Горький..." Остальное общеизвестно. Бунин рассказывает, что в эмиграции и в середине века — многие предпочитают "идейного" Горького, да и сегодня чеховское искусство, его нравственная высота — не по силам большинству: "Успех, который он имел, очень долго, до смешного, не соответствовал его заслугам"...

Накануне отъезда Чехова на Сахалин, передовая "Русская мысль" окрестила его "беспринципным" писателем... И правда, как смел он писать, не руководствуясь парт. принципами? Ведь и на каторгу он "ехал", а не шел по этапу... Чехов "безыдейно" поехал за тридевять земель — уж не измена ли родине? А может ему было "чуждо все русское"?! Единственный раз а жизни он ответил публично "облезлым философам": "Обвинение Ваше — клевета". Писал им, что, может быть, "навсегда покидает Россию"... Чехов уже кровохаркал, а ему предстояли тысячи километров пути, в распутицу, на лошадях... Он обошел Сахалин, опросил каторжан, составил 10 тысяч анкет, совершил почти "кругосветное" путешествие и вернулся на родину — тогда все это разрешалось...

Несколько лет он посвятил книге о каторге, не ожидая "дохода" и славы, что раздражало "идейных":

”не люди, а какая-то плесень”, — писал он сестре. Они рады были бы, если б он застрелился... В эпоху тоталитаризма эта парт. плесень — выросла, застыла: ”— Гололед на Земле, гололед...” — Высоцкому фон Корены не дали допеть даже до чеховского возраста. ”Рассказ старшего садовника” говорит об уважении к *каждому* человеку, будь то и ”преступник” (каторжанин) — Чехов всем своим творчеством отвергает клас-соворасовый ”гуманизм”.

Всею своею жизнью Чехов доказал, что и один в поле — воин. Превозмогая боль, он дописывал ”Вишневы сад” — по одной строке, как завещание: спасайте сад. Пока не поздно. Спасите Фирса: он заживо заколочен. Завтра — будет поздно. ”... в саду топором стучат по дереву”. Занавес (13,254).

1 марта 1981 г.

Н А С Х О Д Е

Журнал Русской Национальной Мысли

Монреаль, Канада.

Годовая подписная плата : 12 ам. долл.

Цена в розничной продаже : 3 ам. долл.

Адрес Редакции : Association Culturelle

Canadienne Russe de Quebec. P.O. Box-9
(Succ. Outremont) Montreal, Que. H2V 4M6
Canada

Вл. Самарин

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВОССТАНИЯ

(1918-1934)

1

”Нынешняя антирусская кампания западных информаторов, прорастающая и в центральной американской печати, исключительно полезна и спасительна для советского коммунизма...”

Так писал А. И. Солженицын в статье ”Коммунизм: у всех на виду, а не понят”, опубликованной в феврале 1980 года в журнале ”Тайм” (Русский текст в ”Русском возрождении” №9).

На чем же основывается эта антирусская кампания, толкающая Запад, в первую очередь США, на ложный и опасный путь борьбы не против коммунизма, а против русского народа?

Основывается на ложных положениях русофобствующих западных историков и публицистов, утверждающих, в частности, что русский народ никогда не боролся и не борется с большевистским, коммунистическим режимом.

Ложное положение это опровергается самой историей: русский народ, как и другие народы России, в своей активной части, вёл и ведет борьбу.

Доказательства тому:

— сопротивление служащих и трудовой интеллигенции большевикам, начавшееся сразу же после захвата ими власти;

— народные антибольшевистские восстания, тоже начавшиеся сразу после захвата большевиками власти;

— антибольшевистское Белое движение, начавшееся в 1918 году;

— сопротивление крестьян коллективизации в начале 30-х годов;

— наконец Освободительное Движение периода Второй мировой войны, известное еще как Власовское движение.

История борьбы нашего народа против коммунистического режима еще ждет своих исследователей.

В этом кратком очерке я хочу остановиться — на основании собранных мною материалов — только на одном: на истории антибольшевистских народных восстаний в период с 1918 по 1934 год.

Борьбу вели крестьяне центральных областей России и далекого Алтая, жители Поволжья и Сибири, рабочие Ижевского и Воткинского заводов и моряки Кронштадта.

Борьбу вели русские и украинцы, горцы Кавказа и жители Средней Азии.

Вот только первый год после захвата большевиками власти — год 1918:

Февраль — восстание донских казаков, способствовавшее подъему Белого движения.

17-19 июня — восстание в Тамбове.

Июнь — восстание в Иркутской губернии.

Июнь — восстание во Владимирской губернии.

6 июля — восстание левых эс-эров в Москве и Ярославле.

8 июля — восстание в Муроме, Ростове Ярославском, Рыбинске, Арзамасе, организованное Союзом защиты родины и свободы.

Август — восстания по Нижнему и Среднему Поволжью.

Август же — знаменитое восстание рабочих

Ижевских и Воткинских заводов.

Ноябрь — восстания в ряде городов Смоленской губернии: Ельне, Дорогобуше, Великих Луках, Ржеве.

2

О восстании рабочих Ижевского и Воткинского заводов есть немало свидетельств, одним из наиболее достоверных я считаю исторический очерк полк. А. Г. Ефимова "Ижевцы в борьбе за Россию", печатавшийся в 1950 году в газете "Русская жизнь", выходящей в Сан-Франциско.

Государственные военные заводы находились в Ижевске и Воткинске в Вятской губернии (теперь это Удмурдская АССР со столицей в Ижевске).

Краткая историческая справка: Ижевский завод был основан в 1770 году графом Шуваловым. В 1809 году перешел в военное ведомство. Перед Первой мировой войной на заводе работало до 18.000 рабочих. Вместе с семьями в Ижевске жило до 50.000 человек.

"Сменилось много поколений рабочих, — пишет полк. Ефимов, — и часто сыновья и внуки рабочих работали в тех же мастерских и на тех же станках, на которых работали их отцы и деды. Много искуснейших мастеров вырастил завод".

Я говорю обо всем этом, чтобы показать, кто именно восстал против большевистского режима: восстали потомственные рабочие.

К началу Октябрьского переворота на заводе работало до 27.000 человек. Считая крестьян окрестных деревень, работавших в лесу и на перевозках, на заводе и для завода работало до 40.000 человек.

Большевистские комитеты, созданные на заводе после революции, состояли из пришлого элемента,

враждебного рабочим и особенно фронтовикам, возвратившимся с войны.

Отношения рабочих с органами новой власти продолжали ухудшаться.

Жившие до революции, как и рабочие всех государственных русских заводов, в достатке, рабочие не могли примириться с начавшимся голодом.

Первые открытые столкновения с представителями новой власти произошли 5-6 августа на базаре. Как раз в это время белые взяли Казань.

7 августа большевистские комиссары собрали рабочих на митинг и потребовали, чтобы военнообязанные отправились на фронт против белых.

Союз фронтовиков, во главе с рабочим Солдатовым, отказался подчиниться этому приказу. Вечером стало известно, что Солдатов и другие руководители Союза фронтовиков арестованы.

8 августа утром загудели заводские гудки. Рабочие бросились на завод в пристрелочную мастерскую, разоружили часовых — пленных австрийцев, разобрали оружие. Так началось восстание.

Началась лихорадочная работа по организации обороны завода. Выбрали штаб обороны в составе капитанов Солдатова и Цыганова и поручика Зебзиева. Было сформировано 50 рот примерно по 100 штыков в каждой, — общее командование возглавил полковник Федичкин.

Завод, между тем, продолжал работать. Если при большевиках делали по 600 винтовок в сутки, то теперь до 2.500.

Все население принимало участие в обороне. Женщины и подростки рыли окопы. Бои с красными начались уже 9 августа. Местные силы большевиков, насчитывавшие примерно 700 человек, были разбиты и

рассеяны.

Вслед за тем был разбит отряд красных, посланный со стороны Казани.

14 августа большевики повели наступление с двух сторон и снова были отброшены.

17 августа восстали рабочие Воткинского завода, находившегося к востоку в 60 верстах от Ижевска. В тот же день красные предприняли серьезное наступление, бросив против повстанцев до 8.000 бойцов. После кровопролитных боев, они были разбиты. Исход боев решила штыковая атака ижевцев.

Восстание, между тем, начало разрастаться и скоро охватило территорию примерно с 700-800-ми тысячами населения. Вся южная часть Вятской губернии поднялась против большевиков. Восставшие уже угрожали тылам 3-й Красной армии, действовавшей против белых в районе Перми, и 2-й армии, действовавшей в районе Сарапула.

Сентябрь прошел в стычках отдельных частей. В то же время красное командование готовилось к решительным боям. Против повстанцев сосредоточивались части двух армий — 3-й и 2-й. После тяжелых боев красным удалось — это было 7 ноября 1918 года — взять приступом Ижевск.

Началась дикая расправа над восставшими, над их семьями.

Но ижевцы не сдались. В составе примерно 10.000 боеспособных мужчин и 6.000 членов семей они ушли за Каму. Из общего числа примерно 3.000 семейных разъехались по Сибири. Около 7.000 образовали Ижевскую бригаду которая позже вошла в состав армии адмирала Колчака. Ижевцы героически сражались на фронтах гражданской войны на Урале и в Сибири. Снова взяли Ижевск, но под напором превос-

ходящих сил красных вынуждены были уйти на восток. Вместе с Белой армией ижевцы и воткинцы совершили легендарный ледяной поход через всю Сибирь. Вместе с уцелевшими частями Белых армий ушли за границу.

Ижевская бригада была награждена Верховным правителем России адмиралом Колчаком Георгиевским знаменем.

Такова в общих чертах история восстания русских *рабочих* против большевизма.

Из цикла ряда восстаний 1918 года я хотел бы еще выделить *Тамбовское восстание*, о котором сохранилось мало сведений.

В декабре 1947 года, в одном из лагерей перемещенных лиц в Германии мне посчастливилось встретиться со свидетелем этого восстания, тамбовцем, доктором, ныне покойным.

Вот его рассказ в кратком изложении:

"Весной 1918 года в Тамбове утвердилась советская власть. Начались репрессии против населения. Одним из первых шагов новой власти было проведение мобилизации в Красную армию. В середине июня на Успенской площади, перед зданием бывшего воинского начальника, где помещался губвоенкомат, собралась огромная толпа, состоявшая из горожан и приехавших в город крестьян. На площади было неспокойно. Раздавались взволнованные голоса, люди собирались группами. На призывы писарей подходить к столам для регистрации никто не откликнулся.

Вдруг в толпе пробежал шёпот. Все обернулись в одну сторону, где на телеге стоял высокий человек в простой солдатской шинели, с фуражкой в руках. В наступившей гробовой тишине площадь слышала каждое его слово:

"Товарищи! Большевики обманули нас. Они

кричали "Долой войну!", они распустили нас по домам, они обещали дать землю. А что они дали нам? Они грабят народ, разоряют страну, призывают умирать за бредовые планы мировой революции. Кто пойдет умирать за это? Кто будет защищать узурпаторов и палачей?"

"Не пойдем!" — ответила площадь одним вздохом.

"Товарищи! — голос оратора зазвенел. — К оружию! Офицеры, ко мне!"

Толпа колыхнулась, двинулась к подводам. В руках замелькали винтовки, обрезы (их привезли под соломой и под сеном). Над морем человеческих голов развернулось трехцветное знамя.

Тут же, на площади, стали формировать взводы и роты.

Тем временем весть о событиях на Успенской площади разнеслась по городу. Городские власти двинули наспех собранные мелкие части караульной службы, вооруженных коммунистов. Рядом с площадью, на кладбище, установили пулеметы. На площади залегли первые цепи повстанцев. Раскатилось "Ура". Цепи поднялись и, не ложась, пошли на наступавших. Пулеметные гнезда на кладбище были ликвидированы. Большевики бросили в бой конный полк под командованием Баранова. Полк в полном составе, во главе с командиром, перешел на сторону восставших. К вечеру город был в руках повстанцев. Советские власти арестованы. Заключенные из тюрем выпущены. Из арсенала раздавали оружие. Сопrotивление коммунистов, забаррикадивавшихся в здании губкома, было сломлено. Арестованных коммунистов свозили в здание губисполкома. По дороге конвоем стоило большого труда защитить арестованных от расправы.

Вечером улицы города наполнились возбужденной

толпой. Люди поздравляли друг друга, христосовались.

К сожалению, для развития успеха восстания сил не было. Не было возможности продвинуться к какому-нибудь крупному центру, не было сил и для занятия мелких городов. Руководство восстанием решило удержать Тамбов, одновременно стало посылать по телеграфу призывы в другие города, воинским частям, рабочим заводов. На окраинах стали рыть окопы, строить баррикады. Все железнодорожные подъездные пути были разобраны.

Уже было известно, что большевики стягивают к Тамбову верные матросские части, курсантов военных школ. Два дня город жил в напряженном ожидании. В это время на станции Кочетовка, в нескольких десятках верст от Тамбова, восстал продовольственный отряд. В Тамбов послали короткую телеграмму: "Власть узурпаторов в Кочетовке ликвидирована. Кочетовский отряд с вами". Телеграмма до Тамбова не дошла: город окружали матросские части.

Один эшелон с курсантами большевики направили в Кочетовку. Отряд курсантов был разгромлен, но попытка кочетовцев прорваться к Тамбову успехом не увенчалась: город уже был окружен верными большевикам войсками. Продовольственный отряд, восставший против большевиков, во главе с поручиком Кочаровским, ушел в леса.

Красные окружили Тамбов. Начался артиллерийский обстрел. Бой продолжался целую ночь. Под натиском во много раз сильнее врага повстанцы оставили город и через северную окраину пробились в леса.

В городе началась расправа над теми, кого подозревали в симпатиях к восставшим, расправа над

населением.

1918 год вообще был годом антибольшевистских восстаний.

В советских источниках есть сведения о том, что только с июля по ноябрь 1918 года было подавлено 108 прифронтовых восстаний. А в общей сложности чекист Лацис в своей книге указывает на 245 восстаний 1918 года, пылавших в 20 губерниях.

Восстания продолжались и в следующем, 1919 году.

“Волна бессмысленных, бесцельных, но нередко крайне кровавых мятежей, — писал в одном из своих приказов Троцкий, — прокатилась весной прошлого (1919 — В. С.) года по частям Красной армии”.

И признается: “Растерянность и смутное недовольство значительной части крестьян и солдат заражали даже наиболее отсталую часть рабочих”. Отсталую, с точки зрения Троцкого.

Из серии восстаний в частях Красной армии известно *восстание (в марте 1919 года) Тульской дивизии*, состоявшей главным образом из рабочих тульских заводов. Дивизия захватила Гомель, ушла в Польшу, где была интернирована поляками, а позже часть ее вошла в состав Белой армии генерала Юденича (Северо-западной армии).

В мае 1919 года в полном составе, во главе с командиром, восстал 3-й Петроградский полк, бывший лейб-гвардии Семеновский, и перешел к белым.

Жестоко были подавлены восстания Вольской и Николаевской дивизий Красной армии.

В следующем, 20-м году, восстала формировавшаяся в Самарской губернии 2-я Туркестанская дивизия. Восстание возглавлял командир дивизии сын крестьянина Сапожков. 5 сентября 1920 года он был убит. Во

главе остатков восставших стал Серов. Восстание, поднятое Сапожковым, было ликвидировано лишь в 1922 году.

Очагом восстаний ряда лет — с 1918 года по 1921 — была Тамбовская губерния.

Происходили восстания и в других губерниях, в частности в Рязанской.

3

Конец 1919 года и начало 1920 связано с неудачами Белых армий, отходивших под напором численно превосходящих сил Красной армии, в которой значительную роль играли интернациональные части, прежде всего латышские дивизии.

1921 год — год спада Белого движения, в силу ряда причин потерпевшего поражение, и одновременного подъема народных восстаний по всей территории, контролируемой большевиками.

1921 год — год крупнейших восстаний: моряков Балтийского флота в Кронштадте, известного как Кронштадтское восстание (2-17 марта) и крестьянского восстания в Тамбовской губернии, известного как Антоновское (июнь-август 1921 года).

В феврале 1921 года вспыхнули крестьянские восстания в Западной Сибири. Восставшие захватили большой город — Тобольск.

В марте началось восстание в Вельском уезде Вологодской губернии.

Летом — Петропавловское и Акмолинское восстания в Западной Сибири.

В 1922-23 годах восстания — Билаганское в районе Иркутска, восстания Забайкальское, Кузнецкое, Сретенское, Колыванское.

О двух восстаниях — Кронштадтском и Анто-

новском — есть достаточно сведений. Другие восстания еще ждут своих историков. О ряде восстаний, сведений о которых почти не сохранилось, говорит в своем труде "Архипелаг ГУЛаг" А. И. Солженицын.

Коротко о восстаниях Кронштадтском и Антоновском.

Оба восстания напугали Ленина и всю правящую верхушку режима.

Антоновское своим размахом, Кронштадтское главным образом тем, что восстали те, кто помог большевикам утвердиться у власти — восстали моряки Балтийского флота, "краса и гордость революции".

Результатом восстаний было временное отступление большевиков в их политике, введение НЭПа (новой экономической политики).

Кронштадтское восстание началось под лозунгом "Вся власть советам, а не партии!"

В дни восстания вышло 16 номеров "Известий Временного Революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих города Кронштадта".

В номере первом этих "Известий" помещено было воззвание "К населению крепости и города Кронштадта", которое начиналось так:

"Товарищи и граждане! Наша страна переживает тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держат нас в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести страну из состояния общей разрухи".

В "Известиях" №13 за 15 марта в статье "Торговый дом Ленин, Троцкий и Ко" читаем:

"Славно поработал торговый дом... в бездну нищеты и разорения завел советскую Россию".

В редакцию, между тем, одно за другим поступали

заявления о выходе из РКП (Российской коммунистической партии), как тогда называлась КПСС.

В революционный комитет входили представители военных судов, стоящих в Кронштадте. Военными действиями восставших, обороной Кронштадта руководил генерал Козловский.

Восстание грозило перебраться в Петроград, где было уже беспокойно, прежде всего на заводах.

К несчастью, восстание было подавлено раньше, чем начались волнения в Петрограде.

Сознавая, какая угроза нависла над большевистским режимом, главари его бросили на подавление восстания красных курсантов, то есть курсантов военных училищ, самые надежные части Красной армии, вооруженных коммунистов.

Возглавлял дело подавления восстания Троцкий, военными операциями руководил Тухачевский.

Восстание было подавлено ценой больших жертв.

Восстание в Тамбовской губернии, получившее название Антоновского, по имени его возглавителя, началось 15 августа 1920 года в селе Хитрово Тамбовского уезда.

Через четыре дня восставшие заняли большое богатое село Каменку Кирсановского уезда, где председатель губернского комитета Союза трудовых крестьян Плужников огласил цели восстания, носившие такой же антибольшевистский характер, как и цели Кронштадтского восстания.

Возглавил восстание Александр Степанович Антонов, уроженец села Инжавино, сын слесаря, кирсановского мещанина, член партии эс-эров.

Еще в августе 1918 года ЧК пыталась арестовать его, но неудачно.

Восстание 1920 года сразу же выдвинуло Антонова

на роль руководителя.

Восстание быстро распространялось по Тамбовской губернии. Появлялись все новые повстанческие полки, формировавшиеся по территориальному признаку. Отдельные отряды уже проникали в соседние губернии — Саратовскую, Воронежскую, Пензенскую.

С самого начала восстания начался ответный массовый террор.

1 сентября 1920 года оперштаб Тамбовской ЧК издал приказ:

”Провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом; если бандиты будут выступления продолжать, расстреливать их”.

5 сентября ”Тамбовские известия” сообщили о том, что каратели сожгли 5 сел, 7 сентября сообщили о расстреле 250 крестьян. В селе Елатье расстреляли 300 человек. Повсеместно брали заложниками женщин и детей и расстреливали их.

Несмотря на жесточайший красный террор, восстание все ширилось.

В дни наивысшего подъема повстанческого движения армии Антонова насчитывали от сорока до пятидесяти тысяч человек.

На борьбу с повстанцами бросали все новые и новые карательные части. В начале апреля Ленин послал в Тамбовскую губернию Тухачевского. В качестве его помощника направляется Уборевич. Против повстанцев сосредоточиваются крупные силы, в их числе: Молдаванская конная бригада Котовского, кавалерийская бригада Дмитренки, 14-я артиллерийская бригада, 2-я стрелковая бригада, 7 тысяч курсантов Московского и Орловского военных округов, части особого назначения (ЧОН) общей численностью до 7

тысяч человек, броневые и даже авиационные отряды.

Начались кровопролитные бои. После первых удач — уничтожения двух батальонов красных — военный успех склоняется на сторону численно превосходящего, лучше вооруженного противника, на сторону красных.

Ведется наступление всеми силами, которыми располагает красное командование, проводится массовый террор против населения, которое поддерживало повсеместно повстанцев. Нет у повстанцев и достаточно вооружения. Многие из них вооружены вилами и топорами.

К тому же на опустошенной карателями Тамбовщине начался голод.

К лету 1921 года основные силы повстанцев были разбиты. Сам Антонов, с небольшой группой соратников, скрывался еще долго.

24 июля 1922 года отряд Тамбовской ЧК окружил на окраине села Нижний Шибрйй избу крестьянки Катанасовой, где забаррикадировался Антонов со своим братом. Братья долго отстреливались, пока чекистам ни удалось поджечь избу. При попытке пробиться к лесу смертью храбрых пали русские антибольшевики Александр и Дмитрий Антоновы.

Зимой 1922 года было подавлено крестьянское восстание в Западной Сибири.

В январе 1923 года вспыхнуло восстание на среднем течении Иртыша, между городами Тобольск и Тара. Восстание началось одновременно в разных пунктах, на большом пространстве. Во главе восстания стоял крестьянин Ахмет Каримов. Как и Антоновское, это восстание было жестоко подавлено большевиками.

Восстания на наших окраинах, в Средней Азии и на Северном Кавказе, нужно рассматривать как события, не связанные организационно, что было одной из

причин поражений восстаний, но как части единого процесса сопротивления большевистскому режиму.

Басмачество, партизанское движение в Средней Азии, началось сразу же после установления советской власти и продолжалось, то затухая, то разгораясь, несколько лет.

В моем архиве есть свидетельство участника басмаческого движения, русского офицера А. И. Файтоса, записанное в Гамбурге, в 1948 году.

Вот что он рассказал о последнем этапе басмаческого движения, возглавленного Ибрагим Бекком.

Ибрагим Бек — по национальности турок. Кончил турецкую военную академию. В 1910 году перешел на службу к эмиру Бухарскому, владения которого, входившие в состав Российской Империи, охватывали Туркестан. С 1922 года в Афганистане началась организация басмачества. Во главе стоял Ибрагим Бек вместе с русскими офицерами: майором Черкашиным, есаулом Муратовым, ротмистром Васильевым, поручиком Толмачевым, подпоручиком Файтосом и другими.

В отрядах Ибрагим Бека было немало казаков.

В 1923 году Ибрагим Бек перешел границу в районе Термеза с 2.000 сабель. Через три месяца у него было уже 15.000 сабель.

Вооружение было главным образом трофейное. Отряды Ибрагим Бека принимали бой с регулярными частями Красной армии.

Целью движения было освобождение Бухарского эмирата. Лозунг движения: "За восстановление эмирата Бухарского и Белого царя".

Как свидетельствует Файтос, Ибрагим Бек "не допускал антирусских настроений" среди своих подчиненных, и мирное русское население басмачи не трогали. Пленных красноармейцев, русских, мобили-

зованных, или отпускали или предлагали им вступать в ряды басмачей. Красноармейцев местных, как правило добровольцев, расстреливали. С командирами тоже расправлялись беспощадно.

Кроме отрядов Ибрагим Бека на территории Туркестана оперировали еще: в Восточной Бухаре Амин-Дотхо — 8.000 сабель, от Термеза до Хивы — Бай Баджи, до 1.000 сабель, на Заравшанском хребте Абдурахман-Бек, до 3.000 сабель. Было много и мелких отрядов.

Басмаческое движение продолжалось и в годы коллективизации, когда силы Ибрагим Бека доходили до 25.000 сабель. В 1932 году Ибрагим Бек был убит. Басмаческое движение закончилось.

Подпоручик Файтос свидетельствует, что Ибрагим Бек был большим патриотом России. Был лично знаком с вел. князем Николаем Николаевичем. Под бухарским халатом носил полную генеральскую форму, подаренную ему императором Николаем Вторым в 1914 году. Императора боготворил. Всегда считался с мнением своих русских советников.

Восстания на Северном Кавказе — восстания черкесов, чеченцев, ингушей, осетин — начались сразу после захвата власти большевиками, продолжались и во время коллективизации, когда против повстанцев были брошены не только наземные войска, но и авиация.

Восстания времени коллективизации также охватывали почти всю территорию страны, как и восстания 20-х годов.

Сведения, имеющиеся в моем распоряжении, разумеется, неполные, но и тех сведений, которые есть, достаточно, чтобы представить себе размах борьбы народа, главным образом крестьянства.

Вот сведения о некоторых восстаниях из моего архива.

В 1948 году в Гамбурге А. М. Лихачев рассказал о восстании в Зырянском районе Томской области. Это было еще до начала коллективизации, в 1927 году. Восстание организовал бывший командир одного из партизанских отрядов, действовавших во время гражданской войны, Лубнов, после войны работавший в Зырянском волисполкоме. В листовках Лубнов обращался к населению с призывом подняться против советской власти. За два дня он собрал отряд в 600 человек, главным образом из татар, живущих по реке Чулым. Вооружены были повстанцы охотничьими ружьями. Началось восстание с захвата волисполкома и милиции. Продолжалось две недели.

На борьбу с повстанцами власти бросили милицию, войска ОГПУ, вооруженных коммунистов и бывших красных партизан. Подавили восстание с трудом, хотя татары, как рассказывал Лихачев, дрались плохо. Лубнов с частью своих людей пробился в тайгу, где долго скрывался.

В 1929 году было восстание в Павлоградском районе Днепропетровской области, в селах Богданово и Терновка. Восстание было подавлено артиллерийским полком, вызванным из Павлограда.

В 1930 году, весной, на масленицу, восстание в Любарском районе Винницкой области.

Эти сведения были получены мною от участника Павлоградского восстания — Н. П., в 1949 году.

Покойный невозвращенец, капитан Советской армии Борис Оршанский дал подробные сведения о сопротивлении коллективизации в 1929-30 годах в Землянском районе Воронежской области.

В 1938 году мне пришлось жить в Воронежской

области, где очевидцы рассказывали о восстании в 1930 году в Щученском районе Воронежской области.

По словам рассказчиков, восстание началось в большом селе Щучьем с ареста работников районного отдела НКВД и милиционеров. Затем восстали окрестные села. В течение двух недель весь район, удаленный от железной дороги (к тому же была распутица), находился в руках восставших крестьян.

Той же весной 1930 года город Кромы, Орловской области, был взят крестьянами. Это была массовая демонстрация, особый вид протеста. Из окрестных сёл в Кромы съехались тысячи крестьян. Толпы их окружили райком и райисполком, требуя, чтобы "отменили коллективизацию".

Власти, напуганные насмерть, обещали это сделать, предварительно снесясь с Орлом, чем и спасли свою жизнь. Их отпустили. Секретарь райкома и председатель райисполкома умчались в Орел. Из Орла прибыли войска и милиция, а с ними целая бригада агитаторов. После того, как крестьяне разъехались по домам, начались аресты, что вызвало ряд мелких восстаний, подавленных войсками.

В марте 1930 года мне самому пришлось быть свидетелем восстания в Верховском районе Орловской области, куда я, вместе с другими учениками старших классов средней школы, был послан в качестве "хунвейбина".

Это не шутка. Китайской "культурной революции" 60-х годов предшествовал советский "культурный поход" 30-х годов.

В декабре 1929 года учащиеся двух последних классов средних школ Орла были мобилизованы на три месяца и направлены в деревни для обучения неграмотных крестьян грамоте. Я попал в Верховской район,

в один из поселков Скородненского сельсовета. У нас с приятелем было две группы: группа мужиков и парней и группа баб и девок. Мне — по жребию — досталась женская группа. За три месяца мы научили своих подопечных кое-как читать и писать.

В марте 1930 года в большом селе Скородном и началось восстание.

Нас, культурмейцев — мы так назывались, что по-китайски и значит: "хунвейбины" — поспешили возвратиться в Орел. Но о восстании мы успели узнать подробности.

Восстание, а вернее короткий бунт, началось с того, что в закрытой незадолго до того церкви власти решили показать кинофильм, для чего установили нужную аппаратуру, кинопередвижку.

Вокруг церкви собралась огромная толпа. На сеанс никто не шел. Вдруг неизвестный на селе человек, поднятый на руках, крикнул толпе: "Православные, не дадим осквернить храм божий! За мной!"

Ворвавшаяся в церковь толпа выбросила и изломала кинопередвижку, помяла слегка кинооператора и приказала ему убираться подобру-поздорову. Затем двинулись к сельсовету и разгромили его. Председатель сельсовета, коммунист Кожевников, успел скрыться. Поймали сельского пропагандиста, заведующего избой-читальней, избача, и переломили ему ногу. Два дня в селе не было советской власти. Нагрянувший из Верховья отряд работников НКВД и милиции начал аресты.

Таких коротких восстаний-бунтов были сотни по всей стране.

Были и более значительные восстания. Об одном из них в 1951 году рассказал мне Семен Никитич Марченко, бывший свидетель на процессе Виктора

Кравченко в Париже, в 1949 году.

Семену Никитичу, опытному автомеханику, автоводителю, пришлось принять как бы косвенное участие в подавлении восстания в Ростовской области.

Вот его рассказ: "В 1932 году я работал главным механиком МТС (машинно-тракторной станции) в селе Матвеев Курган Ростовской области. Дело было в августе. Директор МТС Мочилин приказал мне доставить в распоряжение райкома грузовую машину с достаточным запасом бензина. "Дело — секретное", — предупредил он. Вечером я подал машину к зданию райкома. Вышли секретарь райкома Андрющенко и начальник райотдела НКВД Благодарный. С ними человек пятнадцать вооруженных работников НКВД и милиционеров. Погрузились. Мочилин сел со мной в кабину и сказал: "Давай на село". Поехали. Не доезжая сколько-то километров до села, остановились в степи. Мочилин и Андрющенко дают мне приказание: "Поезжай один, посмотри, что там делается, и назад сюда".

До села недалеко, километра три. В селе я бывал, и знакомые там были. Хорошо, еду по селу и вижу: бегут к правлению колхоза женщины, мужчины. Вдруг колокол ударил по колокольне: набат загудел. Подъезжаю к правлению колхоза и вижу: делят обобществленный уже было скот, разводят по домам. Подбегают ко мне двое, с дубинами. Один спрашивает: "Кто такой? Зачем приехал? Кто прислал?" — "Никто, — говорю не прислал, — знакомые у меня тут..." Остановил я машину, вышел Тут и знакомый мужик подошел. "Что, — спрашиваю, — у вас тут?" — "Колхоз делим... Конец колхозу!" Тут я узнал, что в подвале правления сидят коммунисты местные. Вереvками их повязали, но не тронули. Не знают, что с ними

делать. Опять подошел тот, что с дубиной. "Слышь ты, — говорит, — о том, что видел, молчи, понятно тебе?" Ну, конечно, я сказал, что буду молчать. Сам за руль и назад. Слава Богу, не остановили.

Вернулся я к своему начальству. "Что там видел, рассказывай!" Ну, я и сказал: "Бабы колхоз делят". — "Это мы знаем. Еще что видел?" — "Да больше, кажется, ничего..." Машину мою приказали в сторону от дороги поставить. Мотор выключить. Вижу, ждут чего-то. Не прошло и часу, слышу топот конницы со стороны Таганрога. Это примерно сорок километров.

Подъехали с сотню всадников. Началось совещание с командиром прибывшей конной части. Дали приказ. Красноармейцы спешили, рассыпались в цепь и вместе с нашими милиционерами начали окружать село. А уже ночь была, тихая, чудесная ночь. Слышу: набат опять загудел. Потом крики ура. Потом крики женщин донеслись. Стрельба началась. Было уже часов 12 ночи. Шум в селе продолжался еще часа два. Вернулись Андриющенко и Мочилин. Я спросил: "Как там положение?" Мочилин сказал: "27 человек арестовали, пленных освободили. А ты молчи, никому ни слова!" Конечно, я сказал, что буду молчать.

Через неделю узнал, что судили всех 27 человек. 14 человек присудили к расстрелу, а остальных — в концлагеря. Среди них и женщины".

В Иголковском районе Нижегородской области восстанием, начавшимся 20 июля 1931 года, было охвачено несколько сел: Оброчное, Тарханово, Болдасево, Пакулево, Новая Пуза, Старая Пуза и другие.

Летом 1931 года, как рассказывает свидетель, чтобы активизировать коллективизацию, власти начали отбирать у крестьян, не желающих вступать в колхозы, коров. Лошади уже были отобраны.

Вооруженные топорами и вилами и только некоторые охотничьими ружьями, крестьяне начали избивать коммунистов. В восстании, охватившем 20 деревень, было убито до 40 коммунистов. На подавление восстания из Саранска были брошены кавалерийские части НКВД. Восставших расстреливали десятками. После подавления восстания население нескольких деревень было согнано на железнодорожную станцию, посажено в эшелоны и увезено неизвестно куда.

Летом 1931 года было большое восстание в селе Егорлык Сальского района Ростовской области, перекинувшееся на другие села: Медвежье, Енушевку, Белоглинку.

Весной 1931 года большое восстание в Восточной Сибири, на Ангаре. Восстание охватило площадь в 3.000 квадратных километров.

И снова восстания на Северном Кавказе, в частности в Кабарде в том же 1931 году. Затем восстание в Калмыцкой степи.

Самым значительным восстанием эпохи коллективизации было *Алтайское* восстание 1930-34 годов.

Рассказ об Алтайском восстании записан мною со слов человека, побывавшего на Алтае сразу же после подавления восстания, лично знавшего многих уцелевших участников восстания.

Возглавлял восстание Георгий Константинович Карнаухов, в недалеком прошлом предводитель одного из партизанских отрядов, действовавших в тылу армий Колчака. Коммунистом Карнаухов не был. Считал себя близким к эс-эрам.

Увлечшийся, как видно, после окончания гражданской войны, идеей освобождения от коммунизма, Карнаухов еще в 1927 году начал рас-

сылать доверенных лиц в разные места Сибири, Дальнего Востока, Урала, Северной России. Человек замкнутый, суровый, волевой и бесстрашный, Карнаухов почти никого не посвящал в свои планы. И когда началось восстание, многие думали, что это только часть общего плана ряда восстаний.

Был ли этот общий план, сказать трудно: эту тайну Карнаухов унес с собой в преждевременную могилу. Есть основания предполагать, как считает человек, о восстании рассказавший, что Карнаухов посылал гонцов и к басмачам, и на Кавказ, где уже шли восстания.

Началось Алтайское восстание осенью 1930 года в районе Абая. В этих глухих и гористых местах скопилось до 12.000 человек, из которых и формировались повстанческие отряды. Непосредственной причиной восстания была коллективизация, но дополнительную психологическую роль сыграли и слухи о восстаниях на Кавказе и в Средней Азии.

На охваченную восстанием территорию зимой и весной 1931 года со всех сторон стекался народ. Все расширялась территория, где шла подготовка к свержению советской власти. Местные советы разгонялись и заменялись выборными старостами. В селах и станицах Сибирского казачьего войска существовали и советы старейшин, стариков.

Во второй половине 1931 года движение стало распространяться в сторону Бийска и Барнаула, а также на юг, к Алма-Ате.

Карнаухов явно ставил себе всероссийские цели, но для этого не было достаточно военных сил, не было оружия, а также и положительной программы. Только негативный лозунг: "Долой советскую власть!" был недостаточен для широко задуманного движения.

Движение стало распадаться на отдельные части.

Число карательных войск все возрастало. Повстанцы терпели поражение за поражением.

В 1934 году движение снова вспыхнуло, но скоро было подавлено.

Таков краткий очерк истории борьбы народа против коммунистического режима в первые 14 лет большевистского режима.

Стихийность борьбы, разрозненность отдельных выступлений и отсутствие сведений о выступлениях в других частях страны, а следовательно и отсутствие единого руководящего центра, способного координировать и направлять отдельные выступления против режима, — вот одна из причин, может быть, основная причина, поражения разрозненных восстаний и выступлений.

Сыграла свою роль и жестокость тоталитарного коммунистического режима, основанного на подавлении человеческой личности, на способности мобилизовать все силы на защиту антинародного режима.

Тем не менее историческое значение восстаний велико. Они свидетельствуют о том, что народ, в активной части своей, всегда противостоял режиму, не принимая его.

Г. Андреев

ОБ УРОКАХ НЕ ТОЛЬКО ОКТЯБРЯ

Записки эмигранта

Обстоятельной и убедительной истории революции 1917 года не написано и нельзя надеяться, что это может произойти в обозримом будущем. Советские "истории" представляют собой своего рода мифологию, где крупницы действительно бывшего густо заправлены легендами, ради вящего прославления "славных дел победоносной коммунистической партии". А многие объяснения, данные в эмиграции руководителями и активными деятелями других политических партий, написаны под влиянием их поражения и обременены оправданиями этих деятелей, почему, будто бы неизбежно, случилось так и иначе случиться не могло.

Что из этих писаний пригодится будущим историкам для наиболее полного изображения совершавшегося тогда, никто не скажет. Между тем, в судьбоносных тех событиях многое остается не вскрытым, не освещенным, хотя опыт того времени мог бы послужить будущему решению судеб России и всего мира. Не пытаюсь "объять необъятное", коснемся некоторых фактов, в виде лишь иллюстрации к теме.

3 апреля (ст. стиля) 1917 года в Петроград прибыл, с помощью немецкого правительства, вождь большевиков Ленин. Приверженцы его постарались устроить ему "достойную" встречу и привлекли к ней всех, кого могли. Всё же толпа у Финляндского вокзала оказалась жидкой, совсем не такой, какую потом,

пером и кистью, изобразили пропагандисты, называя встречу грандиозной и исторической.

Ленина взгромодили на броневик, который видели только близстоявшие. Взмахивая ручкой, вождь пролетариата что-то кричал, мало кем услышанное, как говорили свидетели (когда еще можно было говорить. Рассказ свидетеля об этом я слышал на Соловках), — это нечто нарекли потом тоже "историческим".

Но приверженцы Ленина услышали его — и были охвачены смятением, отразившимся и в печати тех дней. Они говорили, что Ленин, долго прожив вне России, не знает, что происходит в ней, не знает настроений народа и "революционных масс", т. е. членов революционных партий.

А настроения эти были примечательными. В них преобладала радость, что, хотя и не очень стараниями революционеров, самодержавие в России упразднено и, по общему их мнению, путь к самым радикальным преобразованиям теперь открыт. Ничто, по убеждению лидеров революционных партий, не может больше помешать установлению народовластия, демократического правления, с участием всех этих партий. В Совете, где все они были представлены, царил дух единодушия, которым были охвачены и большевики. Молотов, Зиновьев, только что вернувшийся из ссылки Сталин и другие "цекисты" совсем не считали эсэров, трудовиков, анархистов и представителей других социалистических партий и группировок своими врагами, — тогда как Ленин, с броневика, звал к борьбе за власть своей партии, что резко противоречило господствовавшему в Петрограде в революционной среде общим мирным настроениям. И к призывам Ленина даже большевики-цекисты отнеслись как к непонятной странности, если не к чудачеству.

На другой день открылась Седьмая ("апрельская") Всероссийская конференция РСДРП(б), — тоже, конечно, "историческая". Ленин выступил на ней с известными (надо ли уточнять, что "историческими"?) "Апрельскими тезисами", — расширенным текстом его речи с броневика. Ленин требовал превращения революции в "социальную", с передачей власти Советам, в которых большевики должны получить преобладание, — он уже прямо звал к захвату власти. Чтобы не оставлять сомнения в полном разрыве с демократическим прикрытием, он предложил назвать партию коммунистической (что до конца провел потом Сталин, спустя 30 с лишним лет) и создать Коминтерн, подчеркивая интернациональную направленность партии.

Аплодисментами Ленина не прерывали: его слушали с не меньшим недоумением, чем накануне у Финляндского вокзала. Выступили с возражениями; его предложения о переименовании партии и о создании Коминтерна тогда не прошли. И "генеральная линия" на захват власти одобрения не получила, — намеченное для этого проводилось потом Лениным явочным порядком в текущей работе партии. Кстати, после появления Ленина в петроградском Совете атмосфера в нём стала быстро накаляться и от недавнего единодушия скоро не осталось и следа.

Через 20 лет, в борьбе за окончательное утверждение своей единоличной власти, Сталин на "московских процессах" приказал обвинить Зиновьева, Каменева и других в несогласии с Лениным в 1917 году и в противодействии ему, за что они были записаны даже в разряд "агентов империализма". Но и сам Сталин, и живой еще Молотов и другие вожди тоже не были согласны тогда с Лениным и подчинились ему

против своей воли.

На апрельской конференции РСДРП(б) Ленин потерпел поражение и остался почти в одиночестве. Но от своих притязаний он не отрекся и стал проводить их так, что и несогласным пришлось потом примкнуть к нему. В октябре того же года его предложение о вооруженном восстании и захвате власти тоже не было принято большинством цекистов.

Вероятно в особенности эти два факта побудили потом исследователей объявить, что Ленин был главным "двигателем, мотором большевистской революции" и что без Ленина октябрьского переворота не было бы вообще. Это утверждал, например, член РСДРП меньшевик Давид Шуб, в его большой работе о Ленине, — Шуб приехал в Петроград из Америки, летом 1917 года и был участником тех событий (ему удалось вскоре вернуться в Америку, где он и умер, несколько лет назад). Не так категорически, но писал об этом и американский историк Луи Фишер, в обстоятельном и хорошо аргументированном труде о Ленине.

Эти утверждения встречаются и в других работах, вырстая в преобладающее мнение, дающее полную возможность присоединиться к нему. И считать, что без Ленина, этого главного мотора большевизма, октябрьского переворота не было бы.

Но это заключение лишает всякой силы упорные уверения лидеров других политических партий, как и духовных прорицателей того времени (например, Бердяева) в том, что главные черты характера русского народа не допускали ограничения революции Февралем и он будто бы неминуемо должен был вылиться в Октябрь. По этим уверениям, народная стихия не могла остаться в берегах неведомого ей демократиче-

ского порядка и должна была выхлестнуться, залив все попытки её сдержать, — отсюда и Октябрь. Говорившие это, правда, забывали уточнять, да были ли хоть сколько-нибудь серьезные попытки "стихию" сдержать?

Октябрьский переворот был всецело организованным действием, в котором стихии была отведена малая и подчиненная роль, — так, чтобы в какой-то момент её можно было унять или направить в другое русло, на другие цели, потребные "главному мотору" и его штабу. Разговоры о безудержности стихии в октябре (как и в феврале) — неосновательная болтовня, которой до самозабвения любила предаваться наша левая интеллигенция, пугая (и стараясь посылно оправдать) себя.

Попутно не мешает сказать о такой тоже пугающей детали: уже летом 1917 года, до октября, в ряде мест крестьяне громили помещичьи усадьбы. Это тоже изображалось в апокалипсических тонах и выдавалось за неостановимую безудержность стихии. Но вот что любопытно: погромы были далеко не везде, а в некоторых местах, начавшись, они быстро прекратились, остановленные самими же крестьянами. Напуганные обычно не старались разобраться в том, что происходило в деревне: всё валили на "безудержную стихию". Происходило же следующее: там, где появлялись распропагандированные "фронтовики" (ушедшие самовольно с фронта солдаты), — там, как правило, начинались погромы и убийства, если, к тому же, на месте не оказывалось стариков, хозяйственных крестьян, по которым привыкла равняться деревня. Иначе говоря: без "активистов" погромы большевизм не вспыхивал и стихия отнюдь не собиралась просыпаться.

Между прочим, в последние два года в зарубежной прессе появились воспоминания ряда теперь уже старых, а тогда молодых людей, живших в дворянских усадьбах родителей, — из разных мест России, все они, не сговариваясь, писали, что в "разгул" революции их никто не трогал и усадьбы их разгрому не подвергались. О таком я слышал и в концлагере, где интересовался течением революции. Но вот в Мюнхене не раз случалось говорить с Ф.А. Степуном, очень даже не

свободным от левоинтеллигентских увлечений, — он любил изображать годы революции в деревне именно в безудержном разгуле стихии, в кровавом огне пожаров и чуть ли не в реках крови. Но нас же не тронули, — возражал я ему. Он отвечал, что у них было малое имение, недавно купленное родителями: они не были местными помещиками и ничем не успели досадить крестьянам. Не раз рассказывал он и жуткую историю (любил такие жуткие истории) о том, как крестьяне пришли к "разумному" выводу, что старушку-помещицу надо убить, нельзя ее оставлять жить: вдруг власть сменится, она засудит их за награбленное у нее, — старушку убили. Всё вроде бы совершалось, как предсказал когда-то Герцен, — не помню точно известных его слов, что, дескать, отольются помещикам все пролитые крестьянами слезы, все помещицы издевательства и т. п. И здесь как бы забывалось, при всей любви ссылаться на те или иные черты русского характера, что как раз мстительности, да еще до седьмого или какого там другого колена, в чертах русского человека нет, — хотя "активисты" Ленина, конечно, старались разжечь у него и использовать любые мотивы недовольства.

Страсть к "красному" словцу крепко сидела у наших "прогрессистов", отравляя их сознание. Гершензон в "Вехах" придумал, что интеллигенция должна быть благодарна власти "за то, что она своими штыками и нагайками охраняет нас от слепой ярости народа", — но откуда взялась эта ярость, по его представлению вероятно постоянно kloкочущая и грозящая чуть что вырваться и залить всё вокруг? В любом народе всегда есть деструктивные силы, которые можно разбудить, зажечь, на что потребны "активисты" и подходящие условия. И у всех есть "штыки и нагайки", необходимые, чтобы при случае не дать этим силам разбушеваться. Но только у нас, у наших левых представления были таковы, что силы порядка — противозаконны! Впрочем, теперь это мнение распространено по всему свету.

Еще крылатое словцо. Мережковский передал его, как сказанное будто бы Победоносцевым: "Россия — ледяная пустыня, по которой ходит лихой человек". Но для Победоносцева эта фраза не характерна, в его словарь не вмещается, — а по сребровековому Мережковскому вылита как по мерке! По себе наверно скроил её он. Между тем, ни ледяной пустыней, ни лихим человеком в России конца прошлого и начала нынешнего веков и не пахло. Но поди ж ты, любили наши левые подобные крылатые слова, окончательно путая ими свое сознание, и в критические моменты оказывались совсем неспособными трезво оценивать обстановку.

Вернемся к "мотору". В хаосе левого сознания всё же нашлись тогда люди, верно разгадавшие стремления "мотора" и возможные последствия: они как бы увидели будущий Октябрь. И потому уже в мае потребовали ареста Ленина и предания суду, за помощь ему прямого врага — немцев. Требования были верны: требовавшие хотели изолировать Ленина, чтобы не было Октября.

Временное правительство не решилось это сделать. Было только начато следствие, которое могло тянуться и год.

Ленин может быть и поэтому торопился: уже в начале июня большевики провели демонстрацию, под лозунгами "Долой войну" (как раз началось летнее наступление русской армии, — Ленин старался его сорвать, выполняя обязательства перед немецким генштабом), "Долой Временное правительство" и "Вся власть советам". Демонстрация большого внимания не привлекла, — тогда, уже в июле, большевики выступили с попыткой восстания, которое правительством было подавлено. Только после этого был дан приказ об аресте Ленина (тогда был арестован и Троцкий, но вскоре выпущен из тюрьмы), оставшийся не выполненным: через некоторое время Ленин скрылся в Финляндию.

В то же время в петроградском Совете поднялась буря протестов против попыток арестовать Ленина: протестовали и друзья, и враги его. Одним из самых энергичных протестантов выступил — глава народников, которых столько громил в своих брошюрах Ленин: возглавитель партии социалистов-революционеров Виктор Чернов. Ему, как и другим социалистам, это казалось предательством революции: арестовать одного из революционеров-социалистов! Сказался

отзвук еще дореволюционных настроений, когда, в борьбе с монархией все русские революционеры видели себя едиными. На экстремизм Ленина его социалистические спасители внимания не обращали: одно дело, казалось им, убеждения, слова, а другое — то, что они все боролись будто бы за одну цель.

Чернов был не только принципиальным, но и отважным человеком. После разгона Лениным Учредительного собрания, председателем которого был Чернов, ему пришлось сразу же уйти в подполье и до выезда за границу скрываться. Летом 1918 года в Москве, в зале Консерватории была "встреча" английской делегации тред-юнионов с русскими социалистами, — на ней неожиданно выступил Чернов с горячей речью, разоблачающей обман и насилие большевиков. Англичане слушали восторженно и хотели знать, кто выступал. Чернов вышел к рампе и сказал:

— Я — Виктор Чернов. — Раздался гром аплодисментов, англичане бросились к сцене, — туда же рвались и заплечных дел молодцы Дзержинского, дежурившие в зале. Друзья Чернова окружили его плотным кольцом, толпой ушли с ним за кулисы и вывели на улицу, где он поспешил скрыться. Отваги у него хватало, — а вот отказаться от заблуждений по поводу "общности борьбы социалистов" смелости не нашлось. И в воспоминаниях его нет признания своей неправоты или ошибочности поведения в годы несчастной революции.

Партия эсэров вообще продемонстрировала в 1917 году удивительную беспомощность и полное отсутствие умения политического действия. Она была численно самой большой в России, её ячейки и отдельные члены партии были в каждом городе и в каждом

селе. Но все они были "сами по себе" и совершенно не связаны друг с другом. Принято обвинять русских в отсутствии демократизма и приверженности чуть ли не к стадности, — эсэры словно задались целью доказать обратное. У этой многочисленной партии не было и следа организации, она словно вся распадалась на отдельных членов и была каким-то студнем. К лету 1918 года они спохватились, во многих городах вспыхнули отдельные восстания, поднятые эсэрами, но было уже поздно: средства связи были в руках большевиков, уже были созданы части Красной армии и поднятые наспех восстания были жестоко подавлены. Ленин, как известно, никакими сентиментами по поводу общности социалистов не страдал.⁴

Большевиков было совсем мало, их мелкие ячейки были далеко не везде. Но Ленин организовал свою партию на военный образец и его ячейки с первого дня захвата власти стали получать приказы из центра, — ни распушенностью, ни прекраснодушием Ленин не отличался, почему и победил своих врагов, далеко не всегда понимавших, что он им враг.

Противники Ленина отличались крайней слабостью. Временному правительству, постоянно менявшему свой состав, к осени 1917 года удалось достичь того, что в столице у него не осталось ни одной

* В прошлом году один из известных на Западе антикоммунистов в виде исчерпывающей характеристики написал о Ленине, что он был утопистом, видимо не понимая, что сказать так о Ленине — значит по существу его оправдать. Каждый революционер — утопист, но Ленин не был только революционером. Для России и ее народов он был еще невиданным в мире чудовищем. На Западе видимо так и не хотят дать себе труд понять, что марксизм-ленинизм — не локальная русская болезнь, а мировое средство самоуничтожения народов, и средство чудовищной силы.

верной воинской части. Был последний шанс: договориться с Корниловым (который никак не был "реакционером"), — но как же может левый, социалист, сойтись с генералом! Для Керенского это казалось, возможно, позором, предательством идеи, которой он служил, — он предпочел предать Россию.

Керенский за десятилетия эмиграции написал десятки статей, — но так и не объяснил, о чем шел у него разговор с генералом Крымовым; командиром казачьего корпуса, двинутым к Петрограду для защиты правительства. Известно, что выйдя из кабинета Керенского, Крымов застрелился, — Керенский свой полувоенный френч договоренностью с генералом не "осквернил" (также поступают левые, на Западе, и теперь: генерал для них хуже чёрта, — психология левых не меняется).

Временное правительство осталось под защитой кучки безусых юнкеров и части женского батальона. Керенский метнулся в Гатчину, — там в это время был граф Зубов, искусствовед, приводивший в порядок художественные ценности гатчинского дворца. Он был свидетелем поведения там Керенского, — отваги у первого министра едва хватило на то, чтобы спасти самого себя.

Между тем, вопреки паникерским заявлениям о том, что "Октябрь" в силу характера русского народа будто бы был неизбежен, из-за неостановимости мнимого разгула стихии, которую не трудно было сдерживать, демократический режим новой республики мог укрепиться. Конечно, он не был бы идеальным и жизнь в стране в мирное русло вошла бы еще не скоро, но умопомрачение ленинщины было бы предотвращено. По всему ходу событий в те месяцы это умопомрачение могло быть не допущено, — но силенок у керенских, повторяю, хватило только на собственное

спасение.

Ныне как-то непонятно: люди, взявшиеся решать судьбы России со всем ее многомиллионным населением, оказались до умопомрачения неумелыми и несмелыми, если не говорить — трусами. В зал заседания "Совета Российской Республики" 25 октября входит несколько вооруженных солдат и предлагает заседающим покинуть помещение. И высокие сановники покорно покидают зал, без намека на сопротивление.

Учредительное собрание разогнано (тоже что-то странное на нынешний взгляд: не удосужились даже поставить охрану. А разогнал Собрание какой-то полувзвод солдат), — высокие избранники народа тоже послушно подчинились. Потом собрали демонстрацию протеста. Народа собралось много, Невский запрудили сплошь. Но вот путь преградил патруль: несколько солдат с винтовками, предложили "разойтись". Один из руководителей гордо заявил: Мы подчинимся только насилию... Патрульный потряс винтовкой и сказал: Это и есть насилие... Аргумент подействовал: демонстрация разошлась.

Таких анекдотов было в те дни множество. Печальных, трагических, но всё же анекдотов. Видимо потому, что на одной стороне была полная растерянность, слепота, незнание, что надо делать и как, — а на другой злая, животная воля к власти, к насилию, жестокость и безжалостность.

Бестолковщины с избытком было проявлено и в февральскую революцию, которую впрочем и революцией не назовешь. Какие революционеры свергли самодержавие? Роль их взяли исполнять почтенные возглавители Государственной Думы. Предложение об отречении царю предъявила делегация Думы, — а в делегации были даже убежденные монархисты.

Значит, не революционеры убрали монарха, а монархисты?

В обход Ставки главнокомандования председатель Думы Родзянко послал командующим фронтами тревожную телеграмму, что в столице волнения, бунт, с которым правительство не может справиться. Телеграмма, по мнению знавших положение дел, была лживая, чересчур паникерская. Но командующие, заслуженные генералы, эти будто бы верные слуги царю и отечеству, пересылая её в Ставку, соглашались с крамольным её духом, тем самым отказывая монарху в политической поддержке. Кто же упразднил самодержавие, как не его же слуги?

Государь, вручив думской делегации манифест отречения от престола, записал ночью в дневнике: кругом измена, трусость и обман. Глава огромной страны оказался оставленным всеми. Много ли в этом были виноваты революционеры? Они сто лет "расшатывали устои" трона, — а свалили его самые благонамеренные мужи. Революционеры уже не имели надежды на успех и сам "мотор" накануне с горечью говорил, что до революции ему не дожить. И вдруг её преподнесли ему как на блюде — те, кого он ненавидел не меньше, чем царя.

Теперь читаешь иногда: волнения в столице не были страшны, ту же роту Волынского полка легко было усмирить. Да, так оно и было. Но не нашлось никого, кто был бы способен собрать в столице силы защиты порядка. Их пытались послать извне: Царь приказал послать в Петроград генерала Иванова с большим отрядом георгиевских кавалеров, — отряд не смог добраться до столицы. Вряд ли это было выше сил военных, — но силы у них не нашлось.

Глава Союза Русского Народа (по устройству

чайных) Дубровин произносил громовые речи, уверяя, что народ горой стоит за монархию и стеной встанет на ее защиту — пусть лучше не пытаются! Воспоминания об этих угрозах живы у потомков левых того времени даже до наших дней и вызывают у них дрожь в поджилках. А когда встал вопрос об отречении, Дубровин и другие вожди будто бы ужасающего союза исчезли куда-то без остатка и ни один страшный дворник или ломовой извозчик не показался, чтобы защитить гонимого царя. В стране тысячелетней монархии не оказалось никаких организованных сил, способных монархию защитить. Она осталась бездомной и беззащитной — это ли не урок!

Больше двухсот лет, с петровских времен, Россией правил и вёл её дворянско-помещичий слой. Он много дал России: возвеличил её, вывел в первый ряд европейских стран. Влекущая к себе мир русская культура XIX века — дворянская культура. И крепостничество, рабское состояние множества крестьян всем этим было как-то "окуплено", оправдано. Но отмена крепостного права подрезала дворянство: справиться с этим и остаться первой силой оно не могло. Наверх стал выходить "разночинец", совсем не имевший опыта в государственном деле, — а дряхлеющее дворянство пускать его к рулю управления было не склонно, хотя само оно держать этот руль было уже не в состоянии.

Так, в самых общих, грубых чертах, и сумели предать, вроде бы общими силами, и монархию, и Россию. Для возрождения и нужно знать опыт, заключенный в деталях страшного не только для нас предательства.

И постараться, понятно, ни при каких обстоятельствах его не повторять.

От вздора не спасешься

Заехал старый друг, на лице недоумение:

— Что это вам, Г. А., работы мало, еще на себя берете?

— ???

— Да вот, в газете (ньюйоркское "Новое Русское Слово" за 26 мая), читайте: "редакционно-издательская комиссия — Г. Андреев..."

— Это не я. По старой журналистской этике этому лицу надо было бы писать "Г. Андреев-второй". Или как иначе. Но кто же теперь считается с этикой: народ теперь свободный.

— Но как-то неудобно. Путаница и неясность.

— Это нам кажется неудобным. А им может в самый раз.

— Но может он не знает о вас?

— Знает, даже специально объясняли. Как-то Андреев-второй предъявил претензию парижской "Русской мысли", что путают дескать: написанное "каким-то Андреевым" приписано ему. Редакция объяснила, что в газете сотрудничает еще один Андреев, но второму это может быть без внимания. Мне менять подпись не к чему: вы знаете, что я так подписываюсь с 1946 года, когда Андреев-второй, может быть, еще под стол пешком ходил.

— Может и вам написанное им приписывают? Читал недавно, что вы какую-то ерунду о Лермонтове написали...

— Это не я, а второй.

— Я же говорю, путаница одна.

— А я повторю, что может быть это по твердой привычке к ней. Вы показываете мне "Декларацию учредителей демократического объединения", созда-

ваемого, — вот, написано — эмигрантами из СССР. Я тоже эмигрант, но никакого отношения к этому делу не имею. Может, говорю, по привычке, хотя и скверной: "там" полагается вещать, что за ними "весь советский народ", да еще "как один человек", — стараются за широкую спину спрятаться, а здесь — за всю эмиграцию. У нас всё же как-то чище было. Помните, к 50-м годам набралось довольно много "новейших", создали они своё объединение, так и назвали: Объединение послевоенных эмигрантов. Всем всё ясно. А тут по привычке: "весь советский народ!" А отвыкнешь не сразу. Наверно по той же причине "третьи" всё еще склонны видеть только самих себя и ничего больше не замечать. Даже вон до чего додумались: будто до них никакой русской литературы за рубежом не было. Ни Бунина, ни Зайцева, ни Шмелева, ни Мережковского, ни Алданова, ни Адамовича, ни Ходасевича, упоминая лишь не всех и из "старой гвардии", писателей "первого призыва". Никого — чистое поле, на котором только третьи начали выводить некие узоры. Чепуха, конечно, вздор, но кому-то этот вздор понадобился...

ИКОНА В ПАМЯТЬ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ И ЮНЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Еще все наверно помнят, что в первую мировую войну Франция и Россия воевали в союзе против Германии. Помнят и о том, что в трудный период кровопролитных боев, Франция обратилась к Государю с просьбой прислать в помощь русские войска. Россия снарядила и послала во Францию Русский экспедиционный корпус, который высадился в Марселе и был встречен там французами с большой радостью.

Часть этого корпуса направили на Македонский фронт, а другую в Шампань, где происходили ожесточенные бои. Штаб русской бригады был в Мурмелоне. Там до сих пор еще есть глубокий блиндаж — пост командира стоявшей тут части. Там же в поле, за городом, образовалось русское военное кладбище, где похоронена тысяча русских солдат. Это далеко не все павшие на полях Франции: многие разбросаны по разным громадным военным кладбищам в Шампани.

Около этих могил, по почину Архимандрита Алексея, возник в 1932 г. русский православный скит Всех Святых в Земле Российской просиявших. Скит был очень бедный, как и его настоятель и три монаха. Вскоре умер отец Алексей, затем в разное время два монаха и остался один о. Иов, при котором скит постепенно оправился и устроился благодаря помощи русских людей, почитателей скита. В 1934 г. скит дал приют, во время весенних школьных каникул, витязям и вожатым (русским скаутам), которые с тех пор и стали приезжать с благословения архимандрита ежегодно.

Вскоре около этого кладбища, по почину Союза Офицеров Русского Экспедиционного Корпуса, на средства, собранные известным в то время общественным деятелем Михаилом Михайловичем Федоровым, был построен красивый Храм-Памятник. Торжественное освящение Храма-Памятника состоялось в июне 1937 года при большом стечении паломников и ознаменовалось большим местным торжеством. Союзу ветеранов пришла счастливая мысль привлечь внимание русских детей и молодежи и на торжестве были значительно представлены все действовавшие тогда организации молодежи.

В 1955 году Национальная организация Витязей постановила соорудить икону в память убиенного Цесаревича Алексея Николаевича и юных добровольцев белого движения и, с благословения настоятеля скита, там, около могил русских воинов, павших под трехцветным знаменем, установить икону навсегда, с неугасимой лампадой. Икона была заказана известному изографу Георгию Вадимовичу Морозову. Прекрасно исполненный большой образ был вручен Организации, — описание торжества мы приводим из архива Организации за 1957 год.

В воскресенье 22-го мая 1957 г., в Париже, в Александро-Невском Соборе на рю Дарю, икона была торжественно освящена.

Его Преосвященство, Преосвященный владыка Владимир принял ее с любовью и вниманием. День освящения иконы совпал с назначенной на этот день, Союзом Ревнителей Памяти ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го, панихидой по Государе. Собор был переполнен молящимися. Было много молодых лиц. По

окончании литургии о. Григорий Ломако, настоятель Собора, выходя вместе с Владыкой, вынес на амвон освященную икону, показал ее народу и объяснил, по какому случаю и кем она была сооружена. Затем ее положили на аналой рядом с иконой св. Николая. Перед ними была отслужена панихида. По окончании панихиды молящиеся прикладывались к ней. Во время панихиды специальный наряд витязей и вожатых стоял по обе стороны. По окончании службы, во дворе собора была проведена церемония выноса знамени с пением гимна, на которой присутствовало много людей. Владыка благословил Гл. Начальника Организации перевезти св. Икону в Мурмелон, в скит всех святых в земле Российской просиявших, что в Мурмелоне, на могилах русских воинов.

Водружение св. Иконы в скиту, в порядке паломничества, было задумано одновременно с мыслью о сооружении памятной Иконы. Мысль же о памятной иконе была подана статьей в газете "Русская Мысль" от 25.2.1955 года, которая оканчивалась так: "...Ген. Деникин в 'Очерках' окончил описание Кубанского Похода такими словами: 'Когда над бедной нашей страной почиет мир и всепрощающее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, *кто первыми* поднялись на защиту России от красной опасности'. — Тогда м. б. вспомнят и 'малышей' и соорудят им памятник — 'неизвестному малышу'. С тех пор, как 'малыши' переходили Лабу, прошло тридцать семь лет. Никто никакого памятника пока им не поставил". Покойный писатель и Почетный Витязь И. С. Лукаш в своей книге о "Дроздовцах" закончил один из рассказов *о мальчиках в огне* следующими словами: "РОССИЯ МОЛОДАЯ БЫЛА С НАМИ В ОГНЕ. НЕОБЫЧАЙНО СВЕТЛА И

ПРЕКРАСНА БЫЛА В ОГНЕ ЭТА РОССИЯ. ТАКОЙ НИКОГДА И НЕ БЫЛО, КАК ТА, ПОД БОЕВЫМИ ЗНАМЕНАМИ, С ДЕТЬМИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ... ТА РОССИЯ, ПРОСИЯВШАЯ В ОГНЕ, ЕЩЕ БУДЕТ. ДЛЯ ВСЕГО БУДУЩЕГО ТА РОССИЯ, РОССИЯ БЕДНЯКОВ-ОФИЦЕРОВ И ВОИНОВ-МАЛЬЧУГАНОВ, СТАНЕТ РУССКОЙ СВЯТЫНЕЙ, СКИНИЕЙ ЗАВЕТА". — В то же время и в гимне Витязей, который поется ими, всегда есть слова: "и помнить могилы тех славных, что отдали жизнь за нее". Вот все это вместе и воодушевило витязей Зарубежной Руси посильно отметить подвиг той детворы и молодежи, которая, защищая честь России, шла в бой с той же трехцветной, национальной русской лентой на рукаве, что и современные наши витязи носят как знак, отличающий их звание и как символ связи с Белым Движением прошлого и будущего.

К.

Ив. Шмелев

К РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ

Славные русские девушки!

Ваше обращение ко мне за добрым словом напутствия и смутило и обрадовало меня. Я не смею считать себя "духовным вождем": я только писатель, и отвечу вам, как ответил бы друзьям-читателям, сердечно мне близким, — искренне отвечу. Обрадовало же потому, что почувствовалась мне в вашем письме душевная потребность — вдумчиво относиться к жизни, как бы перекреститься, в нее вступая. Эта серьезность на заре жизни — следствие пережитого, *нашего*, русского страдания. Страдание углубляет, умудряет. И в этом уже залог будущих нравственных побед. Это уже и теперь — победа.

Были времена — и были у русской молодежи "мучительные" вопросы и запросы, идеалы, искания. Русская душа — жаждущая душа, ищущая *дела*, подвига, душа стремительная и страстная. Русская молодежь была всегда беспокойна духом, пытлива, идеалистична, порывиста неудержимо в исканиях лучшего — *для всех*. Выбирала себе "вождей" и, увлеченная, шла за ними, порой безоглядно. Это было тогда, когда была сильная Россия, богатейшая и материально, и духовно; счастливая, что бы там иные

Ответ Ив. Шмелева на письмо воспитанниц выпускного класса Мариинского Донского института в Белой Церкви, Югославия, летом 1928 года. Оно интересно и как свидетельство о настроениях, владевших тогда большей частью эмиграции. К публикации подготовил дьякон Сергей Женук.

ни говорили, *вся* счастливая, имевшая налицо все данные для блага *всего* народа, имевшая все возможности, в путях духовного и материально-культурного роста своего, явиться примером для всех народов. И она осуществляла эти возможности. Это предрекали ей великие наши духовидцы. Теперь это прошлое — становится уже очевидным. Но наряду с *верными* водителями влияли и водители ложные, смотревшие куда-то *за* Россию, поверх России, задававшие целями наднациональными, увлекающими "великими" горизонтами и прельстившие многих, проглядевших негромкое, но великое дело "дня сего", не манившее блеском молний далеких горизонтов, — дело укрепления и создания *нации, своей нации, себя еще не сознавшей и потому совершенно неготовой на "мировое дело"*. И вот, чудеснейшие, идеальнейшие свойства *парящей русской души, кипевшие в русской даже мало-мальски культурной молодежи, совершенно не постигавшей огромного целого — народа, великого неокультурного ядра, — способствовали невольно великому разгрому, разоренью, растлению России, временному омертвлению ее, утрате ее для многих, ее даже не узнавших.*

И вот, новая русская молодежь... и снова ищет! Как же не радоваться, что вы, юные, новая поросль русская, после таких испытаний, таких блужданий по чужим мировым дорогам, после стольких утрат, после *таких* ударов по вашим юным, по вашим нежным и неокрепшим душам, какие не выпадали на долю никакого из других народов нашей истории, — вы живы духом, вы всматриваетесь пытливо в жизнь, не отвергаете ее, так незаслуженно-неповинно вас побившую; хотите вступить в нее так благоговейно, хотите понять ответственность и назначение свое в ней, *верите* в нее,

упоуете, что она примет вас и назначит *дело*, которое вы выполните свято. Это скрыто в вашем письме ко мне, но выговорено это в одном вашем простом, но чудесном слове — *напутствие!*

В добрый путь, милые русские девушки... в добрый и светлый путь! Я знаю, знаю, что копите вы в себе смелую волю к жизни. Я верю, что первой вашей думой о жизни, вам открывающейся, самой глубокой и затаенной думой, думой-целью, — является вам *родное*, русское, мысль о неизвестной родине, — о неизвестной чувствами внешними, но чуемой-знаемой душой, — о возвратимой России, *нашей*, истинной, заложенной в нас от предков, святой и чистой, *омывшейся от грехов* России! И потому-то вы, на пороге ли высшей школы или жизни самостоятельной, трудной от бесприютя, наученные страданиями, ищите доброго напутствия и совета. Идите, благословясь. Я слышу в ваших простых словах — голос исканий. Не угас русский святой огонь, Русский духовный пыл, стремление к истинному и доброму. Нерусские девушки не спрашивают об *этом*. Им не нужно благословения и "слова": накатанные у них дорожки, привычные. А вы... вы, русские бездорожницы, вышли искать Россию, Град-Китеж, потонувший! Идите смело — и найдете. Я тоже ищу ее, и верю в нее, и верю, что найду ее. Я ищу ее в образах и думах. Быть может, *такой* и найду ее, бесплотной..., но вы найдете и осязаемую! Вы, юные, найдете. Вы только пустились в путь. Я чувствую ваши *живые* души. В ваших глазах надежда: Россия будет, мы жить будем, по-нашему жить будем, *у себя* жить будем, в России жить и творить будем! В вас силы молодые, пытливые, но кругом — столько путей неясных, предрассветных! И вы правы, вы чутко правы, прося напутствия. Вы религиозны, вы — кровь отцов: *молились* они *перед*

походом. И вы — в походе. И я хочу вам сказать: идите и помните, что мы сильны! Помните непрестанно, что мы велики, что мы от *великого народа*, что мы чудесны и нашей историей, уделившей нам миссию охранять культуру, что мы велики *великим страданием нашим* и *великой победой нашей* — всем тем чудесным, что *русский гений* давал, дает и будет давать миру! Только теперь начинаем мы познавать себя. Только теперь начинает чувствовать этот мир, начинает приоткрывать чудеснейший Лик России. Лишенные родины, мы всюду несем *ее*. Бога — во имя её несём. Наше искусство, проявление божеского в человеке, в славе идет по свету. Наши идеи, наше богопознание и богоискание, наше "святое беспокойство" за мир и человека — волнуют чутких во всех народах. Мы же — философы мировые, мы — бродило (закваска). Наша наука, лишенная даже почвы родины, может гордиться родными именами. Наши муки служат *великой сдержкой человеческому безумию*, примером небывалым. Мы пали, но мы и восстанем! Мы мучаемся, но мы — творим. Мы, невольные постояльцы мира, — учим! В рассеянии, мы готовим смену — вас, чудесная наша молодежь, сильных в лишениях, знающих все дороги-бездорожья, но чувствующих *единое*, национально чувствующих, жаждущих создавать новую Россию, — мы уже видим ее в мечтах.

Эти мечты и воля претворить их в *живое*, — в вас есть. Ждете напутствия? Все, что могу вам сказать, — в вас есть! Вы *любите Россию*, русские девушки, вы носите ее в себе. Вы, столько претерпевшие, муками освященные, вы — чистые, вы — святые! И святое несете в сердце. Многие из вас потеряли и растеряли отцов и матерей, братьев... мученицы из вас многие-многие, и все — сироты, без Родины. Но вы верите, что

Россия *есть*, что она будет ваша. Ваше сиротство кончится. *Такое*, что выпало нам на долю, не может пройти бесследно. *Такое* будет возмерено *такой* же безмерной мерою, — таинственный закон жизни, — *грядущей радостью*. И это будет. И вы это увидите. Пусть эта вера напутствует вас всегда. Готовьте себя — России. Как готовить? Вы это знаете, должны знать.

Великое выпадает на долю вам. Россия осквернена до сердца. Вы, русские девушки, станете русскими женщинами. Вам предстоит великое: создавать новую, *чистую*, русскую семью, обновлять, очищать от скверны родной народ. Вы понесете народу Бога, понесете в жизнь *правду*, — все то ценнейшее, чем возвеличена русская женщина: выполнение долга, самоотверженность, милосердие, чистоту, духовность, кротость, готовность к подвигу, верность и глубину любви... *Теперь*, когда Россия осквернена до сердца, когда все обещано, ваша великая миссия — *нести чистоту, утверждать нравственность, дать здоровое поколение, воспитать его, научить жизни в Боге*. От вас, чистых, охраненных от скверны, чем там заражены миллионы подобных вам русских девушек, плененных, духовно ослепленных, — *от вас зависит величайшее дело духовного возрождения нового поколения России*. С Богом в душе, с Церковью, с верой, с памятью о загубленном, чудесном, чистом. Вы будете стойки, вы будете свято-горды: вам, русские зарубежные девушки, а с вами вместе и тем, кто сохранил себя (или возродился) там, — великое вам назначение. Как и что делать — подскажет вам ум и сердце. Чтобы лечить — надо знать. Думайте о России, знайте о ней. Познавайте ее, бывшую, незапятнанную. Познавайте и смрадную, на гноище ее. Набирайтесь знаний, готовьте себя к работе *там*: школьной, ученой, воспитательной,

духовной, просветительской, проповеднической, лечебной, всякой, какая кому по склонностям и силам. Но прежде всего: живую, человеческую душу в себе храните, чтобы творить *с любовью*. Вашему поколению выпадает великая работа — очищать, освящать Россию. Мужчине — *строить*; вам — *освящать*. Не отдых, а непрестанный труд. Искупление будет продолжаться: слишком грехи велики. Слишком много утрачено ценнейшего, слишком много осквернено. И верьте: ваши усилия, — если хотим России, — могут произвести величайший духовный взрыв — творящей энергии народа. И Россия, показавшая миру великую бездну падения, покажет чудо *великого возрождения*, величайших высот духовных. Россия это может! Это чудо будет наградой вам. Верьте — и это будет. Верьте и делайте. И вы увидите это чудо. Это будет, это может быть счастьем и целью вашего поколения. Это чудо может быть и оправданием России. И да благословит вас Бог!

« Зарубежная Русь »

Ежемесячный журнал — общественно-литературный орган русской национальной и православной мысли.

12-ый год издания. Годовая подписка
— 18 долларов.

Адрес : Russia Abroad Publ., P.O. Box 19225,
Washington, D.C. 20036, USA

Редактор А.А. Соллогуб

РУССКИЕ КНИГИ ЗА РУБЕЖОМ

Игорь Ефимов. БЕЗ БУРЖУЕВ. "Посев", 1979, 350 стр.

"Без буржуев" — книга о "социалистическом хозяйстве" Советского Союза, находящемся, по уверениям властей, в стадии "зрелого", или "развитого" социализма и резво поспевающего к стадии коммунистической.

К чему бы оно ни приближалось, хозяйство это работает скверно, хромя, как говорится, на обе ноги. Автор собрал об этом большой материал, из советской же печати, документально показывающий, как это происходит, как, "без буржуев", советское хозяйство "выполняет планы", для чего людям приходится тратить невероятно много сил и нервов, пускаться на всевозможные комбинации и махинации, зачастую равные уголовщине. Казалось бы, такого не может быть: всё ведь предусмотрено, в планах точно записано, когда и откуда поступит столько-то сырья, топлива, инструментов, — будь любезен, делай из этого, что тебе надлежит, что, опять-таки, точно записано у тебя в плане. Всё заранее определено и расписано, — откуда же махинации и мученье работников? Откуда такой ералаш, почему не получается?

Да, всё предусмотрено, а вот, не выходит. И так с самого начала работы "планового социалистического хозяйства", еще с 20-х годов. В 30-х ералаш продолжался, продолжается и теперь — доколе?

Бесхозное это хозяйство ("безбуржуйное") совсем обходится без "частника": предприятиям неизменно приходится продавать и покупать "налево", пользоваться чёрным рынком, лишь бы работать и

выполнять план. Ведущим делом работникам надо постоянно "проявлять инициативу", — я когда-то назвал её "социализированной частной инициативой", проявляемой в мире социализма на каждом шагу. Само партийное руководство повсюду требует от подчиненных проявлять инициативу, для выполнения заданий партии: партия отнюдь не гнушается частной инициативой, она лишь уродует её, чтобы легче присваивать её плоды.

С помощью этой инициативы советское хозяйство всё же работает и много производит, хотя и не может обеспечить многие самые неотложные нужды страны. Автор некоторую работоспособность этого хозяйства относит за счет наличия у людей чувства, не позволяющего им работать плохо. Сбрасывать это обстоятельство со счета тоже, конечно, нельзя, но оно — частность. Главное же — в огромном количестве затрачиваемого труда, в дело и без дела. Труд более чем 250-миллионного народа не может быть целиком неэффективным, даже при самой скверной организации дела и при колоссальной растрате людских усилий. Если общий труд эффективен хотя бы на 10 - 15% он уже дает большое количество товаров и услуг, в какой-то степени устраивающих "руководство", знающее, что большего под его властью и не получишь.

Вырабатывается столько, что хватает и на "роскошную" жизнь разных номенклатурных, и на несметные вооружения, и на авантюры по захвату стран в Африке, Азии, Центральной Америке, на содержание многих компартий за границей и разного рода "пятых колонн". Автора книги, впрочем, не это занимает, он пишет, что народ в общем доволен: у всех есть крыша над головой, все более или менее сыты, голода нет, а что бедность — зато "порядок", на улицах не убивают,

главное же — столько лет мира, нет большой войны. А с "буржуями" она, надо понимать, была бы обязательно. Так что, пожалуй, лучше "без буржуев"?

Здесь, как и в некоторых других местах, у автора проявляется, что от навязанных советской пропагандой представлений, он не освободился. Он пишет, например, по стандарту, что в 1917 году страна могла выбрать и не комдиктатуру, — она выбрала её. Будто бы тогда была свобода выбора.

Но если говорить о выборе — тогда было выбрано Учредительное Собрание, в котором большевики оказались в меньшинстве, почему Ленин и приказал его разогнать. О какой же свободе выбора можно говорить?

Именно потому, что ленинско-сталинский и наследный ему строй был не выбран и не создан народом, а бесстыдным обманом и жесточайшим насилием навязан ему вождями большевизма, и объясняются уродства и неэффективность "социалистического хозяйства", как и упорное продолжение насилия и обмана, тотально опутывающих страну. Строй этот выдуман, он искусственный, а не естественный, почему духовно и не принимается людьми — и не будет приниматься, пока не будет переделан по их представлениям и реальным потребностям. По автору, народ в общем доволен и менять строй не желает, — но откуда автор знает об этом? Когда и кто разрешал народу свободно об этом судить?

Автор пишет, что все попытки найти какие-то иные, лучшие пути и методы работы советского хозяйства ни к чему не приводят. Но не уточняет: ни к чему не приводят в рамках этой же системы, в условиях тотального подчинения партии, возглавителям которой нужно прежде всего это подчинение, а не лучшая

работа. Это отлично показано в превосходной работе Льва Тимофеева "Технология чёрного рынка", тоже о советском хозяйстве, напечатанной в предыдущих выпусках "Русского Возрождения", свободной и от непонимания, и от власти стандартных партийных представлений.

Анатолий Федосеев. О НОВОЙ РОССИИ.
Альтернатива. Лондон, 1980, 335 стр.

В эмиграции выходит довольно много книг, но эту, "О новой России", в ряд с ними не поставишь: такие и в эмиграции крайне редки. Потребность в них между тем велика: комдиктатура в России в своей пропаганде постоянно и усиленно внушает людям, что навязанный ею строй во всех отношениях самый лучший, самый справедливый, самый... и что другой и не нужен и его даже не может быть. Вот дойдем до "полного социализма", а затем и до коммунизма — на нем развитие общества остановится на все времена, как на самой высшей точке, за которой уже ничего нет. Эта "истина" и подобные ей внушаются людям с пионерского возраста и не могут не влиять на их сознание, затрудняя представление о возможном свободном строе.

Книга А. Федосеева и представляет собой прежде всего как бы пособие для раскрепощения сознания, преодоления окостеневшей марксо-ленинской идеологии и перехода к свободному мышлению над вопросами замены основанного на этой много раз опровергнувшей саму себя системе идей хозяйственного и, шире, общественного и государственного строя. Автор при этом не замыкается в критике только советских порядков, — он критически, хотя по необхо-

димости и бегло, рассматривает положение и в странах, свободных от власти компартий, в которых тоже много трудностей, несравнимых впрочем с постоянной кризисной лихорадкой, переживаемой хозяйством "стран социализма", где оно находится в состоянии неизживаемого развала и хаоса.

Автор рассматривает состояние многих ключевых узлов общественной жизни в обоих лагерях: уровень зарплаты и уровень жизни, инфляцию, безработицу, нищету, работу профсоюзов, налоги и образование и т. д., попутно намечая, по его мнению, возможность лучшего устройства во всех этих областях, в условиях современного индустриального общества. Он пишет и о возможном, с его точки зрения, преобразовании деятельности сельского хозяйства, затем предлагает свой проект конституции новой России и заключает проектом "перехода от социализма к новой России", — переворота, в котором, по его мысли, должно участвовать всё без исключения население СССР.

Уже далеко не полный перечень затронутых им вопросов показывает, какую большую работу проделал автор, рассматривая современное состояние в "двух мирах" и возможности преобразований и корректив, для улучшения этого состояния. С его предложениями, вероятно, будет много несогласных или согласных только частично, но это в порядке вещей: предлагаемое автором — не "директива", не приказ и не непрекаемая истина, а лишь материал для размышления и обсуждения. Имеющие лучшие предложения могут выступить с ними, критикуя предложенное автором.

В эмиграции, правда, в особенности теперь, если не при утере, то сильном снижении ее главной, антикоммунистической заданности, трудно надеяться на возможность обстоятельного обсуждения этой книги. В

эмиграции сохраняются лишь записные остряки, охотно глумящиеся над тем, что не сходится с их мнением, — одно такое "суждение", цинично-нигилистического порядка, встретилось и по этой книге. В нем, в частности, заявлялось, что автор — инженер-электроник, а не экономист, вторгся не в свою область, туда, где он ничего не понимает. Кому-то это может показаться верным. В беседе с одним эмигрантом, специалистом по экономике, я слышал от него, что для западных экономистов книга А. Федосеева не будет убедительной, они не заинтересуются ею: в ней нет привычной им терминологии, оценки ее не подчинены методике и схемам их экономической науки.

Но последняя далеко не всегда правомочна вершить свой суд, тем более, что в практической деятельности она сейчас слишком часто оказывается бессильной, — а книга А. Федосеева как раз о практике, а не о теории. Надо сказать, что современная экономика, как и многие другие науки, расплылась на ручейки отдельных дисциплин (есть, например, и такая наука: "экономическая математика", специалисты которой тоже считаются экономистами) и нередко занята расщеплением экономических волосков. Из узких рамок давно усвоенных истин выходить она редко решается, почему, например, в оценке хозяйства советского блока часто судит о нем по привычным шаблонам экономики свободного рынка, естественно допуская крупные просчеты.

Нет, экономическая наука мало может помочь в оценке состояния дел и выработке мер по ликвидации искусственного тоталитарного строя и возведению наиболее эффективного порядка. Предложения автора книги "О новой России" продиктованы прежде всего здравым смыслом, — каким бы ни был этот критерий,

наш опыт жизни и работы в условиях "передового советского строя" говорит, что для него этот критерий должен быть главным. Для всех нас, обладающих опытом жизни в казарме социализма, именно здравый смысл представляет собой первую прочную основу и для критики, и для выработки жизненных форм нового строя в освобожденной России. И в качестве "пособия" для движения по этому пути, книга "О новой России" будет с интересом принята читателем в СССР, — надо пожелать, чтобы она в возможно большем числе проникла туда.

В порядке замечаний в этом общем отклике о книге, можно сказать следующее: автор предлагает, в освобожденной России, устранить все лишние преграды, для развития свободной частнособственнической экономики. Но, может быть и незаметно для себя, в силу советского опыта, он нередко "дует на воду", слишком увлекаясь регламентацией тех или иных форм жизни и деятельности в новой России. И сходно с этим: вынося свои размышления на обсуждение, автор нередко делает это так, будто пишет не о своих размышлениях и предложениях, а об истинах, может быть и не подлежащих критике. Но это, конечно, не меняет сущности предлагаемых им форм и мер.

В.Н.

НОВАЯ КНИГА О ЧЕХОВЕ (Э. Бройде. "Чехов мыслитель, художник", Франкфурт/М., ФРГ, 1980)

"Новая" эта книга, я бы сказал, не только по времени выхода в свет, но и по авторскому прочтению творческого наследия Чехова — писателя, у которого

было удивительно слепое и противоречивое критическое эхо; и при жизни и по сей час. И ведь не только косноязычные советские пособия пишут про Чехова — "представителя критического реализма, будившего в читателях ненависть к деспотизму и полицейщине", но и в книге "О Чехове" Корнея Чуковского, глазам не веря, читаешь, что Чехов, "вопреки застарелому мнению о нем, будто он бесстрастный художник, ... вообще был одним из самых тенденциозных писателей" (стр. 77, М., 1967).

Поэтому так обнадеживающе и отрадно прочесть в первых же строчках авторского предисловия к книге: "Чехов, как и Достоевский, Толстой, — отличался независимостью мышления, силой духовного поиска. Он отвергал любую 'футлярность', партийщину, догму"...

С этой ключевой предпосылкой о независимости чеховского творческого кредо (вполне соответствующей словам самого Чехова: "Я хотел бы быть свободным художником и только. Фирму и ярлык я считаю предрассудком") связана, мне кажется, и независимость критического подступа Э. Бройде, которую (и это несомненное достоинство книги) хочется приветствовать и продлить. Она сказывается и в интересном опосредствовании разбираемых произведений (см., например, "Противоборство Культуры с Идеологией" в главке 9-ой), и в самом отборе этих произведений и тем.

Автор начинает с ранних чеховских пьес: "Безотцовщина" и "Иванов". Затем следуют главы: "Рассказ Неизвестного" (с очень смелым толкованием: "Через 22 года после 'Бесов' в изменившейся обстановке Чехов заново исследует их психологию"); "Символика 'Вишневого сада'"; "Скрипка Ротшильда",

"Палата №6"; "Черный монах", "Архиерей". Четыре обобщенно-тематических главы (из которых глава "О трагизме комического" впечатляет больше других) заключают исследование. Передать авторские его аспекты заняло бы слишком много места. Отмечу один и, может быть, сквозной для книги, возникающий в "Монахе" и особенно звучный в интерпретации "Вишневого сада": сад — мироздание — гибнет в предчувствии надвигающейся катастрофы, в торжестве безволия, идеологической демагогии и лжи. Чехов — полагает автор — "противостоит бесовщине, угрожающей культуре", — концепция, растворенная во многих планах авторского исследования, собственно и делающая его новаторским.

Что в книге Э. Бройде вызывает возражения, так это в первую очередь ее, я бы сказал, структурный прием: половодье цитат, не всегда оправдываемых функционально (цитата-довод, цитата-иллюстрация, а вот иная — зачем?) и авторитетностью источника; читатель частенько предпочел бы более подробную аргументацию самого автора. Особенно при некоторых спорных утверждениях. Вроде: "Особенность чеховского гения заключалась в нацеленности на преодоление негативного: как и Гоголь, преимущественно высмеивал людские пороки" (стр. 22). Подчеркивание чеховского "дидактизма" вполне неожиданно; еще неожиданнее аналогия с Гоголем. "Прибавь я только одну добрую черту любому из них, — писал о своих героях Гоголь, — читатель помирился бы с ними". В чеховских же характерах "однострунность" исключена. Ниже, на той же 22-ой странице приводится подтверждающая это цитата из письма Чехова к Суворину: "Во всех зажиточных мужиках он сразу увидел кулаков, а в непонятном для него Иванове —

сразу подлеца... Ему мало, что все люди грешны. Подавай ему святых и подлецов”.

Аналогия с Гоголем противоречит, по-моему, главной линии автора в части раскрытия существа чеховской поэтики. Он приводит слова Чехова: “В жизни нет сюжетов, в ней всё перемешано: глубокое с мелким, великое с ничтожным, трагическое со смешным”, а на стр. 117 пишет о “совмещении у Чехова комического и трагического, как извечной сущности Бытия”; но углубленной исследовательской аргументации недостает очень.

Потому что синкретичность мироощущения — основное, по-моему, в мастерстве Чехова. Чеховская мозаика жизни — конгломерат противоположностей: деталей из мрака, деталей из света, человеческих надежд и человеческих безнадежностей. Это — как если перед вами огромный диск, половина которого выкрашена черным и половина белым. Начните вращать диск — краски сольются, образуя сплошной серый цвет... Среди многих ссылок на отдельные произведения Чехова в книге Э. Бройде есть ссылка на рассказ “Горе”. В 1935 году на вечере 75-летия Чехова в Московском литературном музее мне случилось прочесть в присутствии О. Л. Книппер-Чеховой и сестры писателя, Марии Павловны этот сравнительно ранний рассказ, отобранный мной по признаку совмещения в нем трагизма и юмора. В разговоре потом обе дамы подтвердили, что в рассказе “звучал подлинный Чехов”.

Прошу простить мне “ячество” в этой заметке о книге Э. Бройде: оно отчасти и вызвано ее критической свежестью; еще — надеждой, что в остальных частях монографии, которые обещает автор, нас ждут новые исследовательские углубления и находки.

Находки, может быть, и в очень еще неясном

вопросе о "внутренней христианской настроенности Чехова", которая, по мнению Бориса Зайцева (книга "Чехов"), сказала в таких светлых его персонажах, как о. Христофор ("Степь"), Липа и Варвара ("В овраге"), преосвященный Петр ("Архиерей"). В книге Зайцева приводится следующая заметка Чехова в дневнике: "Между 'есть Бог' и 'нет Бога' лежит целое грандиозное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-то одну из этих крайностей, середина же между ними не интересует его; поэтому обыкновенно он не знает ничего или очень мало".

Синкретичность мироощущения сказала в этой записи.

Л. Ржевский

КАК НАХОДЯТ МОЛИТВЫ

Не так давно выехавшая из Советского Союза молодая женщина рассказала мне о себе такую историю: она из строго атеистической семьи и научиться молиться в детстве не могла. Вместе с тем интерес к молитве и вере у нее появился давно, но удовлетворить его никак не удавалось.

В доме была довольно большая библиотека старых, еще дореволюционного издания книг, и новых, недавнего выпуска. Среди вторых было собрание сочинений Бальзака, — в одной из его книг девочка прочла примечание переводчика, что в этом месте писатель привел молитву, но ее в тексте не было, стояла только звездочка, — по этой путеводной звездочке девочка в конце книги, в примечаниях, нашла полный текст молитвы Отче наш. Она с радостью выучила молитву наизусть.

Желая проверить, я попросил собеседницу прочесть — и услышал привычную с детства молитву, полный текст, как переведена она на русский из Евангелия от Матфея. Истинно, неисповедимы пути Господни, подумалось мне.

Р. П.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Солженицын:</i> Из узла III Март семнадцатого .	5
<i>Г. Ехлаков:</i> Козельщанское чудо	19
<i>Прот. А. Киселев:</i> О предстоящем прославлении новомучеников российских	51
<i>Архиепископ Антоний:</i> Прославление со святыми новомучеников и новых исповедников	72
<i>В. Алексеев и Ф. Ставру:</i> Русская православная церковь на оккупированной немцами территории	85
<i>Прот. Д. Константинов:</i> Продолжение гонений на церковь	101
<i>Епископ полтавский и кременчугский Феодосий:</i> Письмо Ген. Секретарю ЦК КПСС, Предс. президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу	121
<i>В. Тростников:</i> Письма о болезни и исцелении. Окончание второго письма	156
<i>Д-р Э. Бройде:</i> Достоевский и Чехов	168
<i>Вл. Самарин:</i> Антибольшевистские восстания ...	192
<i>Г. Андреев:</i> Об уроках не только Октября	216
<i>Икона в память Цесаревича Алексея и юных добровольцев</i>	231

<i>И. Шмелев: К родной молодежи</i>	235
Русские книги за рубежом	241
Заметка: Как находят молитвы	252

Обложка работы художника А.В. Русака
Крест из церкви свв. Апостолов Петра и Павла в
Кожевниках (Новгород) 1406 год.

Русский независимый альманах

В Е Ч Е

Выходит четыре раза в год.

Условия подписки: 4 номера 40 DM или \$ 25.-

Цена отдельного номера 12 DM " \$ 6.-

Выходит под редакцией Евгения Вагина и Олега Красовского.

Издатель — Российское Национальное Объединение в ФРГ (Западная Германия)

Russischer Nationaler Verein e. V,
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
West Germany

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Вышел выпуск 5

За 3 выпуска при подписке:
непосредственно в издательстве долл. 23.-

Цена отдельного выпуска долл. 11.-

"Надежда" составляется и распространяется в России в машинописном виде. Долг наш — российской эмиграции — облегчить ее распространение на Родине, переиздавая за границей типографским способом. Без помощи читателей за рубежом мы этого издания продолжать не сможем. Уже сейчас издание "Надежды" задерживается из-за недостатка средств, хотя у нас в "запасе" лежит несколько новых выпусков, которых с нетерпением ждут читатели в России

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6320 Frankfurt/M. 80

THE RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

АВСТРАЛИЯ:

Сидней — Mr. M. Serebriakov, Lot 2, Old Kent Road, Kentlyn N.S.W., Australia 2560.

Мельбурн — Mr. A. Souprounovich, 11 Chel Street, Dakleigh, Australia 3166.

Аделаида — Mr. S. Komarovs, 4 Devon Street, Mile End, S. Australia 5031.

ГЕРМАНИЯ: Herrn M. Artzimovitsch, Promenade 26, 6380 Bad Homburg, W. Germany.

КАНАДА: Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescent, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6.

Mrs. N. Zaikoff. 5462 Lavoil Montreal, Q. H3W 2S6

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк — 1000th Anniversary Committee, 322 W. 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025, U.S.A.

Сан Франциско — Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd., San Francisco, Cal. 94121.

ФРАНЦИЯ:

Париж — Melle N. Semenoff, 1 rue Delaporte, 94700 Maisons-Alfort, France.

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год с пересылкой простой почтой 24 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличивать подписную плату насколько кто может.

Подписную плату следует посылать (чеками или почтовыми переводами):

«1000 Anniversary Committee», 322 W. 108 St. New York, N.Y., 10025, USA

в Европе и Австралии — у наших представителей.
